

ВЛАДИМИР ПАНОВ

Владимир Панов

Та...

«Автор»

2026

Панов В.

Та... / В. Панов — «Автор», 2026

О ней известно всё. Известно больше, чем о знатных герцогах и великих королях, больше, чем о любом человеке её эпохи. Известны ее слова, прочитаны ее письма, записаны показания очевидцев, вынесен приговор и запоздалое оправдание. Она давно превратилась в икону, в мраморное изваяние, в величественную легенду. Столь невероятны, столь невозможны ее деяния, что за пеленой веков она кажется героиней сказки. Но она жила. Её сердце билось. Её вера изменила историю. О ней известно всё. О ней неизвестно ничего.

© Панов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Владимир Панов

Та...

Май 1486 года, замок Лаваль

- Мы все любили ее... Все, все... От первого барона, до последнего лучника, до самой жалкой обозной девки... Спесивые герои, отважные подонки... благородные клятвопреступники, безупречные рыцари... мы все любили ее...

Восьмидесятилетний старик в черном одеянии и красном шапероне на голове замолчал на полуслове. Его иссохшие пальцы вцепились в деревянные подлокотники, изборожденное морщинами худое лицо застыло, как маска. Взгляд выцветших, почти прозрачных глаз, направленный на сидящего перед ним юношу, скорее еще мальчика лет двенадцати, стал отстраненным, словно старик перенесся в своих воспоминаниях куда-то далеко из этого просторного нового зала замка.

Мальчик в богатой, скроенной по возрасту одежде почтительно смотрел на задумавшегося старика, не смея прервать его молчание вопросом. Он будто чувствовал важность момента. Наконец лицо старика ожило, на губах появилась едва заметная улыбка:

- Да, мы все любили ее...

- Почему? – не по-детски серьезно спросил мальчик.

- Я не знаю почему. Она не делала ничего, чтобы вызывать любовь, она не старалась нравиться, она была лишь собой... Я не знаю почему мы любили ее... Возможно, потому, что были молоды... Но я знаю, что все, кто тогда были с ней, все пронесли эту непонятную любовь до гроба... Ее не запятнали их будущие мерзости и грехи, не осквернили измены и преступления... Все это было потом. А в те дни каждый из нас готов был отдать за нее жизнь. И я клянусь тебе, это не просто красивые слова зажившегося на этом свете старика. Нам тогда больше всего на свете была страшна мысль, что ее может не стать... Тем непонятней мне сейчас, почему мы все предали ее... Нас извиняет разве, что мы не сразу это поняли. Но теперь, через много лет, я знаю - мы предали ее...

- Господин, разве можно предать, если любишь? – удивленно поднял голову мальчик.

- Николя, - устало и медленно, словно стесняясь, ответил старик, - ты крепок и росл, через два года ты уже сможешь повести свои копыя в бой... Ты разумен и смел, ты уже многое понимаешь в военном деле... Но пройдет еще очень много времени, прежде чем ты поймешь разумом то, о чем я тебе расскажу. И может быть, никогда не наступит время, когда ты сможешь понять это сердцем...

- Но почему вы говорите, что предали ее? Ведь всем известно - ее предали бургундцы.

- Внук мой... в тебе течет кровь Монфоров и Монмаранси. Кровь древняя, дерзкая и благородная... Ты, возможно, станешь моим наследником, очередным графом де Лавалем... И вот я, Франсуа де Монфор, Ги Четырнадцатый, граф де Лаваль, обязан сказать тебе, что предал ту, которую любил, ту, которую в молитвах своих перед Господом поклялся защищать... И я не сделал ничего более низкого и стыдного за свою жизнь.

- Зачем вы все это говорите мне, мой господин? – во взрослом взгляде будущего графа де Лавалья проявились и недоверие, и возмущение.

- Чтобы уберечь тебя от ошибок, зачем же еще? Когда тебе предстоит выбор, ты должен сделать верный.

- Я не испугаюсь...

- Я не о страхе, Николя. Неужели ты думаешь, что мы кого-то боялись? Если бы я испугался вступить в бой, если бы устрасился смерти, то было бы все просто и обыденно и не стоило бы об этом говорить. Кто-то, может, и испугался... но предали ее не поэтому...

- Почему же?

- Больше полвека прошло, как ее не стало... Быть может, я и Андре, да еще этот суетливый де Шабанн - мы последние из тех, кто были с ней рядом... Я расскажу тебе, как впервые увидел ее. Я помню, как вчера, это было... восьмого июня. Я приехал к королю в Сель ... По его просьбе она приняла меня. Я попросил вина, а она улыбнулась и сказала, что сама поднесет мне лучшее вино, но в Париже... Без жеманства, без величия, без лести, без деланной простоты... Она произнесла это как-то... Не такую ее я готовился увидеть, а она... она...

Июль 1428 года, замок Сюлли, герцогство Орлеанское

До заката было еще далеко. Белый диск солнца высоко над деревьями посылал земле уже не жару, как в полдень, но вполне еще теплые лучи. Дневное пекло почти две недели мучило округу, но в каменных залах замка с его северной стороны томительной духоты не было даже днем. Пусть темновато и мрачновато, зато в них сохранялась относительная прохлада, приятная и расслабляющая.

В одном из этих теневых залов, из окон которого была видна порядком обмелевшая Луара, высокий, заметно полноватый человек лет сорока в синей, расшитой крупными золотыми узорами просторной тунике и в белом шапероне сидел за столом и пил вино из простой глиняной кружки. Напротив него сидел тоже высокий, но худощавый человек лет под пятьдесят в черной простой одежде, похожей на рясу бедных сельских священников, только с меховой оторочкой. Из такой же глиняной кружки он пил воду.

- Не передумали отведать из моего кувшина, господин архиепископ? – с легкой иронией в голосе спросил человек в синей тунике. – Вино очень недурное.

- Сколько тебе лет, Жорж, - спросил тот, кого называли архиепископом.

- Сорок три.

- И ты здоров?

- Как бык.

- Ну а я уже не очень. И от вина у меня болит желудок и вообще все нутро.

- Ты же не старый еще...

- Причем здесь старость?

- Тогда, Реньо, завидуй мне. Потому что у меня от вина болит только голова, и то лишь на следующий день. И выпить мне для этого нужно бочку.

- Жорж, - с едва заметным недовольством произнес архиепископ, - ты позвал меня к себе говорить о деле. Говори.

- Не обижайся, Реньо. Ты мой самый близкий друг...

- У тебя нет друзей, - резко прервал его архиепископ. – Говори о делах.

- О делах, так о делах... Они плохи, Реньо. Наши дела.

- Ты хотел мне сообщить эту потрясающую новость? И стоило мне тогда ехать сюда...

- Вы все-таки обиделись, господин архиепископ. Изменит ли ваше настроение новость о том, что я таки добился для вас должности канцлера?

- Ты это обещаешь уже давно, Жорж.

- Жорж де Ла Тремуй, великий камергер короля, всегда держит свое слово, - с притворной напыщенностью произнес хозяин и тут же смущенно добавил: - Не прямо сейчас, конечно...

- Вот, вот, - усмехнулся гость.

- Но еще до конца года ты станешь канцлером, клянусь Богом!

- Не богохульствуй, Жорж, - уныло произнес архиепископ. – Говори, зачем звал.

- У меня есть сведения, Реньо. В Кале высадился граф Солсбери...

Архиепископ никак не отреагировал на эти слова Ла Тремуй. Его взгляд оставался застывшим, устремленным на залитую вечерним солнцем долину реки.

- С тремя тысячами солдат, - уточнил Ла Тремуй, внимательно глядя на собеседника и ожидая его реакции.

Но архиепископ никак не реагировал, словно слова Ла Тремуя были обращены вовсе не к нему.

- У Бедфорда в Париже еще пять тысяч, - снова произнес Ла Тремуй, не отводя взгляда от архиепископа. – Не считая гарнизонов и бургундцев.

В конце концов молчание собеседника стало раздражать Ла Тремуя и он продолжил уже с явным недовольством:

- Что молчишь? Солсбери собирается на Анжер! Если он захватит его, бретонец окончательно перейдет на сторону англичан!

- Вряд ли, - очнулся от своей задумчивости архиепископ. – Герцог Бретонский не дурак, зачем ему это нужно?

- Ну все-равно! Королевский двор живет на деньги Иоланды! Если англичане заберут у нее Анжу!.. В общем, ты так никогда и не попадешь в свое архиепископство.

- Отчего же? – холодно произнес архиепископ. – Поеду поклонюсь герцогу Бургундскому, и вот я в Реймсе.

- Не говори ерунды, Реньо! Это значит все проиграть...

На какое-то время они замолчали, думая каждый о своем. Хотя оба прекрасно понимали, что думают об одном и том же. Первым прервал молчание Ла Тремуй:

- От Жана письмо.

- Забавно, - улыбнулся сухой, жесткой улыбкой архиепископ, - ты великий камергер у короля, твой брат – великий камергер у его врага.

- Почему сразу врага? Впрочем...

- Не отвлекайся, Жорж. Так что пишет великий камергер герцога Бургундского?

- Он пишет, что герцог, возможно, будет не прочь договориться. На определенных условиях...

- На каких условиях?

- Никакой конкретики Жан не сообщает... Но в целом... Интерес бургундца понятен. С регентством Бедфорд его обидел, английский щенок растет... А ну как вырастет в папашу? Ему не нужна сильная власть во Франции, а значит, он не хочет окончательной победы ни одной из сторон. Англичане близки к победе... это вызывает у него тревогу.

- Он бы думал об этом, когда договор в Труа подписывал... - желчно сказал архиепископ.

- Что ж, надеюсь, он не затребует слишком многого.

- Чего бы не затребовал, ему нужно дать. Король в положении отчаянном. И мы вместе с ним. Да и какой он король? Некоронованный, без денег, без войск... Жалок. Не может решиться ни на что...

- На что он, по-твоему, должен решиться, Жорж?

- Хоть на что-нибудь! Поднять всех, кто есть! Повести за собой! Чтобы люди поверили в него! Одна выигранная битва может все изменить.

- Будет еще один Азенкур¹. Ты ведь был там. Помнишь?

- Как забыть! Столько денег пришлось заплатить, чтобы выкупиться из плена...

- А мои два брата погибли там... И ты, Жорж, ничего не понимаешь в военном деле.

- Не буду строить из себя полководца. Не понимаю. Но на месте короля я бы не сидел и не ждал у моря погоды. Не понимаю его. Что за характер? На что он надеется? Впрочем, чего еще ожидать от сына сумасшедшего и блудницы.

- Послушай, Жорж... - архиепископ явно был смущен или в сомнении. – Король мне исповедовался...

¹ Битва при Азенкуре 25 октября 1415 года между английскими и французскими армиями. Разгромное поражение французского рыцарского войска, предопределившее дальнейшую оккупацию англичанами севера Франции.

- Ты хочешь открыть тайну исповеди? – с притворным возмущением воскликнул Ла Тремуй. – Побойся Бога! Или дьявола! Или в кого ты там веришь...

- Не богохульствуй, Жорж! Мой исповедуемый... он думает... если все станет еще хуже, то он намерен покинуть Францию. Уехать в Кастилию или в Шотландию...

- Слизняк, - брезгливо протянул Ла Тремуй. – Повезло нам с корольком...

- Он весь в сомнениях, Жорж. И его можно понять. Его предала собственная мать. Хотя в Труа она и не завила прямо, что он не сын Карла Шестого, но...

- Еще бы она заявила! Признать во всеуслышание, что она шлюха!

- Он же видел своего отца, видел, в каком тот был состоянии... Какие уж тут дети... А его мать, якобы, ходила к королю только чтобы не объяснять потом, почему и от кого она снова беременна... На каждой исповеди он говорит об этом, каясь в ненависти к собственной матери.

- Черт возьми! Наши дела еще хуже, чем я полагал... Нужно чудо, Реньо. Не сотворишь его?

- Я всего лишь верный слугитель нашей святой матери-церкви, Жорж, и не сотворяю чудес. Чудеса сотворяет только Бог. А так как Бога нет, то никто. Поэтому чудес и не бывает.

- Не бывает... - медленно и задумчиво повторил Ла Тремуй.

Его взгляд лишь на несколько секунд был потухшим, он вдруг поднял голову и стал говорить жестко и уверенно, без всякой шутливости, что была в его речи прежде:

- Теперь давай серьезно, Реньо. Наши солдаты деморализованы. Наши капитаны не верят в победу. Не в победу даже, а в то, что удастся хотя бы сохранить текущее положение. Король не способен возглавить борьбу и готов смириться с поражением. Бургундцы - союзники англичан. Бретонцы – можно сказать тоже. Наше дело проиграно?

- У тебя есть мысли?

- Нам нужно чудо, Реньо. И раз твой Бог не может его сделать, его сделаю я.

- Если ты умеешь творить чудеса, то для начала сделал бы меня канцлером, - насмешливо произнес архиепископ и тут же снова стал серьезным: - Что ты предлагаешь?

- Надо убедить короля, что он истинный и законный наследник. Когда все увидят, что он уверен в себе и готов отстаивать свои права, то за ним пойдут и на его сторону встанут.

- Как? – без всяких эмоций спросил архиепископ.

- А как люди узнали, что Иисус именно тот, кого они ждали?

- Времена нынче не те, Жорж, - холодно и сухо произнес архиепископ. – Волхвы перевелись, а тем, что есть, люди не верят.

- По стране куча дурачков бродит, и каждый – пророк. Выбор богатый.

- Это не ново. Это уже было, кого только не притаскивали ко двору...

- Это дело техники. Чтобы поверили. В конце концов, нужно, чтобы поверил только один человек – король. Само-собой это не должна быть балаганная постановка на деревенской ярмарке. Все нужно сделать профессионально.

- За неимением других вариантов... Тебе нужна моя помощь?

- Разумеется. Ты исповедник короля, он доверяет тебе свои мысли... понимаешь?

- Понимаю. Кто этим займется?

- У меня есть один человек, способный воплотить все это. Я его называю Тенью.

- Тенью? – усмехнулся архиепископ. – Говорящее прозвище.

- Вообще-то его зовут по-другому, но Тень ему подходит лучше. Он умеет все. А главное – он предан мне.

- Что ж, у меня тоже есть человек, который может помочь тебе в этом деле... Когда ты начнешь?

- Зачем тянуть? Сегодня и начну.

Июль 1428 года, близ деревни Куссе, граница Лотарингии и Шампани

- Жаннетта! Жаннетта! – кричал на бегу, размахивая маленькой крестьянской шапочкой, молодой парень лет пятнадцати. Его слова были обращены к девушке одних, примерно, с ним лет, стоящей с длинной палкой посреди пяти-шести десятков овец.

Девушка была мила, стройна, даже немного не по-крестьянски худошава. На ней было простое когда-то красное, а теперь просто потертое платье, и из всех украшений имелись только маленький нашейный крестик на веревочке, два колечка на пальцах левой руки и серый платок, убиравший темно-каштановые волосы.

Вообще-то девушка уже давно заметила бегущего к ней юношу. Она стояла, улыбаясь, но быстро улыбка исчезла с ее лица. Слишком уж тревожными были крики явно запыхавшегося, но не желавшего остановиться ни на секунду парня.

- Что случилось, Симонен? – спросила девушка, когда парень наконец добежал до нее и остановился, упершись руками в колени и пытаясь отдышаться.

- Жаннетта... Бургундцы... Твой отец сказал... перегоняй стадо... через ручей... Гони его в Невшато...

- Что бургундцы? – спросила девушка, и в голосе ее было слышно волнение.

- Бургундцы идут на Вокулёр... Они пойдут через Домреми и Грё...

- А остальные?

- Нужно собрать вещи. И скот взять... Они догонят нас после Куссе. Нужно торопиться!

Девушка больше ничего не спрашивала. Вместе с юношей они как могли быстро погнали овец, но изредка Жаннетта все же оглядывалась назад, надеясь, вероятно, увидеть догоняющих их родственников и соседей.

Симонен сказал правду. Первые жители Домреми и Грё догнали их еще до Невшато – укрепленного городка с замком на берегу Мёза. Среди них были и отец Жаннетты, и мать, и братья с сестрой.

Пристраивали скот, находили место для ночлега – привычно, деловито, явно не в первый раз. Жители Невшато относились с пониманием и сочувствием к нахлынувшим к ним деревенским оккупантам, превратившим небольшой город в подобие скотного двора. Эти оккупанты никогда не приносили им разорения, в отличие от других, тех, кто, по словам крестьян, должны будут пройти вскоре по их округе.

Когда закончили все хлопоты с животными, Жаннетта услышала, как отец сказал матери:

- Изабо, идите к Ла Русс. Девочки устали, наверное. А ты, Пьер, давай со мной.

- Куда ты, Жак? – недовольно спросила мать.

- Я же староста, - улыбнулся отец, - у меня еще дела...

В доме Ла Русс Жаннетта и ее семья уже бывали не один раз. Всем нравилась эта молчаливая тридцатилетняя вдова – то ли дальняя родственница, то ли просто хорошая знакомая их семьи. В Невшато они всегда останавливались у нее. Ла Русс жила одна, последний ее ребенок умер два года назад, так что места в ее доме хватало всей большой семье Жаннетты.

Мать сразу же принялась помогать по хозяйству и пристроила к этому делу и дочерей. Но вообще-то помогать было особо не в чем. Хозяйство у Ла Русс было небольшим по деревенским меркам и вела она его сама очень аккуратно. Десяток кур, два теленка и старая кобыла – разве это хозяйство? Так что все прекрасно понимали, что помощь была предложена больше из приличия, чем из необходимости.

На этот раз в доме Ла Русс было еще двое гостей кроме семьи Жанны. В городке стало тесно, так что все, что имело крышу над головой, было заполнено людьми. Одним из нашедших приют у вдовы был церковный староста и звонарь из Домреми – Перрен Ле Драпье. Совсем еще не старый, и даже симпатичный человек, но какой-то весь несуразный, забывчивый и, как знали все в деревне, глуховатый на одно, а то и на оба уха.

Вторым гостем Ла Русс был человек незнакомый семье Жаннетты. Это был, без сомнения, воин, хотя и без доспехов. Его принадлежность к воинскому сословию выдавал не только

меч, но сами его повадки, манера говорить, взгляд, который невозможно было представить взглядом мирного человека. На вид ему было лет тридцать пять, он назвался Бертраном и держался особняком от всех, хотя и не молчал, когда отец Жаннетты заговаривал с ним.

После ужина все занимались кто чем. Братьев Жаннетты отец направил проверить скот, а сам принялся за починку шатающейся скамьи на кухне. Мать о чем-то неспешно беседовала с Ла Русс, помогая споласкивать посуду, а обе дочери под цепким взглядом человека с мечом занялись пряжей на прялке хозяйки.

Где-то совсем рядом зазвонил церковный колокол. Жаннетта прервала свое занятие, встала на колени, сложила руки и опустила голову. На лице Бертрана появилась улыбка, он вопросительно посмотрел на церковного старосту.

- Она всегда так, - вполголоса ответил на немой вопрос воина Перрен. – Услышит колокол – молится. Хорошая девочка, добрая...

«Добрая девочка» окончила свою молитву и, поднявшись с колен, недовольно обратилась к церковному старосте:

- Перрен! Почему ты вчера опять не звонил к третьему?

- Жаннетта... - растерянно и испуганно произнес Перрен, переводя взгляд с девушки на Бертрана, - я... как сказать...

- Так и скажи – поленился, - строго произнесла Жаннетта и тут же вся напускная строгость и недовольство исчезли и с ее лица, и из ее голоса. Она улыбнулась совершенно по-доброму и спросила: - Проспал, да?

- Жаннетта... - забормотал оправдание звонарь, - только на минутку глаза закрыл... а потом было поздно... Устал я...

- Это чем же ты так утомился, Перрен? – все так же улыбаясь, спросила девушка. – У Жерара вино пил весь вечер?

- Да что ты, Жаннетта! – округлил в невинном изумлении свои глаза Перрен, - Клянусь Богом...

- Прекрати! – резко прервала его девушка. – Нельзя это...

- Ну хватит уже, - произнес отец, закончив со скамейкой, - сцепились...

И тут же степенно и с почтением он обратился к другому гостю:

- Господин Бертран, так что же там все-таки в Вокулёре?

- Ничего нового, - без особой охоты ответил воин. – Чертов де Вержи снова ведет своих бургундцев осаждать Вокулёр... Господин Бодрикур отправил меня к Роберу де Сарребрюку за помощью...

- Еще раз благодарю вас, господин Бертран, что предупредили нас... Почему же господин де Вержи воюет с господином де Бодрикуром?

- Старая вражда... Уже лет восемь. А главное, Вокулёр – единственный город во всей Шампани, что остался верен королю Карлу. Вот эти псы - годоны² и бургундцы - и не дают нам покоя.

- Я была в Вокулёре в мае, - вдруг произнесла Жаннетта, не обращая ни к кому конкретно. – И я говорила с господином де Бодрикуром.

- Жаннетта! – строго посмотрел на дочь отец. – Опять ты про свои глупости! Забудь уже!

Жаннетта послушно опустила голову и замолчала, а отец, пользуясь случаем поговорить со знающим человеком, продолжил:

- Господин Бертран, а что же герцог Бургундский?

- Что герцог Бургундский?

- Почему он не помирится с королем Карлом?

² Годоны (или годдамы) – презрительное прозвище англичан во время Столетней войны. Произошло от английского ругательства «God damned».

- Не все ли тебе равно? – усмехнулся Бертран. – Землю пахать и скот разводить тебе ведь это не мешает.

- В том-то и дело, что мешает, господин. А то бы сидели мы сейчас здесь.

- Ты прав вообще-то. Война разоряет всех... А герцог Бургундский, он ведь не считает Карла королем. Он считает законным королем английского ублюдка, которому семь лет.

- Почему же французскому герцогу милей англичане?

- Вот ты спросил, - снова усмехнулся Бертран. – Откуда же мне знать? Я простой солдат...

Июль 1428 года, замок Сюлли, герцогство Орлеанское

Человек весь в сером вошел в зал, сам закрыл за собой дверь и поклонился. Вернее, человек был не совсем в сером. Серыми были его штаны-шоссы, дублет и шаперон на голове. А вот накинутый поверх дублета слегка полинялый хук был темно-серым, почти черным, что, впрочем, только подчеркивало скромность одежды вошедшего. Но в целом это была самая обычная и простая одежда горожанина.

Лицо человека было вполне обыкновенным: не худым и не полным, без всякой на нем растительности, так что и глазу зацепиться было не за что. Вот только взгляд его был острым, внимательным и как будто немного насмешливым. И сколько лет человеку определить было трудно. Вроде бы за тридцать и никак не больше пятидесяти, с такими людьми точнее и не определишь.

Поклонился человек в сером хозяину замка Жоржу де Ла Тремуя, графу де Гину, великому камергеру короля. Небрежным движением руки один из самых влиятельных людей королевства приказал вошедшему подойти поближе, что тот и сделал.

- У меня к тебе дело, Тень, - произнес Ла Тремуй. – Очень важное.

- Очень? – с почтением приподнял брови вошедший.

- Важнее не бывает.

- Речь идет о вашей жизни, господин?

- Можно и так сказать. В каком-то смысле.

- Я готов выполнить все, что вы прикажете, вы же знаете.

- В этом деле, - медленно, осторожно, подбирая слова, сказал Ла Тремуй, - нужна больше не отвага, а голова... Хотя голова нужна всегда... Ты ведь знаешь много людей, знаешь о многих делах в разных местах, не так ли?

- Я знаю обо всем, что происходит во Франции.

- Не слишком ты самонадеян, Тень? Гордыня – грех.

- У меня такая работа, мой господин, – знать все. Все, что может быть полезно вам, и все, что может быть опасно вам.

- Тогда слушай. Требуется найти человека... Какого-нибудь провидца или юродивого, словом предсказателя. Но не колдуна какого, чтоб его на костре не сожгли, а что-нибудь...

- Это условие я понял, мой господин, - вежливо прервал Ла Тремуя человек в сером.

- Этого человека нужно... привести к королю.

Человек в сером удивленно поднял голову, но Ла Тремуй быстро продолжил:

- Об этом потом договоримся, здесь я тебе помогу. Главное – найди человека!

- Мне представляется это несложным...

- Тень, это очень непросто. Нужен не абы кто, нужен человек, которому поверит король.

- Чтобы лучше исполнить ваш замысел, я должен знать больше, мой господин. Как минимум то, чему должен будет поверить король.

Ла Тремуй ответил не сразу. Он внимательно исподлобья смотрел на человека в сером, будто решая: стоит ему довериться или нет. Но человек в сером прекрасно знал, что Ла Тремуй давно уже все решил, а его сомнения – это лишь игра для него, Тени. Как же наивно...

- Тень... я знаю, ты предан мне, и я тебе доверяю... Королевство наше сейчас не в лучшем состоянии. Королю теперь советуют многие, но не все советы дельные и на пользу... Мне нужен человек, через которого я бы мог помочь ему. Этот человек должен явиться к королю в качестве посланца свыше, понимаешь? Он должен рассеять сомнения короля... убедить его в том, что тот истинный наследник престола, сын Карла Шестого, что Бог дарует ему победу в конце концов. Скажу больше, он должен вдохновить короля... чтобы король воспрял духом, чтобы повел свои войска... Как тебе это?

Теперь не сразу ответил человек в сером. Он опустил голову, но не из почтения перед своим сеньором, а потому, что ему так лучше думалось. Потом он сказал:

- Я понял задачу.

- Она выполнима?

- Ничего невозможного нет, если это сильно нужно кому-нибудь, мой господин.

- Значит, ты ее выполнишь?

- Я возьмусь за нее.

- И когда все будет готово?

- Это невозможно сказать сейчас, мой господин. Но несколько месяцев, это точно.

- Время нас поджигает, Тень. Англичане скоро перейдут в наступление, тогда, может быть, будет поздно.

- Я понимаю, но если вы хотите качества, то и подготовка требуется основательная, - уверенно произнес человек в сером и продолжил, словно рассуждая с самим собой: - Вот... кандидатура провидца. Она должна удовлетворять слишком жестким критериям. Найти такого человек будет действительно непросто. Сколько блаженных и проходимцев уже пытались проникнуть ко двору, сколько их бродит по Франции... И нужно будет провести с ним определенную работу... Потом, провидцы ведь на пустом месте не рождаются, нужно подготовить им легенду, обосновать их появление... Поверить в такого должен не только король. Вы сами, мой господин, должны будете поверить, только тогда ждет успех.

- Не слишком ли уж ты все усложняешь, - поморщился Ла Тремуй. - Достоверность, конечно, нужна, но...

- Иначе и браться не стоит. Все будет шито белыми нитками, а ваши уши, извините, мой господин, будут торчать из-за этого пророка, так что все при дворе только посмеются. Но я возьмусь за это дело, хотя и не поставлю свою жизнь на его успех.

- Возьмись. А о твоей жизни позабочусь я. Она ведь принадлежит мне.

Август 1428 года, Анжерский замок, герцогство Анжу

Деревья в верхнем дворе крепости образовывали две небольших аллеи. Собственно, это была вся растительность, что имелась в цитадели герцогов Анжуйских, и кроме как по двум этим аллеям прогуляться в тени там больше было негде.

Наступил вечер, было уже не жарко, приятную прохладу несло откуда-то со стороны реки. В такой вечер прогулка среди деревьев всегда приносит удовольствие. Сегодня это удовольствие получали мужчина и женщина, не спеша идущие под руку вдоль молодых лип.

Женщине было на вид явно за сорок, но былая красота еще не покинула ее, хотя и очевидно потускнела. Черты лица утратили свежесть и упругость молодости, но сохранили свою приятность, а стройной фигуре женщины позавидовала бы любая молодая красотка.

Мужчина был лет на десять моложе ее. Он был высок и крепок, вся стать его выдавала воина. Его можно было бы назвать красавцем, если бы не несколько неглубоких шрамов на щеке, лбу и шее. Они придавали ему мужественности, безусловно, но делали выражение его лица жестким, пожалуй даже жестоким.

Мужчину со шрамами звали Артур де Ришмон. Он был родным братом герцога Бретонского, участником знаменитой битвы при Азенкуре, где и получил свои шрамы. Потом были

пять лет английского плена, возвращение во Францию, интриги и битвы, словом, бурлящая жизнь полная приключений. А три года назад он получил от короля звание коннетабля³. Получил благодаря женщине, с которой шел сейчас под руку по маленькому парку Анжерского замка.

- Еще раз спасибо, Артур, что приехал, - произнесла женщина.

- Когда встречи требует сама герцогиня Анжуйская, я готов явиться к ней даже в преисподнюю, - вроде бы с уважением, но и с насмешкой одновременно ответил Ришмон.

- Перестань, Артур, разве я требовала? Я просила.

- Иоланда, я прекрасно помню, чем обязан вам, я не страдаю провалами в памяти, - уже серьезно ответил Ришмон, но потом снова улыбнулся: - Пока, во всяком случае.

- Артур, - очаровательно улыбнулась герцогиня, - не будем вспоминать, кто кому чем обязан. Я говорю о будущем. Ла Тремуй на Совете сказал, что англичане пойдут на Анжер. У него есть сведения...

- Иоланда! – с возмущением и грустью произнес Ришмон. - Вы верите этому подонку?

- В данном случае нет оснований ему не верить. А ему нет оснований лгать. Бедфорд ведь объявил себя герцогом Анжуйским... От многих людей приходят сведения, что герцог Бедфорд готовит решительное наступление. Не один Ла Тремуй говорит об этом.

- Подумать только, какой я идиот... Сам рекомендовал его королю... Однажды у меня получится, и я убью этого ублюдка.

- Послушай, Артур... - вкрадчиво произнесла Иоланда. – Не усугубляй все. Сейчас не время, ты же понимаешь. И потом, Тремую не удалось бы удалить тебя от двора, если бы не твой брат. Так что своим изгнанием ты обязан и ему тоже.

- Иоланда! – вдруг взорвался Ришмон. - Но я-то служил королю верно! Я не виноват, что мой брат заключил договор с англичанами! Я сражался со всеми врагами короля Карла! Я готов был убить любого!

- Вот в этом ты и перегнул палку. Король обиделся на тебя и за Жиака, и за Болье.

- А почему король не обиделся на Тремую? Он ведь принимал в этом участие! И это он через три месяца женился на богатой вдовушке Жиака! И почему король не обиделся на тебя, Иоланда? Ведь устранить этих мерзавцев было твоей идеей!

- Прошу тебя, не горячись, Артур! Твоя горячность вредит тебе. Ее принимают за спесь и гордыню.

- Правильно принимают...

- Ну почему ты постоянно воюешь со всеми?

- Потому что я коннетабль, Иоланда, - улыбнулся Ришмон. – Воевать – это моя обязанность.

- Артур, неужели ты держишь обиду и на меня?

- Иоланда, - успокоившись и словно устав от своей вспышки, произнес Ришмон, - я понимаю, что ты теща короля. Что ты воспитывала и оберегала его. Что он почитает тебя и называет матерью, в отличие от женщины, что его родила...

- Вот и не вспоминай о ней. Скоро будет темнеть, а к ночи нечистую силу не поминают.

- Ладно. Пусть. Так чего ты хочешь от меня?

- Хочу, чтобы ты остался моим другом, Артур. И верным королем.

- Который изгнал своего коннетабля? – усмехнулся Ришмон. – Почему он не изгнал Тремую вместе со мной?

- Потому что Тремуй не кричит в Совете, - в голосе герцогини послышалось недовольство и проявились стальные нотки, впервые за весь разговор. – Потому что Тремуй всегда угождает королю и никогда не спорит с ним! Потому что он никому не угрожает, а плетет свои

³ Высшая военная должность в средневековой Франции.

интриги тихо, с улыбкой на лице! И потому что герцог Бретонский, заключивший договор с англичанами, не его брат, а твой. Тебе мало?

- Достаточно... Итак?

- Артур, поговори с братом. От герцогства Бретонского зависит слишком много... Твой брат должен выбрать наконец сторону. Объясни ему, что с англичанами он ничего не выгадает...

- Иоланда, ты же понимаешь, что ситуация не благоприятствует этому. Король Карл терпит поражений куда больше, чем одерживает побед. А мой брат осторожен. Он думает о своей стране, о том, что будет с ней, если англичане победят окончательно.

- И ты так думаешь? – с тоской спросила Иоланда. - Ты тоже готов сдаться?

- Я вообще оказался в положении странном, - усмехнулся Ришмон. - Король и его Совет не хотят видеть меня. Мой брат не желает, чтобы я набирал войска в Бретани для войны с англичанами. А я воюю с ними, как могу, за французского короля, который не просит меня об этом. Зачем, спрашивается?

- Мы еще не проиграли войну, Артур. А англичане ее еще не выиграли. Если мы договоримся с герцогом Бретонским, то наши шансы возрастут.

- А почему же вы не хотите договориться с герцогом Бургундским? – насмешливо спросил Ришмон. – Ведь Тремуй только об этом и думает. Или мой шурин Филипп Бургундский просит слишком большую плату?

- Артур... - теперь в голосе Иоланды было сожаление и грусть, - я всего лишь вдова и мне некого просить о помощи сейчас. Герцог Орлеанский в плену, молодой Алансонский там же, у Бурбонов мало сил и нет желания вмешиваться в дела к северу от Луары... Мой старший сын в Италии, Рене в Лотарингии, Шарлю только тринадцать... Когда у тебя будут дети, ты поймешь, что значит быть неспособным защитить их будущее...

- Иоланда, ради вас я сделаю все, что смогу. И что не смогу тоже. Я буду защищать Анжу... И попробую убедить брата. Но ему нужны победы Карла, чтобы встать на его сторону... Победы я тоже постараюсь добыть.

Сентябрь 1428 года, замок Сюлли, герцогство Орлеанское

Комната башни была небольшой, можно сказать крохотной. Через узкое оконце-бойницу в толще стены свет проникал словно нехотя, осторожно и испуганно, вероятно сомневаясь, стоит ли вообще навещать это царство тьмы. Но сидящему за столом Этьену Обри свет был и не нужен. Он сейчас не разбирал свои бумаги, запертые в грубом шкафу у стены. Он вообще редко ими пользовался, храня их больше для порядка. А так вообще-то он помнил все. По крайней мере, все, что ему было нужно для дела.

Дела Этьена Обри были просты на первый взгляд. Самое главное дело – охранять своего господина. Но охранять не с мечом в руке, хотя и такое доводилось делать, а охранять от заговоров, интриг, коварства и подлости его врагов. А так как врагов у его господина, как и у всех достойных людей, было много, то и работы Этьену Обри хватало.

Приходилось собирать сведения обо всех влиятельных людях, к кому-то и шпионов засылать, использовать целую сеть своих агентов. Приходилось обманывать, допрашивать, убивать... Три раза уже он спасал своего господина от покушений. Один раз, когда Жоржа де Ла Тремую захватили люди коннетабля Артура де Ришмона, ему удалось отбить его в последний момент. И великий камергер Франции ценил его преданность и ловкость, понимая, сколь многим обязан ему.

Ла Тремуй называл его Тенью. Обри привык к этому прозвищу, оно даже нравилось ему. Настолько, что иногда в мыслях он сам так называл себя. Ведь он и правда был тенью своего господина, редко появляясь с ним вместе на людях, всегда действуя тайно, за чужими спинами, часто под чужими именами. Его настоящее имя, имя, с которым он родился, мало кто помнил

из тех, кто знал Обри в прошлом. А его сегодняшнее имя знал лишь Ла Тремуй и еще несколько его домочадцев. Обри старался свести круг этих людей к минимуму и не привлекать к себе внимания. Впрочем, кому был интересен ничем не примечательный человек в свите великого камергера?

Как вышло так, что он стал тем, кем стал? Когда-то давно он учился в Парижском университете, изучал богословие в сильнейшей школе Европы. И закончил университет блестяще, став лицензиатом канонического права и доктором богословия, так что все ему прочили великолепную карьеру на поприще теологии. Но он отказался. И покинул университет. Не захотел связывать свою жизнь с тем, во что давно не верил.

Нет, Этьен Обри не порвал с религией окончательно, он даже надеялся иногда, что где-то там, возможно, есть Бог... Но себя не обманешь. Попробовал торговлю и юриспруденцию – все не то. Непредсказуемый, непредвиденный случай свел его однажды с молодым графом де Гином, Жоржем де Ла Тремуем, когда тот еще служил герцогу Бургундскому Жану Бесстрашному, отцу нынешнего герцога. Так получилось, что Ла Тремуй спас ему жизнь, с которой он уже прощался. И жизнь его с тех пор изменилась безвозвратно. Наверное, к лучшему...

- Есть еще варианты? – понуро спросил Обри у невысокого, невзрачного человека в потрёпанной одежде, какую обычно носят слуги или работники в городских домах средней руки.

- Да, господин Этьен... - смущенно ответил маленький человек, опустив голову.

- Выкладывай, - вздохнул Обри, сомневаясь, что и на этот раз его агент предложит что-то стоящее.

- Некий Арно-блаженный из Лиона.

- Чем занимается?

- Нанимается помогать кому чего нужно по мелочи, а так больше милостыней живет. Как выпьет, так начинает слать проклятия англичанам и славить короля...

- Еще и пьет... Часто?

- Если деньги находит, то каждый день...

- Да... Все?

- Все, господин Этьен, - сокрушенно ответил маленький человек.

- Иди...

Полтора месяца прошло, как он приступил к решению задачи, а хоть какого-то продвижения – ноль. Хозяин, должно быть, думает, что он бьет баклуши: что ни доклад – пока ничего. А ведь он торопит... Чертовы годоны наступают, времени нет... Англичане взяли Мён и Божанси, кружатся вокруг Орлеана, следующим может стать Жаржо, а потом и Сюли...

Но не может же он предложить кого-нибудь вроде вечно пьяного Арно-блаженного или какую кликушу... Мало того, что такие сами по себе не очень, мягко говоря, выглядят, так ведь еще и неуправляемы. Две недели назад у него еще была приличная кандидатура – молодая женщина из Ангулема. Он даже уже решил остановиться на этом, но при разработке выяснились такие подробности о ее прошлом, что сразу стало ясно – не то. Задача на проверку оказалась еще сложнее, чем думалось вначале...

Обри услышал шаги в коридоре. Ему показалось, что он узнал их. Точно, так стучит в дверь только Рене - его главная и последняя на сегодня надежда.

- Входи, Рене. Чем порадуешь?

- Я нашел один вариант, господин Этьен, - ответил высокий, плотный человек со светлой окладистой бородкой.

- Только один? – не скрывая недовольства, произнес Обри. – За столько времени? Даже бороду успел отрастить, и всего один вариант?

- Вариантов было несколько, господин Этьен, - ничуть не смутившись, ответил Рене, - но я о них и рассказывать не буду.

- Почему? – спросил Обри, ощущая приятное предчувствие.
 - Потому что нашел по-настоящему стоящего человека, господин Этьен.
 - Я в нетерпении, Рене, не томи.
 - Девушка. Крестьянка. Лет шестнадцати. По отзывам соседей – скромна, невинна, трудолюбива... В общем, целый букет добродетелей.
 - Таких полно, - нетерпеливо прервал Обри своего агента. – Почему?
 - Она еще и набожна. Что-то ей там прислышалось или приснилось... В мае она посетила Вокулёр и потребовала от местного капитана...
 - Ну!
 - Чтобы он отправил ее к королю. Всего-навсего.
 - Зачем? – в голосе Обри теперь уже явно были слышны и возбуждение, и интерес.
 - Не совсем ясно... Говорят разное... что-то она хочет ему сказать или... да и важно ли это?
 - Ты прав, ты прав, - быстро согласился Обри, напряженно обдумывая услышанное, – это неважно... Она живет недалеко от Вокулёра?
 - Да. Деревенька Домреми. На самой границе.
 - Так... так... Значит, религиозна... Она девственница?
 - Судя по всему – да.
 - Хорошо. А теперь подробнее. О ее семье, о ее соседях, обо всем...
- ***

Сентябрь 1428 года, замок Шинон, герцогство Турень

В королевских покоях, очень скромных, украшенных всего лишь несколькими гобеленами, зато уютных, с камином и резной мебелью, двадцатипятилетний молодой человек сидел за столом и задумчиво глядел сквозь решетку окон. Его взгляд не был направлен ни на что конкретно, он словно исчезал, растворялся сразу за окном, не достигая сланца городских крыш внизу, зелени реки и ее мутных вод.

Во взгляде его была грусть и бесконечная тоска, каковую всегда отмечали люди, видевшие этого молодого человека близко. Многие считали этот взгляд угрюмым, кто-то находил в нем меланхолию и вечную подозрительность, особо близкие и проницательные угадывали во взгляде этого молодого человека усталость загнанного зверя. Его лицо не было красивым, но не было и неприятным, его не сильно портил даже несуразный нос вовсе не римских стандартов и невыразительный подбородок. Все дело было во взгляде, который привлекал, который так контрастировал с его возрастом, взгляде не юноши, но умудренного опытом старика, видевшего на своем веку все человеческие грехи, испытавшего на себе предательства и научившего прощать слабости.

Этим молодым человеком был дофин королевства, объявивший себя королем Карлом VII. Он только что вернулся с заседания Королевского совета, на котором опять не пришли ни к чему определенному. Слишком много мнений, собственных интересов, скрытой зависти и открытой ненависти. И сомнений, конечно. Даже наступление англичан не сплотило советников короля. Вернее, разобщило еще больше, ибо каждый про себя нет-нет, да и прикидывал уже, как будет выживать в том непредсказуемом и пугающем мире, когда англичане победят окончательно и придется приносить присягу не Карлу VII, а Генриху VI.

И сам Карл VII, который не был коронован и которого придворные называли королем только из уважения и лести, уже будто и не ожидал от своего Совета ничего толкового. Как ничего толкового не ожидали и советники от своего короля. Уныние и страх перед неизвестностью царили если и не в словах, то в душах придворных.

Большинство из них были людьми неглупыми и понимавшими в военном деле. Они видели, как централизованно управляются английские отряды, как организованно идет наступление англичан под руководством графа Солсбери – человека, не проигравшего ни одного сра-

жения. И видели, с другой стороны, что все французское сопротивление держится на энтузиазме отдельных капитанов и личной ненависти к англичанам некоторых аристократов, а вовсе не на продуманной стратегии и воле правителя.

«Буржский королек» - так презрительно называли Карла VII англичане и их союзники. И вовсе не потому «королек», что королевство Карла было маленьким – еще не меньше половины Франции поддерживало его. А потому, что не хватало чего-то этому правителю, чтобы по-настоящему возглавить борьбу, повести за собой людей, сметая все препятствия на своем пути, словом, чего-то такого, что сделало бы его настоящим королем. И вроде бы он был не трус, и уж точно не глуп, но вот поди ж ты... Получалось так, как получалось.

Сегодня после заседания Королевского совета Карл собрал свой личный, малый, тайный «Совет». Этот «Совет» состоял из трех человек, единственных, не считая своей тещи и жены, которым он доверял полностью. При всей подозрительности и мнительности Карл не мог не доверять этим людям, просто потому что они как минимум однажды без всякого преувеличения спасли его жизнь. Этими тремя людьми были Танги дю Шатель, Робер Ле Масон и Амбруаз де Лоре.

Тот день запомнился Карлу во всех подробностях, словно все было вчера. Хотя тогда ему было всего пятнадцать и прошло уже десять лет. Очередная разборка придворных группировок при его безумном отце вылилась в настоящую резню. Сторонники герцога Бургундского в Париже убивали своих политических противников. Как полагается, под аккомпанемент черни, которая грабила и убивала всех подряд. Партия молодого дофина была разгромлена начисто, убит ее лидер граф д'Арманьяк. Убили бы и самого дофина, если бы не тогдашний канцлер – Робер Ле Масон, не комендант Бастилии Танги дю Шатель и его верный рыцарь Амбруаз де Лоре, который сдерживал погоню, пока Карл во весь опор скакал в Мелён.

А через год случилась трагедия на мосту Монтеро. Молодой дофин пытался в очередной раз договориться с герцогом Бургундским Жаном Бесстрашным. Договориться о регентстве над своим отцом, о действиях против англичан, договориться если не о помощи, то хотя бы о мире. И что бы не говорили об этом после, Карл не собирался его убивать. Хотя герцог Бургундский трижды заслуживал смерти. За подлое убийство дяди Карла, герцога Орлеанского, за бойню в Париже, за сговор с его матерью... Жан Бесстрашный говорил дерзко в тот раз, это было унижительно для Карла, но он и тогда не решился его убить... Свита бургундца первыми достала мечи, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не те же дю Шатель, Лоре и Ле Масон. Танги нанес тот роковой удар, расколовший череп герцога Бургундского...

Но у всего есть следствия, и последствия убийства Жана Бесстрашного наступили почти сразу. Сын убитого, новый герцог Бургундский, заключил союз с англичанами, и в Труа был подписан позорный лично для него, Карла, договор, по которому корона Франции после смерти его отца должна была перейти английскому королю. В договоре он упоминался как «так называемый дофин» и лишился прав на престол. И ладно бы его подписал отец - в последние годы он редко бывал в здравом уме - но его подписала королева Изабелла, его мать. Родная мать!.. Так называемый дофин...

Потом были новые попытки договориться с бургундцами, но герцог Филипп никогда не забывал про мост Монтеро и убийство отца. Даже за то, чтобы просто начать переговоры, он потребовал платы: удалить от двора всех, кто тогда был на том злосчастном мосту. Дю Шатель ушел безропотно, пожертвовав собой и своим положением ради возможного мира. Уехал де Лоре, одного Ле Масона удалось оставить в Совете, но тому пришлось отказаться от должности канцлера. Однако Карл был уверен, что верность их никуда не делась.

Ле Масон был самым старшим из них, ему уже было за шестьдесят. Дю Шателю шестидесяти еще не было, а самым молодым был де Лоре в свои тридцать три года. Желая говорить с ними, Карл не надеялся получить от них спасительный совет, который мог изменить ситуа-

цию, ему просто хотелось получить поддержку от этих людей, почувствовать хоть ненадолго уверенность или просто надежду.

- Луара к западу от Орлеана, в руках Солсбери.

Карл обратился только к дю Шателю и де Лоре. Ле Масон был на заседании Совета и знал положение дел.

- Теперь англичане часть сил направили на восток... - продолжил Карл. – Они явно готовятся к осаде Орлеана. А Анжер был просто отвлечением.

- Что решил Совет, ваше величество? – спросил дю Шатель.

- Ничего, в общем-то... - грустно и отрешенно ответил Карл. – Гокур будет оборонять город. Бастард попытается расстроить осаду, как при Монтаржи...

- Какими силами?

- К нему направляются Сентрай, Гневный, Тибо де Терм, - вместо короля ответил Ле Масон. – Вместе с другими гасконцами. Надеемся, что придут де Бросс и де Кюлан, может, кто из бретонцев, но на бретонцев особой надежды нет. Должны подойти Вандом и Клермон. Собираем силы, словом, но не все зависит от количества...

- А коннетабль? – спросил дю Шатель.

- От него не стоит ждать помощи, - покосившись на короля, ответил Ле Масон.

- Уже хорошо будет, если он со своим братом не выступит на стороне англичан, - погасшим голосом произнес Карл. – В любом случае он не друг нам, и помощь его нам не может принести пользы.

- Я тоже соберу своих людей, ваше величество, и отправлюсь в Орлеан, - сказал де Лоре, но король сразу же возразил:

- Нет, Амбруаз, ты останешься пока. Пока не ясны до конца планы Солсбери.

- Ваше величество, - произнес дю Шатель, - нужно укрепить Блуа. Чтобы не дать пройти англичанам на юг по реке. В этом городе мост, нам важно его сохранить и сделать базой для возможного наступления.

- О чем ты говоришь, Танги, - тоскливо протянул Карл, - какое наступление, нам бы Орлеан не сдать сходу...

- Орлеан не сдастся, - уверенно ответил дю Шатель. – По крайней мере, сразу. Настроения в городе нам благоприятствуют, можно ожидать, что Солсбери надолго застрянет под его стенами. А впереди зима. Если морозная, то как бы англичанам самим там не передохнуть с голоду.

- Оставь, Танги... - с еще большей тоской махнул рукой Карл. – Не придумывай... Я понимаю, ты хочешь подбодрить меня, но я же не мальчик уже. Они захватили Бос, увезли весь хлеб, за ними Париж... Не сдохнут они с голоду. И не мне тебе объяснять, что будет, если они возьмут Орлеан и мост. Нам негде будет сопротивляться, разве что уходить на юг в горы...

- Ваше величество хочет о чем-то спросить меня? – холодно и отрешенно, не выказывая бушевавших в нем эмоций, - спросил дю Шатель.

- Да... Ла Тремуй советует мне переговоры с Филиппом Бургундским. Он советует идти на уступки, пока не поздно. Пока за моей спиной осталось хоть что-то...

- Ваше величество... - попробовал возмутиться дю Шатель, но Карл не дал ему этого.

- Пока со мной еще считаются, Танги... Я хочу узнать ваши мнения.

- Только король решает, чем он готов поступиться, - уверенно и сухо ответил дю Шатель.

- Я готов... - опустил голову Карл. – Я готов... - и вдруг быстро поднял ее, устремив взгляд на дю Шателя: - Я готов не требовать от герцога Бургундского оммажа до конца его жизни. Я готов оставить ему все, чем он владеет сейчас... Что скажете? Могу я пойти на это?

- Нет, ваше величество, - глядя в глаза Карлу, - твердо заявил дю Шатель.

- Нет, - тусклым старым голосом произнес Ле Масон, а де Лоре лишь покачал головой.

- Тогда остается надеяться только на везение, - вздохнул и снова опустил голову Карл.
– Но вот везет мне редко...

Октябрь 1428 года, Орлеан

- Что скажешь, Рауль? – спросил высокий, статный молодой человек, глядя со стены на предместье.

- Скажу - ты болван, Жан, что явился сюда без доспеха, - ворчливо ответил пятидесятилетний воин в полном боевом облачении. – Перед девками красуешься? Один удачный выстрел, и мне придется придумывать, что написать твоему брату о твоей глупой смерти.

Словно подслушав разговор людей на стене, группа из пяти лучников, засевших в каменных развалинах шагах в двухстах, выпустила стрелы из длинных луков. Две из них ударились в каменный зубец, одна – в крышу башни прямо над головой молодого человека.

- Оттуда не попасть, - не очень уверенно, но без волнения произнес Жан.

- Слушай, иди-ка ты отсюда, в самом деле, - раздраженно ответил его собеседник. – Придешь, когда сменишь свою одежду для танцев.

Молодому человеку, которого звали Жаном, было лет двадцать пять-двадцать шесть на вид. Он был красив. Выразительное лицо с неуничтожимой черной щетиной, насмешливый, но глубокий взгляд, стройное, сильное тело воина – с него вполне можно было бы ваять Ахиллеса. Он был внуком короля Карла V и сыном герцога Людовика Орлеанского, но сыном незаконным, а потому прозванным Бастардом, какового прозвища он совершенно не стеснялся. Его отец был убит по приказу герцога Бургундского, его старшие законные братья много лет уже находились в английском плену, и он волей-неволей стал неофициальным, но фактическим главой Орлеанского дома.

Собеседником Жана Орлеанского был Рауль де Гокур, балыи⁴ Орлеана, старый опытный воин, повидавший всякого на своем веку. За его плечами были бесчисленные битвы и осады, было жестокое сражение с турками под Никополем и десять лет английского плена. Рауль де Гокур был уважаем среди солдат, всегда сторонился политических интриг и старался быть верен тому, кому служил, а потому королевскими придворными считался неопасным. Для своих годов он был крепок, а в доспехах так и вовсе выглядел молодцевато.

Разговаривали молодой сын герцога и опытный воин на стене мощного четырехбашенного укрепления, называвшегося Турелью, защищавшего въезд на мост через Луару. Мост этот был массивным и широким, самым удобным на всей средней Луаре. Посередине реки опоры моста опирались на вытянутый остров, а на другом его конце был, собственно, сам город Орлеан.

- Ты вовремя разрушил монастырь... - задумчиво произнес молодой красавец, глядя на отряд английских солдат, занимающий позиции в развалинах.

- А то! – довольно ответил де Гокур.

- Но англичане все-равно укрепят развалины, или я не знаю Солсбери. Послушай, Рауль... Турель мы долго не удержим. Нужно разрушить хотя бы одну арку моста.

- А как снабжать Турель?

- Перекинем деревянную временку... Все лучше, чем пытаться разрушить мост, когда годоны уже полезут по нему в город.

- Ты слишком торопишься, Жан, - недовольно и с сомнением сказал де Гокур. – Англичане еще обломают зубы о Турель. А может, вообще займутся только осадой.

- Осада осадой, но Турель они будут пытаться взять изо всех сил. Турель защищает мост, а Орлеан – это и есть мост, прежде всего. Между югом и севером. И пока они не могут этим

⁴ Представитель короля или сеньора, возглавляющий административную, судебную и военную власть в определенной области – бальяже.

мостом владеть, они его должны будут блокировать. Солсбери хоть и редкая скотина, но дело свое знает... И пора заняться предместьями. Не жалею ничего.

- А то я не понимаю. Завтра начнем расчищать.

- Ладно, бомбарды ты поставил неплохо. Пойдем, а то эти годоны и вправду решили поупражняться в стрельбе по нам. Лишим их этого удовольствия.

Гокур и его молодой спутник спустились со стены Турели, сели на коней и мост через Луару пересекли верхом. За воротами шатле они свернули налево, к ратуше. Там их уже ждали советники магистрата.

- Вот теперь ты выглядишь нелепо в своем железе, - усмехнулся молодой человек, ловко спрыгнув с коня.

- Лучше быть нелепым, чем мертвым, - ответил де Гокур, спешиваясь не так проворно, но вполне изящно.

Советников магистрата больше всего интересовал один вопрос: разрушать ли предместья за крепостными стенами? И сын герцога, и де Гокур подтвердили, что город будет блокирован и осада начнется со дня на день. Представители магистрата, надо отдать им должное, без всяких возражений согласились немедленно начать снос всех строений в предместье, которые могли бы послужить англичанам.

Также были обсуждены вопросы городского ополчения, укрепления стен, обеспечения запасами провизии, строительства мельниц внутри города и другим вопросам, вроде бы и незначительными на первый взгляд, но приобретающим во время осады значение первостепенное.

По тому, как обсуждали вопросы советники, было видно, что настрой их вполне решительный и совсем не пораженческий, хотя всем прекрасно было известно, что граф Солсбери на этот раз ведет «плохую войну». Вопреки традициям гарнизона, оказавшие сопротивление, и горожане, отказавшиеся открывать свои ворота, подвергаются насилию или вообще вырезаются и вешаются. Про грабежи и говорить было нечего, к ним все привыкли, но разграбление и разрушение (с личного разрешения Солсбери) церкви Нотр-Дам де Клеры было потрясением и для сторонников Карла VII, и для его противников.

- Есть ли шанс нашими силами и помощью, которую пришлет король отогнать англичан до зимы? – понуро спросил один из советников.

- Шансы всегда есть, - бодро ответил сын герцога, но де Гокур, очевидно, не разделял его оптимизма:

- Пока нам нужно рассчитывать только на свои силы. Неизвестно, когда и какое войско сможет собрать король, а англичане уже здесь и их много...

Видя хмурые лица советников де Гокур решил, что нужно все же хоть чем-то ободрить их:

- Думаю, можно не разрушать Сент-Эньян...

Церковь Сент-Эньян была уже однажды разрушена горожанами, когда англичане осаждали Орлеан семьдесят лет назад. Но церковь эта была дорога орлеанцам, они долгие десятилетия восстанавливали ее, и лишь недавно закончили эту работу. Тем больше удивил де Гокура ответ магистрата:

- Нет. Мы начнем разбирать Сент-Эньян завтра...

Октябрь 1428 года, Вокулёр, Лотарингия

- Вроде хорошо устроились, да, Рене? – то ли спросил, то ли констатировал факт Обри.

Хотя на взгляд самого Обри постоянный двор, где они остановились, был совсем ничемным. Имелся в Вокулёре еще один постоянный двор, куда как приличнее, но Обри всегда ставил выше пользу делу, нежели удобство.

Он взял с собой еще трех человек, кроме Рене – этого должно было хватить с лихвой. А еще взял Маргариту. Явно смутив и удивив Рене, который – Обри это знал – сторонился этой женщины, а возможно, и боялся. Обри и сам ее иногда опасался, но в его плане без женщины было не обойтись, а Маргарита, при всех ее недостатках, подходила для дела идеально.

За объектом установили наблюдение, благо это было нетрудно. Аккуратно поработали соседи и друзья – картина сложилась быстро. В целом первоначальные выводы Рене подтвердились: трудолюбивая, скромная, религиозная девушка, хотя и не затворница. Но посреди любого веселья местной молодежи, когда звонит церковный колокол, она бросает все развлечения и молится. Ее друзья-подруги посмеиваются над ее набожностью, но не сильно. Во всем остальном она ничем от деревенской молодежи не отличается: веселая, общительная, словом, обычная.

Регулярно исповедуется и причащается. Не пропускает ни одной мессы, если не занята по хозяйству – выгулом животных или работой в поле. Но, по всей видимости, религиозность ее не показная. Деньги у девушки появляются редко, но почти все гроши, какие бывают, она раздает нищим. Все местные знают, что она всегда готова уступить свою кровать бедным и путникам, а сама при этом спит на полу у печки. Чудная, право, все же...

У девушки был жених – молодой чиновник из епископской канцелярии. Жених вроде бы завидный, но помолвка была расторгнута по инициативе девушки, несмотря на все уговоры ее семьи. Чем-то он ей не приглянулся... Несостоявшийся жених даже подавал в суд на нее за нарушение договора.

Как у любой крестьянской семьи у девушки была масса родственников в округе. Ее дядя Дюран Лаксар из соседней деревушки Бюре сопровождал ее в Вокулёр в мае. Подробности из ее разговора с капитаном Вокулёра были неизвестны, но точно было установлено, что девушка требовала у него доставить ее к королю. Известен был и ответ капитана: Робер де Бодрикур посоветовал Лаксару отшлепать свою племянницу и отвести ее обратно к родителям.

- Вроде достаточно собрали, - резюмировал Обри после ужина, выслушав последние доклады Рене и Маргариты. – Пора начинать, нет?

- Можно и начинать, - не совсем уверенно согласился Рене. – Что? И как?

- Будете голосами святых. Явитесь к ней и объясните задачу. Канву беседы оговорим после.

- Я не похож на святого, - настороженно сказал Рене.

- А я похожа, - томно произнесла Маргарита – эффектной красоты женщина лет под тридцать с безжалостным взглядом лукавых глаз.

- Вот, - поставил на стол флягу Обри, - здесь настой. На основе спорыньи и еще чего-то, я уже не помню. Добавлять можно в вино, в разбавленное вино, в воду... В воду нежелательно, возможен небольшой привкус. Вызывает сонливость, все начинает плыть перед глазами, что-то может привидеться, сознание меняется, но человек все слышит и потом помнит.

- Можно попробовать? – спросила Маргарита.

- Попробуй, Марго. Но святых не обещаю, уж ты-то, боюсь, сатану увидишь, или еще чего похуже. В большой дозе и ноги протянешь. Навсегда. Так что не перебарщивайте с этим.

- Зачем вы так? – притворно обиделась Маргарита. - И кого мы будем изображать?

- Придумайте сами, в церкви чай бывали.

- Я буду Архангелом Михаилом, - подумав, произнес Рене.

- А я Святой Маргаритой, - мечтательно улыбнулась женщина. – Всегда хотела стать святой девственницей!

- Ты? Девственницей? – изобразил удивление Обри. – Да ты и не помнишь уже, когда таковою была.

- И не так уж давно, - снова с обидой ответила Маргарита. – А в душе я вообще еще невинна.

- Ладно, сыграть надо чисто, она должна верить... Самое напрашивающееся – в поле, когда она пасет овец.

- Она берет с собой глиняную бутылку с водой или вином... В принципе вполне можно улучшить момент.

- Попробуем. Но скоро зима, она не будет ходить в поле. Нужно подумать, как работать с ней в деревне.

- Это трудно, господин Этьен... Это целое представление – возможно, выйдет раз или два, а может, и вообще не получится.

- Что делать... - задумчиво произнес Обри. - Кто-то должен стать вхожим в их дом... Войти в доверие, только ненавязчиво... ненадолго... Говоришь, они пускают путников? Попробуем. Она сейчас у себя?

- Нет. У соседей захворала девочка, она пошла поухаживать за ней.

- Да? – поднял брови Обри, и на лице его появилась легкая удивленная улыбка. – Вот ведь... Ладно, ждем, когда она вернется домой.

Октябрь 1428 года, Орлеан

Основной лагерь англичане разбили к западу от города на северной стороне Луары и сразу приступили к возведению укреплений. С юга отряд под командованием Джона де ла Поля к 17 октября блокировал подходы к Турели, закончил установку бомбард и начал обстрел Орлеана. Первой жертвой среди горожан стала молодая жена суконщика по имени Бель, которую убило ядром наповал. Но кроме гибели людей и повреждения домов в городе эта бомбардировка не приносила ущерба осажденным – стены и башни города оставались целыми.

Все внимание и осаждающих англичан, и осажденных французов приковывал форт Турель – англичане, не скрываясь, готовились к штурму укрепления. Целеустремленность и слаженность действий противника вызывали уныние не только у горожан и солдат, но и у капитанов и магистрата Орлеана. С высоты городских башен они видели английские приготовления и могли лишь время от времени беспокоить врагов огнем из бомбард, когда те подходили слишком близко, мешая горожанам разрушать в предместьях то, что еще не было разрушено.

Всем было ясно, что штурм Турели начнется со дня на день, и французские капитаны и городские чиновники регулярно посещали укрепление, чтобы своими глазами посмотреть, что там поделявают англичане. Сегодня на одной из башен Турели был новый гость - Карл де Бурбон, граф Клермонский, который буквально вчера вошел со своим отрядом в город через восточные Бургундские ворота, еще не блокированные осаждающими. Так сказать, вникал в обстановку в сопровождении Жана Орлеанского и де Гокура.

- Да, дела невеселые, - резюмировал увиденное Карл де Бурбон – высокий стройный человек лет под тридцать с насмешливым лицом и волнистыми, черными как смоль волосами. – И что-то солдаты не больно на кураже. Надо бы сделать пару удачных вылазок, а?

- Не надо, - недовольно ответил де Гокур. – Годоны только и ждут этого, так что рожи у наших после этого могут быть еще кислее.

- Солсбери предложил сдать город, - предотвращая спор, сменил тему Жан Орлеанский. – Обещает не грабить и все такое.

- Он всегда обещает, - ответил Карл де Бурбон, - а потом – как получится. И что магистрат?

- Гордо отклонил предложение. Но это пока нет голода, холода и смертей... Надо признать, магистрат боится Солсбери. Да и сами горожане. И солдаты прекрасно понимают, чего от него можно ждать. Этот человек всем внушает страх...

- Да? – усмехнулся Бурбон. – И тебе, Бастард?

- Чем я хуже других... - недовольно отвернулся Жан Орлеанский.

- Какие-то у вас настроения пораженческие. Зачем вы разбираете мост?

- А ты что, не сомневаешься в победе, Клермон? – резко спросил де Гокур. – Вот только честно! Думаешь, годоны поперемерзнут, изголодаются, изгадят все кусты в округе и уберутся на север? Да они получают из Парижа столько людей, сколько им будет нужно! И жратвы! И баб! И всего чего пожелают! А Солсбери уже планирует поход за Луару, я уверен! И если у тебя есть мозги, то ты тоже будешь бояться его!

- Да что вы так разнервничались, господин де Гокур? – невозмутимо спросил Бурбон. – Я признаю, Солсбери – человек, с которым невозможно не считаться. Но разборка моста... Все же поймут, что вы не надеетесь удержать Турель. И англичане тоже.

- Это мой приказ, – твердо сказал Жан Орлеанский. – Река нам поможет больше, чем башни Турели...

Как и ожидалось, англичане не стали тянуть и уже 23 октября предприняли атаку Турели. Штурм был ожесточенным, длился весь день, но французы смогли отбить его. А 24 октября Турель была взята, защитники ее отступили в город и на укрепленный остров посреди Луары, доразрушив окончательно один из пролетов моста. Орлеан оказался надежно отрезан с юга.

Это первое поражение, хоть и ожидаемое многими, произвело деморализующее впечатление на солдат и горожан в Орлеане. Никто не ожидал, что Турель – в целом довольно мощное укрепление – падет за два дня. Чтобы сорвать злость французы принялись обстреливать со своих башен вражеские позиции, в том числе и только что потерянную Турель, не причиняя, впрочем, англичанам особого вреда.

Англичане же были воодушевлены быстрым успехом и уже готовились штурмовать сам город, пользуясь смятением в стане противника. Все они были в предвкушении быстрой победы, как вдруг случилось удивительное событие, круто изменившее течение событий.

В тот же вечер 24 октября, когда была захвачена Турель, английский командующий Томас Монтегю, граф Солсбери, пожелал осмотреть с нее французские укрепления. В полном доспехе он глядел из бойницы на Орлеан, когда раздался очередной выстрел из башни Нотр-Дам. По нелепой случайности небольшое ядро из ручной бомбарды попало ему в незащищенную часть лица, снеся щеку и вырвав глаз. Через три дня и своими, и чужими признаваемый лучшим английским командиром граф Солсбери умер.

Известие это вселило надежду в сердца осажденных, англичане же восприняли смерть Солсбери крайне тяжело. Осаду возглавил граф Саффолк и в текущих обстоятельствах на штурм уже не решился.

Ноябрь 1428 года, замок Шинон, герцогство Турень

На взгляд Обри Ла Тремуи стал еще полнее. А с его-то ростом это ему угрожало превратиться просто в человека-гору. И как только его сердце справлялось? Ему бы нужно было следить за своим здоровьем... Впрочем, возможно, Ла Тремуи оставался в прежнем теле, а Обри это все показалось просто потому, что он его давно не видел. Но то, что его хозяин стал более нервным – это точно.

- Я устал ждать тебя, Тень, – раздраженно произнес Ла Тремуи. – Что ты мне скажешь?

- Было непросто, – невозмутимо ответил Обри. – Еще труднее, чем я думал.

- Нашел?

- Думаю, да.

- Думаешь?! – вскинулся Ла Тремуи. – Дьявол! Мне не мысли твои нужны, а дела! Когда?

- Не прямо сейчас, – все так же спокойно игнорируя раздражение хозяина, ответил Обри.

- Нужно еще время. Главное, что я нашел хорошую кандидатуру.

- Черт! Черт! Времени нет, Тень!

- Мне нужен еще месяц на подготовку. Через месяца полтора-два ее можно будет представить королю.

- Это долго! Если Орлеан падет к тому времени?

- Как раз насчет Орлеана, мой господин... Я предлагаю несколько усложнить задачу.
- Не понял?

- Не хочу вызвать ваш гнев, но... я так понимаю, что с помощью человека, которого я вам предоставлю, вы хотите влиять на короля и на его решения. Хотя это и не оговаривалось вами напрямую, но подразумевалось, не так ли?

Ла Тремуй не ответил сразу. Опустив голову и подумав немного, он внимательно и хмуро посмотрел на Обри, потом медленно произнес:

- Для его же пользы, Тень. Я хочу, чтобы король принимал правильные решения.
- Подсказанные вами?
- Не мной. А человеком, которого ты нашел.
- Конечно...
- Ты сказал, что это она. Женщина?
- Девушка. Скорее, девочка. Ей шестнадцать.
- Что-то я сомневаюсь... Как король воспримет почти ребенка? Впрочем... расскажи.
- Крестьяночка с лотарингской границы. Набожная, неглупая... с виду обычная.
- А что не с виду? Что необычного?
- Ей втемяшилось в голову... приснилось, наверное, что она должна спасти короля. Она восприняла это близко к сердцу, видимо, а мы... организовали ей два видения. И теперь я приехал, чтобы говорить с вами.

- О ее следующих видениях?

- Можно сказать и так.

- Я уже говорил отчасти... Первое: король – законный наследник. Второе: его неминуемо ждет победа. Он должен собрать армию и повести ее на врага. Третье: доказательства. Твоя девка послана Богом, она должна знать то, чего знать не может никто. Король вовсе не легковерен, наоборот, вечно во всем сомневается...

- Вы предоставите мне такое доказательство?

- В свое время... Уже здесь, когда ты ее привезешь. А дальше, когда король начнет прислушиваться к ней, нужно иметь возможность вкладывать в ее уста мои слова. Но она не должна знать обо мне. И вообще никто не должен связывать ее ни со мной, ни с моими друзьями. Подумай над тем, как все это организовать.

- Я понял. Если это все...

- Что же еще?

- Я хочу вернуться к моей мысли. К роли этой девочки. Мне кажется, ее можно использовать с большей пользой, мой господин.

- Предлагаешь мне потоптать эту курочку? – усмехнулся Ла Тремуй.

- Я вовсе не о том, - едва заметно поморщился Обри. – Можно не ограничивать миссию этой девушки добрыми советами королю и повышением его самооценки. Пусть ее послал Бог, но послал еще и для того, чтобы возглавить его солдат. Например, напасть на англичан под Орлеаном. При определенной удаче она быстро станет пугалом для годонов и облегчит положение Орлеана.

- Что за чушь! Что значит возглавить солдат? Ты рехнулся? Пошлешь девку с копьем на коне в атаку?

- Я не говорю, мой господин, что она должна махать мечом. Но подумайте, как это будет необычно выглядеть! Дева во главе отряда солдат. Это может воодушевить нашу армию.

- Перестань, говорю! Из этой глупости ничего путного не выйдет, лишь все испортишь. Запомни: только то, что я тебе сказал!

- Слушаюсь, - поклонился Обри, пряча злость в глазах.

- И вообще... Неудачная это твоя идея... девка... Может, кто другой?

- Другой кандидатуры нет, мой господин, - холодно сказал Обри. – А в эту мы уже вложили много времени и сил. И мне нужно, чтобы вы помогли мне еще кое-в-чем.

- Ну?

- Я уже пустил слух... скорее, пророчество. Среди горожан, по деревням... Нужно, чтобы о нем заговорили и при дворе. Умеренно, естественно, вскользь, ничего особенного...

- Какое пророчество?

- Помните, как говорят про королеву Изабеллу? Венценосная распутница, погубившая страну...

- И? – нетерпеливо спросил Ла Тремуй. - Что дальше?

- Немножко изменить и добавить. Скажем: Францию погубила распутная женщина, а спасет невинная дева.

- Пусть так... Хорошо...

- И еще. Мне нужно письмо к капитану Вокулёра Роберу де Бодрикуру с требованием доставить нашу деву к королю.

- Грубо, Тень, - недовольно ответил Ла Тремуй. – Ты же сам хотел сделать так, чтобы наши уши не торчали из-за этого!

- Это на крайний случай. Я полагаю, мы убедим его по-другому, но он упрям... Я прошу вас, мой господин, как только произойдет что-то важное... кто-то умрет, сражение... что-то, связанное с королем, словом, что-то, что станет вскоре известно всем, сообщать мне немедленно. Так быстро, насколько возможно.

Ноябрь 1428 года, Вокулёр, Лотарингия

Обри возвращался в Вокулёр. Среди мыслей о деле, о своем хозяине, о собственной жизни вдруг промелькнуло что-то неуловимое, теплое, давно неиспытываемое... Чувство? Ощущение? Обри быстро понял и сам удивился: ему хотелось поскорее увидеть их девочку. Он будто переживал: как она, что с ней? Переживал не из-за дела, что с ней могло случиться, в конце концов? Что-то было в ней. Чем-то она его зацепила. Чем-то... Не совсем понятно чем.

Еще перед отъездом из Вокулёра Обри приехал в Домреми. Он посчитал, что может показаться ей. Сам он не планировал работать с девушкой, этим должны были заниматься его люди, а увидеть ее вблизи, поговорить с ней, с ее родителями было полезно. Даже необходимо. К тому времени Рене с Маргаритой уже устроили ей одно представление в поле и готовили второе, хотелось прощупать, как она отнеслась ко всему этому.

В доме ее отца – самом большом и добротным в Домреми - его приняли вполне радушно и как-то обыденно. Сразу было видно, принимать путников для них - обычное дело. И сами Жак и Изабель были обычными и простыми людьми. Жак с трудом мог читать и писать, Изабель не умела, как, собственно, и все их дети. Да и зачем, спрашивается, крестьянам грамота? С коровами переписываться? Но люди, по всему, они были неглупыми и рассудительными, потому и уважаемыми в округе.

Юная Жаннетта вблизи показалась Обри еще привлекательнее. Понятно, почему так строился тот епископский чиновник. Хотя, впрочем, может, он на приданое рассчитывал, ее отец ведь не нищий... Да нет, какое приданое, дело явно было в самой девушке. Было на что посмотреть, но она ко всему оказалась еще и неглупа. За столом говорила мало, как и полагается, но все ее слова были... И она шутила. Было видно, что это ее черта характера, но шутки ее были не злыми, хотя немного едкими. Особенно в отношении двух ее братьев – Жана и Пьера. Но те не обижались, только улыбались. Видимо, давно привыкли.

В кругу ее семьи Обри вдруг понял, какая это была удача. О ней ведь неминуемо будут собирать сведения. Все: и свои, и чужие. А тут – не придерешься ни к чему. Ни к ней самой, ни к ее семье. Предварительная проверка деревенских слухов и так ничего серьезного не выявила,

но личное общение с этими людьми воодушевило Обри: именно такой должна быть семья девушки, посланной Богом. И поди еще такую найди...

- Ну, что тут у вас? – умиротворенно спросил Обри, с удовольствием протянув руки к огню в камине. Настроение у него в последнее время было приподнятым, как всегда, когда долгое и трудное дело начинало давать первые положительные результаты.

- Все в порядке, - ответил Рене.

- Как второе представление?

- Как и задумывалось, господин Этьен. Только... с бутылкой ее... не совсем гладко вышло...

- Напортачили? – все благодушие вмиг слетело с Обри, и взгляд его стал стальным.

- Не совсем... Подлили... все чисто, но в поле с ней встретился парень... Кажется, он не равнодушен к ней. Попросил пить...

- Так... Она ему дала выпить из своей бутылки, и?..

- Да не хотел он пить, повод нашел поговорить с ней... Приложился только, глоток, может... Роше пришлось сыграть слепого, спросить дорогу... Увели, короче, парня с глаз долой.

- Что сделали с ним? – хмуро исподлобья спросил Обри.

- Что с ним делать... - смущенно ответил Рене. – Он здоровый бугай, и выпил немного... с ним почти ничего и не случилось... Отпустили мы его, господин Этьен.

- Ну, спасибо хоть на этом, - облегченно сказал Обри. – А то пустили бы слухи...

- Да что ж мы, не понимаем?.. – с обидой, изображаемой или настоящей, произнес Рене. – Но вообще нужно что-то другое придумывать. Этот фокус с бутылкой... Потом-то мы все выливаем, пока она еще не в себе... Но все-равно.

- Придумаем. Так что вы ей сказали?

- Как договаривались. Опять про несчастную Францию, про короля, про англичан и бургундцев, про ее предназначение вскользь пока...

- И что она?

- А что? Мы же не спрашивали. Задумалась... В тот день была невесела... Но то, скорее, с ее состоянием после этой отравы...

- Ты не переборщил? – строго спросил Обри.

- Да что вы! – возмутился Рене. – На следующий день была в церкви дольше обычного... А так вроде, как всегда.

- Интересно... Интересно, что она рассказала родителям... Ладно. Будем считать, что основные подготовительные мероприятия завершены, а значит, пора приступать. Теперь все конкретно: Вокулёр, капитан Бодрикур и далее про короля, как договаривались.

Декабрь 1428 года, Домреми, Лотарингия

Долго не удавалось заставить ее одну. И чтобы место было подходящим, и чтобы времени на все хватило. Дни шли за днями, прошло две недели, и все планы по срокам ломались. Обри уже начал нервничать, так что в конце концов пришлось пойти на определенный риск, сделать все грубо и неизящно.

После мессы к ней подошел местный мальчишка и сказал, что Симонен ждет ее у Деревя Фей. Симонен был ее воздыхателем, как и многие парни Домреми и Грё. А Деревом Фей в округе называли старый дуб у ручья недалеко от дороги на Невшато. На нем всегда висело несколько, развешенных детьми, плетеных маленьких домиков, в которых по местным поверьям и жили феи. Ручей же, бивший из-под земли рядом с Деревом Фей, считался целительным.

Молодежь часто посещала этот старый дуб, здесь проходили гуляния, отмечались праздники и просто назначались свидания. Вопрос был в том, пойдет ли девушка на свидание с Симоненом?

Девушка пошла. Вышла из церкви, посмотрела по сторонам, укуталась в накидку, вздохнула и направилась по дороге на Невшато. Обри уже ждал ее под деревом, сидя на его корнях у самого ручья.

- Это ты? – улыбнулась Жаннетта, узнав их недавнего гостя. – Что ты тут делаешь?

- Приболел немного, - ответил Обри. – А тут вот шел в Вокулёр, вспомнил про ваш ручей, решил сил набраться. А ты?

- Я жду Симонена.

- А, а... это, должно быть, тот парень, что был здесь. Куда-то умчался по срочным делам, просил сказать, что скоро вернется. Так он тебя ждал?

- Вот ведь... Как будто у меня дел больше нет.

- Будешь его ждать? – с любопытством спросил Обри.

- Он ведь просил... Но не долго. Мне нужно еще помочь матери.

- Думаю, ты ему нравишься.

- Я от него тоже без ума, - недовольно сказала девушка. – Жалко только, что бездельник.

И я из-за него время теряю.

- Красивый парень, - усмехнулся Обри, - какой еще жених тебе нужен?

- Никакой мне не нужен... - смутилась девушка.

- Ты что же, не хочешь завести семью, родить детей?

- Хочу. Хотела...

- Теперь передумала? – снова усмехнулся Обри.

- А тебе какое до этого дело? – совсем без раздражения, опустив голову, спросила девушка.

- Ты права, не мое это дело. Не обижайся... Вот, у меня есть хлеба немного, давай разделим.

- Спасибо, я не голодна.

- Да я помню, что ты ничего и не ела за столом, - улыбнулся Обри. – Два кусочка обмакнула в вино – и весь твой ужин. Всегда так? Фигуру бережешь?

- Всегда...

- Уверен, твоя фигура вне опасности... Ну, раз не хочешь разделить со мной хлеб, так хоть воду раздели. Я наберу из ручья...

Обри подставил флягу под струю родника, а потом протянул девушке. Жаннетта улыбнулась и сделала несколько глотков. Обри тоже приложился к горлышку фляги, сделав вид, что пьет.

- Ладно, жди своего Симонена. А мне еще нужно засветло до Вокулёра добраться.

Обри отряхнул одежду и направился в сторону дороги, а девушка странно, с удивлением посмотрела на удаляющегося путника, проведя ладонью по лбу, села на толстый, выпирающий из земли корень дерева и прислонилась к его стволу. Обри обернулся, увидел отсутствующий взгляд девушки и сделал знак кому-то, кто прятался в кустах ближе к дороге.

Декабрь 1428 года, Домреми, Лотарингия

Обри снова гостил в Домреми. Не планировал, но вдруг понял - нужно лучше знать, что там творится. Прошло уже несколько дней после последнего спектакля, а ничего не происходило. Надо было решать, что делать дальше.

В доме ее родителей Обри приняли как знакомого. И почти сразу он понял, что дело на самом деле вовсе не стоит на месте. Он стал свидетелем сцены, где Жак, отец девушки, во всю отчитывает ее:

- Я уже устал от твоих глупостей, Жаннетта! А ты каждый день мне не даешь покоя!
- Отец, прошу тебя! – с мольбой произнесла девушка. – Я должна! Это мой долг...
- Твой долг выйти замуж, быть женой и матерью! А не шляться не пойми где! Какой Вокулёр?! Какая поездка? Не смей думать даже! Мало мне прошлого раза! Соседи и так поди смеются!

- Отец...

- Я сказал – нет! Ты это хорошо поняла?

- Я поняла.

А вот Обри так и не понял, что было в этом ее «я поняла». Она не сдалась, в этом он был уверен, это наполнило его сердце радостью. Но было еще что-то. Вернее, не было. Не было отчаяния от сурового запрета отца, не было страха от его крика, не было смущения от укоризненного взгляда матери. Не было упрямства, но была убежденность. Была вера...

- Вот ведь! – недовольно стал жаловаться гостю отец девушки, когда та ушла в свою комнату. – Опять собралась в Вокулёр.

- Так и что? – невинно спросил Обри. – Пусть бы шла.

- Да что ты такое говоришь? – возмутился Жак. – Мне и так на днях приснилось... Я видел ее. Она уходила куда-то с солдатами! Я весь в поту проснулся! Я сказал сыновьям: коли моя дочь станет обозной девкой, то их долг убить ее! Смыть позор. Или я сам ее утоплю.

- Ты слишком строг к дочери. Она ведь не дает повода так думать о ней. Она скромна и благочестива...

- Знал бы ты, как трудно быть отцом молодой девушки...

А через два дня Жаннетта все же ушла. Отпросилась у родителей в Бюре помогать двоюродной сестре, которая только что родила. Но Обри, когда узнал об этом, сразу же все понял и немного удивился: девочка не просто сбежала из дома, она пошла на хитрость. Интересно, велик ли грех в ее понимании – обмануть родителей?

Из Бюре в Вокулёр ее опять сопровождал дядя – Дюран Лаксар. Теперь события можно было не подгонять, а только контролировать. Теперь дело было за Бодрикуром. Столько времени уже потеряли, что Обри стал предметно размышлять над тем, чтобы сразу раскрыть карты капитану и предъявить свои полномочия. Этого очень не хотелось, но терять еще Бог знает сколько времени не хотелось еще больше. И все же, поразмышляв, Обри решил не спешить.

Январь 1429 года, Вокулёр, Лотарингия

Роберу де Бодрикуру было двадцать восемь лет, но выглядел он много старше. Наверное, так бывает со всеми, кто почти с детства не расстается с мечом и доспехами. Их закаляют распри, битвы, долг и ответственность. Их сердце грубеет от крови и жестокости, от собственной боли и чужих страданий. Такие взрослеют быстрее. И мудреют.

Капитан Вокулёра сидел за столом, на котором еще оставались следы ночного пиршества: кувшины, кружки, тарелки и засохшие пятна от вина. Вероятно, ночью Бодрикур так и уснул за столом. Он поднял помятое лицо на стоящую перед ним девушку, и в его взгляде не было ни жестокости, ни жесткости, не было даже особого недовольства, но он казался взглядом старика – потухшим и безразличным ко всему.

- Кто ты? – устало, без всякого интереса спросил Бодрикур.

- Жаннетта Роме, - ответила девушка.

- Чего тебе?

- Мне? Мне нужен капитан Вокулёра господин де Бодрикур.

- Говори быстрее, чего хочешь.

- Я хочу, господин, чтобы ты отправил меня к дофину Карлу...

- Все. Я вспомнил. Это опять ты? Уходи...

- Я должна помочь дофину, - ничуть не смутившись, продолжила девушка.

- Без тебя не кому... Иди домой, я сказал.

- Я должна попасть к нему до середины поста. Только я могу помочь ему.

- Я прикажу тебя выпороть, - произнес Бодрикур тоном, в котором не было ни капли угрозы, разве только надежда, что девушка наконец-то оставит его в покое.

- Почему ты не веришь мне? – спросила Жаннетта с легким удивлением и даже недовольством.

- Да почему я должен тебе верить? – кажется, молодая крестьянка в красном выцветшем платье начала пробуждать в капитане какие-то эмоции. И первым проснулось раздражение.

- Потому что я слышала голос. Голоса. Архангела Михаила и Святой Маргариты. Они сказали мне, что я должна идти в Вокулёр к капитану Роберу де Бодрикуру. Что он даст мне сопровождающих и доставит к дофину. Но нужно спешить! Нужно успеть до середины поста, чтобы я могла помочь дофину!

- Черт!... – угрюмо и тоскливо выругался Бодрикур. - Угораздило же... Ты, часом, не того? Не дурочка? Архангел Михаил... А сатана тебе не являлся?

- Господин, если ты верен дофину Карлу, то должен мне помочь!

- Не вижу, как это связано... Бертран!

На зов капитана в комнату вошел человек, который, взглянув на девушку, удивленно поднял брови:

- Вот так встреча...

- Ты ее знаешь, Бертран?

- Видел в Невшато летом. И в мае еще...

- Вот и замечательно, что ты ее знаешь. Больше ее ко мне не пускай.

Дюран Лаксар испуганно посмотрел на вышедшую от капитана Вокулёра племянницу, которую сопровождал высокий воин при оружии:

- Ну что, Жаннетта?

- Ничего пока, дядя.

- Ты слышала, красotka, - усмехнулся Бертран, - командир приказал тебя не пускать больше. Возвращайся-ка ты к своим овечкам.

- Тебя ведь зовут Бертран? – без всякого смущения посмотрела ему прямо в глаза девушка.

- Бертран де Пуланжи, - ответил воин, и в его-то тоне явно слышалось если не смущение, то удивление.

- Я бы, может, и рада вернуться к своим овечкам, Бертран де Пуланжи, но не могу. Мой долг помочь дофину, и кроме меня ему никто не поможет. Пойдем, дядя.

Девушка ушла, оставив Бертрана в задумчивости. Ухмылка давно слетела с его лица, он подошел к окну и смотрел на девушку, пока она не скрылась за поворотом улицы.

Январь 1429 года, Вокулёр, Лотарингия

- Давай, Рене, говори.

- Капитан ее прогнал.

- Ожидаемо...

- Она поселилась у каретника Анри Ле Руайе.

- Почему у него?

- Его жена Катрин – знакомая Лаксара. И она очень симпатизирует девушке. Вообще у нашей подопечной уже появляются поклонники в городе. Она становится известной личностью.

- Это хорошо, но нужно убедить Бодрикура... Из Шинона ничего?

- Никаких вестей.

- Плохо... Тогда так. Подпитаем пока ее популярность в народе. Пошли кого-нибудь в Нанси, пусть слух, что в Вокулёре появилась... пророчица, целительница, в общем, поднимает больных и оживляет мертвых. Герцог Лотарингский болен. Может, и клонет, этот разбойник на старости лет стал суеверным...

А через два дня Рене доложил совсем неожиданное:

- Она, кажется, собирается в дорогу.

- В какую дорогу? - не сразу сообразил Обри.

- К королю, я так понимаю.

- Черт! Как некстати! Я и не подумал, что она решится отправиться сама! Нужно отговорить ее!

- Не представляю как... - смутился Рене. - В дороге если...

- Как хочешь, Рене! В Шиноне должны знать, что ее отправил Бодрикур! Иначе все это будет шито белыми нитками!

- Я постараюсь, господин... но это...

- Сделай! Как хочешь, но сделай!

Хорошо ему было приказывать: «Как хочешь, но сделай!» А вот что Рене может придумать? Почти на ходу! Без подготовки! Обри понял, что поставил перед подчиненным задачу исключительно трудную. Возможно, даже невыполнимую.

Если девушка отправится в Шинон самостоятельно, то всю их игру придется менять, пересобирать прямо в движении... Черт! Тогда уж лучше было не медлить и напрямую приказать Бодрикуру! Но кто же знал, что девочка проявит столько упрямства... Да ведь он, Этьен Обри по прозвищу Тень, и знал! И не упрямство это, а целеустремленность. За это он ее и выбрал, а теперь понимал, что лучше ее и не нашел бы! Но сейчас самое важное – вернуть ее...

- Ну? – с надеждой и, чего уж от себя скрывать, волнением спросил Обри? – Что?

- Она возвращается в Вокулёр, - ответил Рене.

- Слава Богу! – облегченно выдохнул Обри и тут же поспешил выказать свою благодарность подчиненному. Сегодня тот заслужил. Как никогда:

- Ты молодец, Рене. Я, если честно, сомневался...

- Я, если честно, господин Этьен, и не надеялся.

- Но ведь получилось! Расскажи как.

- Расскажу, - невесело вздохнул Рене. - Только... Ладно, сами судите. Мы засели на дороге на Совруа у Сен-Николя. Надеялись, что уж в эту церковь она точно заглянет. Местного кюре отвлекли, Юбер приготовился играть его роль... Она и правда зашла. Вместе со своим дядей и еще одним – некий Жак Аллен. Это он, между прочим, купил ей лошадь.

- Что, влюбленный?

- Да нет... Ему под сорок, он женат... Просто помогал ей. Да ей многие помогают в городе.

- Ладно, что дальше?

- Что дальше... - совсем хмуро продолжил Рене. - Она молилась, а я ума не прилагал, как поднести ей наше пойло... Она совсем недолго в этот раз молилась, встала и ушла, а я... я не успел ничего сделать...

- А как же...

- А вот не знаю как. Она сказала своим, что так ехать к королю не годится. Что нужно вернуться в Вокулёр. Не знаю, что ей втемяшилось.

- Не важно, что ей втемяшилось, - враз успокоившись и став задумчивым, произнес Обри.

- Важно, что нам повезло... Неужели девочка сама сообразила, что нужно заручиться рекомендацией? Почему и нет... она, по всему, не дура. Ладно, Рене. Пока ждем вестей из Нанси, поработай с местными горожанами. О ней должны говорить. Вернее, Бодрикур должен знать, что о ней говорят...

Герцог Лотарингский, как и ожидалось, не подвел и наживку заглотил. Уже через неделю от Карла II Лотарингского прискакал гонец с охранной грамотой для Жанны из Домреми. Гонец прискакал к Бодрикуру, и капитану ничего не оставалось, как дать девушке провожатого и отправить ее с этой грамотой в Нанси.

Обри решил, что может не контролировать эту ее поездку. В конце концов, до Нанси было недалеко, каких-нибудь десяток лье⁵, девушку сопровождал ее дядя и конюший капитана Жан де Мец, а потому Обри не ожидал никаких сюрпризов. А ожидал он хоть каких-нибудь значимых событий при дворе или в Орлеане. Да хоть где, главное – узнать о них первым здесь. Прямо хоть сам езжай в Шинон и прирежь кого поизвестней... Время текло быстро, и Обри сам себе поставил срок – середина февраля. Если Бодрикур не поддастся до этого времени, то он покажет ему письмо Ла Тремуя.

Январь 1429 года, Вокулёр, Лотарингия

Они выехали через западные ворота: девушка, Дюран Лаксар и Жан де Мец. Последнего поездка не слишком радовала – у него были планы на сегодня. Могут же и у него быть планы! Он договорился встретиться с Берtrandом в кабачке на Мельничной, там сегодня ожидалась большая игра.

Де Мец любил играть в кости и играл много. Не ради выигрыша как такового, а просто ради развлечения. Что еще тебя может развлечь в твои тридцать лет, когда половину из них ты служишь с мечом и не знаешь никакой другой жизни, кроме этой службы? Ни жены, ни детей, ни денег, ни дома, ни постоянной любовницы... Вино в кабаке и потаскушки там же – вот и все его интересы. Да еще кости, разумеется.

Вроде бы не дурной собой, не безголовый и веселый, де Мец тем не менее реалистично оценивал свое будущее: на приличной девушке он никогда не женится, денег не наживет, поистаскается, махая мечом, и хорошо если не встретит старость калекой-нищим... Найти какую-нибудь не очень страшную и не очень старую вдову, чтобы жениться – вот предел его реальных возможностей в этой жизни. Да и то время уходит.

Но когда рассветная мгла рассеялась, то и настроение Жана де Меца улучшилось. Тем более он присмотрелся к сопровождаемой девушке и решил, что не так уж и плохо будет провести время в обществе такой красотки. А Бланш из кабака на Мельничной он еще успеет потискать...

- Эй, красавица! – весело спросил де Мец. - Ты чего такая невеселая? Скучаешь по своим овечкам?

- Скучаю. А тебе есть по чему скучать?

Улыбка враз слетела с лица де Меца. Он снова вернулся к своим невеселым мыслям: у него ведь и правда ничего нет в жизни, по чему можно было бы скучать... А он хотел немного подтрунить над этой девочкой... Ну уж нет, ей не удастся так просто выбить Жана де Меца из седла:

- Берtrand мне рассказывал про тебя. Тебя ведь Жанной зовут?

- Ты можешь звать меня Жаннеттой, так меня все зовут дома. А как зовут тебя?

- Называй меня Мортис.

- Странное имя...

- Это мое прозвище. Ангелус Мортис – Ангел Смерти по-латыни.

- И почему люди тебя так называют?

- Почетный титул в своем роде, – довольно ответил де Мец. - Я очень неплохо махаю мечом. Могу и тебя научить.

- Мне не нужно... Я не хочу никого убивать.

⁵ Старинная французская мера длины, равная 4444 метрам.

- Даже годонов? – усмехнулся де Мец.
 - Я не хочу чтобы их убили, я хочу, чтобы англичан просто выгнали из Франции.
 - А зачем? Не проще ли выгнать короля Карла и самим стать англичанами? Вот только язык их чертов учить не хочется...
 - Ведь ты же так не думаешь. Иначе бы ты не служил Роберу де Бодрикуру – он верен дофину.
 - Полагаешь, если завтра капитан перейдет на службу бургундцам, я от возмущения пере-режу ему горло?
 - Ты не такой, каким хочешь казаться. И я не буду называть тебя Мортисом. Если хочешь, я буду называть тебя Ангелом.
 - Во мне нет ничего ангельского, красавица... - де Мец к своему удивлению почувствовал себя смущенным. Еще и потому, что не смог назвать ее по имени. И ведь у него самого ее-то так ничем смутить и не получилось. – Лучше скажи, зачем на самом деле ты приехала в Вокулёр?
 - Я на самом деле приехала к капитану Роберу де Бодрикуру, чтобы он отправил меня к дофину Карлу. Но он не верит мне...
 - И чему он должен верить? Что ты хочешь спасти короля? Каким волшебством, интересно?
 - Я не волшебница, Ангел. Но я должна успеть попасть к нему до середины поста. Чтобы снять осаду с Орлеана.
 - Всего-навсего? – озадаченно попытался ухмыльнуться де Мец. – Ты поведешь солдат на англичан?
 - Если нужно. Но никто кроме меня не сможет помочь королю и восстановить французское королевство.
 - У тебя серьезные планы... - хмуро произнес де Мец, которому уже совсем расхотелось шутить над этой девочкой.
 - Думаешь, я этого хочу, Ангел? С каким счастьем я вернулась бы к своей матери, к пряже, к моим овечкам, как ты говоришь... Но мое предназначение не в этом. Я должна идти, и я сделаю то, что должна, потому что так угодно моему господину.
 - И... кто же твой господин? – настороженно спросил де Мец.
 - Бог, - просто ответила девушка.
- Де Мец замолчал. Ему стало не по себе, он физически, ознобом по спине, ощутил холод и изумление от простого ответа девушки, произнесенного так обыденно и уверенно. Де Мец, не сводя глаз с нее, вдруг осознал, что она не просто верит во все, что сказала, она живет этим и не может этим не жить.
- Скоро Туль... - смущенно произнес де Мец. – Я подожду тебя там. Охранная грамота герцога ведь только на тебя распространяется... Мне, боюсь, могут припомнить кое-что... А Нанси здесь уже рядом.
 - Конечно, Ангел, - улыбнулась девушка. – Жди нас в Туле, мы быстро.
 - Жаннетта... Жанна... не называй меня Ангелом. Меня зовут Жаном...
 - Почему ты не хочешь, чтобы я звала тебя Ангелом?
 - Потому что... ангел – это ведь что-то чистое, божественное. А я... я не заслуживаю этого, я... не ангел я, короче.
 - Хорошо, - снова улыбнулась девушка. - Я буду звать тебя Жаном.
 - И знаешь, я все-таки провожу тебя до Нанси.
 - Нет, Жан, ты останешься в Туле, - без капли повелительности в голосе, просто произнесла девушка. И, увидев, что де Мец хочет возразить, быстро добавила: - Или я не поеду дальше.

Февраль 1429 года, Вокулёр, Лотарингия

- Здравствуй, Жаннетта! – окликнул выходящую из церкви девушку Пуланжи. Девушка обернулась, увидела знакомого и улыбнулась:
- Здравствуй, Бертран де Пуланжи. Ты опоздал, служба уже кончилась.
- Я не на мессу... Я проходил тут мимо, вижу, ты выходишь...
- Ты ждал меня, Бертран де Пуланжи? Ты хотел о чем-то поговорить со мной?
- С чего ты решила, что ждал? – смутился Пуланжи. – И называй меня Бертран...
- Пойдем, Бертран, а то ты совсем замерз, наверное.
- Я не... Пойдем. Куда?
- В мою комнату. У Анри и Катрин... Так что ты хотел, Бертран? Тебя прислал Робер де Бодрикур?
- Нет... Мне интересно просто... Я хотел тебя спросить про твои голоса. По городу болтают всякое... Ты все еще слышишь их? Что они тебе еще говорили?
- Только то, что я должна помочь дофину одержать победу и снять осаду с Орлеана. И еще я ему должна сказать кое-что... Но это я могу сказать только ему.
- Голоса запретили говорить другим? – попытался сострить Пуланжи, но получилось у него плохо.
- Не запретили... Дофин Карл сам решит, говорить это другим или нет.
- А почему ты пришла именно к капитану? По-другому не могла добраться до Карла?
- Это тоже мне велели голоса. Они сказали, что Робер де Бодрикур отправит меня к дофину.
- Не очень-то он спешит выполнить волю твоих голосов. Он вообще велел больше не пускать тебя к нему.
- Он отправит меня, Бертран. Так мне сказали. И я жду. Главное, чтобы не было поздно, главное – успеть спасти Орлеан.
- А почему ты уверена, что голоса твои говорят правду? Может, это чертовщина какая...
- Девушка не ответила сразу. Но молчала недолго. Она подняла голову на Пуланжи и без всякой настойчивости и убеждения, словно рассуждая, произнесла:
- Мои голоса советуют мне, как спасти Францию и помочь королю. Разве это не благое дело? И разве благие помыслы и добрые дела могут исходить от чего-то злого?
- Не знаю. Я не священник, чтобы разбираться в таких вопросах. Но этот пройдоха Мор- тис сказал, что...
- Почему пройдоха? – не дала договорить Пуланжи девушка. – И не называй его Морти- сом. Его Жаном зовут.
- Как скажешь... - без сопротивления согласился Пуланжи. – Мне все-равно, как этого чертяку называть, хоть Святой Агнессой...
- Бертран, - снова строго прервала его девушка, - зачем ты оскверняешь свой язык и свои мысли богохульствами? И зачем ты так называешь Жана? Он же твой друг.
- Друг, конечно... - снова смутился Пуланжи. – Но ведь, что есть, то есть. Думаешь, чего он не поехал с тобой до Нанси? Его же там судить хотели! Знаешь, за что?
- И не хочу знать, Бертран. А что до суда, так и меня вызывали в суд в Туле, что ж с того?
- Тебя-то за что? Не представляю, что ты могла натворить...
- Один человек хотел взять меня в жены... Он договорился с отцом, но я...
- Но ты не захотела, - усмехнулся Пуланжи. – Что, старый и страшный?
- Нет, почему... Он моложе тебя. И такой же красивый.
- Значит, беден, как церковная мышь?
- Не беден... Он чиновник при епископе.
- Тогда не понимаю. Кто ж тебе нужен? Или ты влюбилась в какого-нибудь парня в деревне?
- Я обещала остаться девой...

- Кому обещала?

- Богу.

- Хочешь в монашки податься? – удивился Пуланжи. – Чего тебе там отмаливать, ты и нагрешить-то не успела.

- Чтобы исполнить то, что мне предназначено, я должна остаться девой. И я поклялась, что останусь таковой, пока все не исполнится. А что будет дальше, того я не знаю.

Февраль 1429 года, близ деревни Рувре, герцогство Орлеанское

Для англичан появление французов сюрпризом явно не стало. Они быстро и деловито обнесли свой импровизированный лагерь повозками, набили вокруг кольев и приготовились ждать.

А французы подходили медленно и вразнобой. Хотя еще три дня назад всем в Орлеане было известно, что из Парижа выступил огромный обоз с селедкой, хлебом, порохом, стрелами и прочим вещами, всегда нужными на войне. Известно было, что возглавляет англичан Джон Фастольф, известно было, сколько у него возов и сколько солдат, и все благодаря сохранившим верность королю парижанам и орлеанским шпионам, вернее, по большей части, шпионкам.

Так что известно об англичанах было все, но это совсем не помогало разрозненным отрядам французов действовать по единому плану. Несколько сотен шотландцев под командованием Джона Стюарта желали ринуться в бой немедленно. Их нетерпение с трудом удавалось сдерживать Жану Орлеанскому и графу Клермонскому Жану де Бурбону.

Пусть и не стройно, но французы все же выстроились перед англичанами, блокировав им движение в сторону Орлеана. Жан Орлеанский командовал установкой артиллерии. По его приказу из Орлеана доставили пару десятков бомбард, и теперь им нашлось применение.

Как только французы наладили бомбардировку, дело пошло. Прикрытые деревянными щитами и арбалетчиками французские бомбардиры небыстро, но методично начали расстреливать противника. Их ядра разбивали обозы, калечили английских солдат и лошадей. Повреждены оказались множество бочек с сельдью, так что соленая рыба просыпалась на землю. В лагере англичан, которых и без того было намного меньше, началось уныние. Они видели, что французы атаковать не собираются, прекрасно понимая, что выиграют эту битву, даже не вступая в прямое столкновение.

Командир англичан Джон Фастольф уже размышлял о том, как бы ему поудобнее бросить обоз и начать прорываться на север к Шартру, как вдруг не выдержали нервы у гордых горцев, и они ринулись в атаку на английские позиции. Английским лучникам пришлось расстреливать шотландцев в их легких доспехах почти в упор, и редкая английская стрела не находила свою цель. Чертыхаясь и кляня всех шотландцев в этом мире, граф Клермон приказал остановить бомбардировку английского лагеря, чтобы не задеть своих. Видя бедственное положение уничтожаемых шотландцев, он командовал своему конному отряду атаку. Почти две тысячи всадников двинулись спасать союзников, но колья и английские стрелы сделали их атаку неэффективной.

Тем временем Жан Орлеанский также двинул свои войска в бой, но на подходе к английским позициям стрела пронзила его бедро насквозь, ранив при этом лошадь. Его отряд, видя падение командира, в нерешительности замедлил движение. Англичане же, покончив с шотландцами, перегруппировались и атаковали. От разгрома французов спасла только своевременная лихая атака гасконцев Потона де Сентрая и Этьена де Виньоля по прозвищу Гневный. Потерявшего много крови Жана Орлеанского наспех перевязали, посадили на лошадь и, подерживая с двух сторон, увезли с поля боя.

В Орлеане вести о битве при Рувре, или как ее окрестили «Селедочной битве», вызвали разочарование. Не видевшие битву и не знавшие, что происходило на самом деле, горожане возложили всю ответственность за поражение на графа Клермона, не поддержавшего вовремя

смелую атаку шотландцев. А истинные виновники поражения - шотландцы, большей частью оставшиеся лежать на поле боя, как и их погибший командир Джон Стюарт, покрыли себя неувядаемой славой в глазах горожан...

Через несколько дней обидевшийся Карл де Бурбон, граф Клермонский, увел свой отряд из Орлеана. Как увели свои отряды и еще несколько капитанов несмотря на уговоры раненого и едва передвигающегося Жана Орлеанского. В голодном и холодном городе воцарилось уныние, и ушла надежда, что те же голод и холода, что мучают их, заставят англичан снять осаду. Пошли пока еще тихие разговоры о необходимости договориться хотя бы с герцогом Бургундским и сдать город ему, чтобы не достаться на растерзание англичанам.

Февраль 1429 года, Вокулёр, Лотарингия

Этьен Обри сидел в своей маленькой комнатухе и смотрел в окно, за которым накрапывал мелкий, противный зимний дождь. На улице было холодно, утром вообще снег шел. И в комнате его было не очень тепло, он кутался в шерстяную накидку и прятал замерзшие кисти рук в рукавах.

Обри пытался думать о деле. У него это получалось ровно одну минуту, потом мысли тут же уходили в сторону, пока он не замечал этого и снова не возвращался к главному. Наконец он сдался. В конце концов, сейчас нужно было просто ждать, ничего другого по большому счету и не сделаешь. Обри позволил своим мыслям свободно скакать, куда им будет угодно, и они, почувствовав свободу, тут же и прискакали к тому, вернее к той, к которой стремились все последнее время.

Обри даже удивился немного: он стал разделять дело и девушку. Еще недавно они были неразрывны в его голове, а сейчас вот он не может сосредоточиться на своем деле, а к этой крестьяночке из Домреми мысли стекаются, как вода в низину. Обри пытался убедить себя, что в этом нет ничего странного, что так часто бывает: когда близко работаешь с каким-то объектом, то волей-неволей привыкаешь к нему, начинаешь понимать, быть к нему ближе... Себя-то не обманешь - так никогда не было.

Работа его вообще-то не подразумевала особых сантиментов. Но Обри никогда и зла не желал людям, с которыми работал. Они были для него всего лишь инструментом, не бездушным, конечно, но и не вызывающим большого сочувствия. Да и что это были за люди, как правило... Может, все дело, и правда, в этом? В том, что он мог без сожаления пожертвовать любым человеком в своей игре? Может, он подсознательно и выбирал тех, кого не жалко предать, убить, пытать? А сейчас он выбрал такую... Но в этом деле он и не мог выбрать другую.

У Обри не было детей. И жены не было. Все женщины в его жизни были мимолетными, временными, да он и не представлял никогда себя женатым человеком, тем более отцом. И считал, что для него так правильно. Но вот эта девочка, вполне годившаяся ему в дочери, заставила задуматься: может быть, он был неправ? Если бы у него была такая дочь? Другой бы он и не желал, верно... Что с ней будет дальше? Куда он ведет ее? Он понимает. А она – нет. Ей и не представить, в каком аду она вскоре окажется...

Что-то заныло внутри Обри. В той части груди, где у людей сердце. Он же тоже человек, и у него оно должно быть... Это странное, неприятное чувство он уже давно не испытывал. Повода не было...

- Говори, Рене, - обратился Обри к вошедшему в его каморку подчиненному. – Я уже истосковался без новостей.

- Принципиально нового ничего и нет, господин Этьен. В Нанси съездили без приключений. Де Мец ждал ее на постоялом дворе в Туле.

- Почему?

- Непонятно. Зато удалось подслушать их разговор по ее возвращении из Нанси.

- Интересно.

- Юбер сидел за соседним столом... В общем, она рассказала, как прошел визит к герцогу. Тот хотел, чтобы она вылечила его, а она сказала, что ничего не понимает в болезнях. А чтобы вылечиться посоветовала ему чаще молиться, оставить любовницу и вернуться к жене.

- Короче, прочитала проповедь старому развратнику, - улыбнулся Обри. – Молодец какая... А сейчас что?

- Все то же. Ходит в церковь, исповедуется, причащается. Пуланжи и де Мец навешают ее. Какие-то люди из города... Она же теперь здесь знаменитость. Ее даже называют не по имени а прозвище дали – Дева.

- Мило... А Бодрикур?

- Хмурый, недовольный... пьет больше обычного... Может, ему тоже подлить нашего... побеседовать...

- Как у тебя все просто, Рене... - покачал головой Обри. - Он если и увидит чего, так это зеленых чертей в кружке. Здесь нужна тонкая душевная организация. И вера. А наш бравый капитан в свои молодые годы давно уже поди ни во что не верит...

Обри прервался на полуслове, потому что дверь открылась, и в комнату вошла Маргарита.

- Гонец приехал... - загадочно произнесла женщина, и от ее улыбки Обри чуть не передернуло. Он вдруг почувствовал желание задушить ее, хотя никогда не испытывал к ней раньше ничего подобного. Ему показалась мерзкой не только ее шаловливая улыбка, но все ее движения, блудливый взгляд, жесты. А может, ее мысли? Чем жила эта женщина, без помощи которой он не мог обойтись?

Но интерес профессиональный мгновенно задавил в нем эти несвоевременные и никому не нужные сантименты, и Обри велел впустить гонца. Его весть оказалась именно тем, чего он уже без особой надежды ждал.

- У вас все готово? – резко спросил Обри. – Счет на часы!

- Готово, - уверенно ответил Рене. – В церкви. Прямо сейчас начнем. Но это, вероятно, разовая акция. Больше такого здесь не провернем.

- Больше, надеюсь, и не понадобится.

Февраль 1429 года, Вокулёр, Лотарингия

- Почему ты домой не уехала? – недовольно спросил де Бодрикур. – И кто тебя сюда пустил вообще?

- Меня пустил Бертран. Он сказал твоему слуге, будто ты звал меня.

- Хорошенькие дела... - пробормотал капитан Вокулёра. – Он пьян, что ли? Или умом поехал? Но это неважно... Я тебя не звал, так что уходи. А если еще раз увижу – отошлю под конвоем домой.

- Робер де Бодрикур, послушай меня! Королевские войска вскоре потерпят поражение под Орлеаном. Англичане доставят своим много провизии и оружия. Защитники города совсем падут духом! Я должна помочь, пока не поздно!

- Что? – зло спросил Бодрикур. – Опять твои голоса? Надоело это слушать! Я тебя предупредил! Если попадешься мне еще раз хотя бы и случайно, отправлю под стражей обратно к своим коровам! Убирайся!.. И позови мне этого благодушного идиота!..

Пуланжи вошел к капитану не с опущенной покаянно головой, но и без вызова, готовый, похоже, ответить за то, что сделал. И Бодрикур увидел, видимо, что-то в его взгляде, а потому и не пытался даже отчитать его за обман и самовольство.

- Эта девчонка плохо на тебя влияет, Бертран, - совершенно спокойно произнес Бодрикур, исподлобья хмуро глядя на вошедшего. – Как и на твоего дружка де Меца. Он тут тоже ко мне пришел со своими открытиями... Я вам обоим запрещаю с ней видаться и разговаривать. Это приказ. Ты понял?

- Капитан...

- Молчи, Бертран, - без всякого недовольства и укора прервал его Бодрикур. – Девчонку я на днях отправлю домой. Под стражей. Я так решил.

- Капитан...

- И повезете ее не вы. Все. Иди.

- Капитан, я все-равно скажу, - упрямо произнес Пуланжи. - Потом уйду.

Бодрикур вперил свой холодный бесцветный взгляд прямо в голубые, бестрепетно смотрящие на него глаза Пуланжи:

- Ну? Думаешь, я не знаю, что ты скажешь?

- Да просто поговорите с ней, капитан! – в сердцах почти выкрикнул Пуланжи. – Побеседуйте хоть полчаса! Я не знаю, как объяснить, но... от нее что-то исходит... какая-то сила! Убежденность!

- А от тебя исходит дурость... Ты закончил? У меня мало времени...

- А вдруг она говорит правду? Вдруг она действительно поможет? Чего вы теряете, капитан? Отправьте ее в Шинон, пусть там разберутся, кто она и может ли помочь!

- Мне мало неприятностей здесь, ты хочешь, чтобы надо мной еще и смеялись при дворе? Рассказывали смешные истории про двинувшегося умом капитана Вокулёра, приславшего королю деревенскую дурочку?

- Люди в городе верят ей, - пытался найти еще хоть какие-то доводы Пуланжи. - И не считает ее сумасшедшей! А наше дело так плохо, что в пору хвататься и за соломинку, и за сумасшедшую! А то потом ведь можно и пожалеть...

- Твое время кончилось, Бертран, убирайся... И скажи, чтоб принесли вина...

Февраль 1429 года, Вокулёр, Лотарингия

Де Мец и Пуланжи и не подумали исполнять приказ капитана насчет девушки. Они продолжали иногда навещать ее и разговаривать с ней. И передали ей угрозу Бодрикура отправить домой. Но то ли капитан забыл о своей угрозе, то ли по какой другой причине никто пока не пытался препятствовать Жанне находиться в Вокулёре.

Сам город наполнился слухами и пересказами о проигранной королевскими войсками битве под Орлеаном. Разговоры и пересуды об этом были мрачными, но какими-то будничными – все давно привыкли к поражениям короля. Говорили, конечно, и про девушку из Домреми, о которой знал уже без преувеличения весь город, и о ее предсказании.

Де Мец и Пуланжи лишь один раз посмели напомнить капитану о Жанне, рассчитывая, что известие о поражении под Орлеаном, точно предсказанное ею, заставит изменить его мнение о девушке. Но они лишь привели своего командира в дикую ярость, каковой не видели у него даже во время боя. Капитан послал их к таким чертям и напутствовал такими замысловатыми пожеланиями, что обоим стало понятно: если они скажут еще хоть одно слово, то в них полетит не только глиняная кружка, но и стулья, а возможно, и кинжал.

А через день Жанна рассказала им, как в дом Ле Руайе к ней вдруг неожиданно пришел Бодрикур и привел местного кюре Жана Фурнье. Священник был облачен в альбу, на нем была стола⁶, в руке он держал крест. Волнуясь, он прочитал молитву против злых духов и приказал девушке удалиться, если она ими одержима, и приблизиться, если она чиста перед Богом. Жанна рассказала, как подошла к святому отцу и встала на колени. Ее рассказ веселил ее саму, только ей было еще и немного обидно:

- Я понимаю господина де Бодрикура, но зачем же отец Фурнье устроил это представление? Я же уже не раз ему исповедовалась, он прекрасно знает, что я не ведьма.

⁶ Альба – длинное белое литургическое одеяние; Стола – элемент литургического облачения в виде широкой расшитой шелковой ленты.

- И что капитан? – спросил Пуланжи.

- Он смотрел на меня сурово... Спросил только, сама ли я вернусь домой, или ему нужно отправлять меня к родителям силой... И сразу ушел.

Все изменилось 22 февраля. Капитан сам вызвал их обоих к себе. Он был мрачен, как почти все последнее время, но было сейчас в нем и еще что-то, что де Мец не смог определить. Он только вдруг понял, что капитан выглядит, как смертельно уставший человек, и подумал, что причиной этому выпитое им вино.

Но капитан заговорил абсолютно трезвым, хотя и, действительно, усталым голосом:

- Вы, я знаю, плевать хотели на меня и мои приказы...

- Капитан... - попытался возразить де Мец, но Бодрикур не дал ему ничего сказать:

- Заткнись! Вы оба! Заткните свои лживые рты и отвечайте только на мои вопросы!

Де Мец и Пуланжи переглянулись и угрюмо стали ждать чего-то нехорошего. Но Бодрикур смягчил свой тон и спросил почти без злости:

- Что там ваша подруга? Не передумала ехать к королю? Чего молчите? Теперь-то говорите, чтоб вас!..

- Не передумала! – с вызовом, не отводя взгляд, жестко ответил Пуланжи. – И если ты не желаешь, то я сам отвезу ее к королю!

- Я же велел тебе заткнуть свой поганый рот!!! – бешено ударил кулаком по столу Бодрикур, так, что подпрыгнула кружка и пустой кувшин из-под вина. – И отвечать на мои вопросы, дьявол тебя побери!.. И ты, де Мец? Тоже шлешь меня к чертям собачим? Как этот неблагодарный кретин? Чего молчишь?

- Я поеду с Бертраном, - спокойно ответил де Мец. – Если вы это имели ввиду.

- Даже если я запрещаю? – снова успокоившись, ухмыльнулся Бодрикур. – Не терпится отдать молодую овечку на заклятие... Ну, ну... Ладно... Слушайте, олухи... Когда стало известно о битве, которую она предсказала, я отправил письмо в Шинон. Сегодня королевский гонец привез ответ... Похоже, наш вечно хнычущий Карл в полном отчаянии... Потому что готов схватиться за нашу маленькую соломинку.

- Он хочет ее видеть? – удивился Пуланжи.

- Да. И вы ее повезете, если не передумали...

- Капитан... - радостно попытался что-то сказать де Мец, но Бодрикур снова прервал его:

- Поклянитесь. Оба. Что доставите ее к королю целой и невредимой. Даже ценой своей жизни! Жан! Клянитесь! Бертран... И я вам тоже поклянусь, что если по дороге в Шинон с этой девочкой что-нибудь случится, я лично вот этим вот кинжалом перережу вам обоим глотки...

Февраль 1429 года, Вокулёр, Лотарингия

Когда он сказал, что капитан отправляет ее к королю в Шинон, она не выказала радости. Просто опустилась на колени и молилась. Де Мецу показалось, даже, что он увидел тревогу на ее красивом лице. И ощутил нежность. Или что-то похожее на нежность. Он не совсем был уверен – подобное чувство редко посещало его, если вообще посещало хоть когда-нибудь.

- Нам нужно будет выехать под вечер, - сказал де Мец, терпеливо дождавшись, когда девушка закончит молиться. – Первые несколько дней лучше будет передвигаться по ночам, вокруг полно бургундцев. Сегодня уже не успеем, Бертран готовит все...

- Тогда завтра. Чем быстрее, тем лучше.

- Я хотел спросить тебя... - немного смущенно произнес де Мец, - в чем ты собираешься ехать?

- Нужно ехать в мужской одежде? – без страха спросила девушка. – Я готова. Только у меня ее нет...

- Жульен, мой слуга, все найдет и принесет тебе.

- Если можно, Жан... - доверчиво улыбнулась де Мецу девушка, - пусть одежда будет по размеру... Не хочу я выглядеть смешным чучелом.

- Ты в любой одежде не будешь выглядеть чучелом... - произнес де Мец и осекся, опустив голову.

- Жан, я еще хотела попросить тебя... напиши письмо.

- Какое письмо?

- Родителям. В Домреми. Хочу просить прощения, за то, что так покинула их. И объяснить еще раз все... Я знаю, про меня теперь будет столько сплетен и слухов... Кто-то обязательно будет говорить про меня очень плохо, а родители не заслужили такого... Ты напишешь, что я скажу?

К вечеру следующего дня все было готово. Вместе с ними в путь отправлялись двое слуг де Меца и Пуланжи, а также Коле де Вьен, гонец, привезший письмо короля, и его помощник - Ришар-Стрелок. Им придется ехать через вражескую территорию, а де Вьен прекрасно знал дороги, знал, где меньше опасности встретить врагов и где можно относительно безопасно переночевать.

Одежда девушке понравилась. Теплая туника, чулки, прикрепленные ремешками к дублету, длинные мягкие сапоги с потертыми шпорами и хук – все выглядело если и не элегантно, то вполне практично. И даже немного великоватый ей черный шаперон делал ее вид не смешным, а каким-то милым и трогательным.

А еще она постриглась, чем вызвала замешательство и де Меца, и Пуланжи.

- Зачем? - с сожалением глядя на ее едва закрывающие уши волосы, произнес Пуланжи. – Можно было бы убрать их под шаперон – никто бы и не заметил...

- Неужели не жалко? – спросил де Мец.

- Очень жалко, - просто улыбнулась Жанна. – У меня были красивые волосы... Но я не хочу, чтобы во мне видели девушку, это будет только отвлекать всех...

Еще засветло все отъезжающие собрались у западных ворот, которые в городе называли Французскими. Было много провожающих девушку горожан, уже давно прознавших о ее отъезде. Пришел к воротам и Робер де Бодрикур.

Этьен Обри стоял в толпе, уверенный, что девушка его не узнает, и смотрел, как успешно реализуется очередной этап его операции. Сделано было немало. По большому счету уже почти половина. Ну уж треть – точно. Это если выполнить приказ Ла Тремуя, но по этому поводу у Обри теперь были свои мысли... Сейчас же он не мог оторвать взгляд от своей подопечной и сразу несколько чувств овладевали им. Это были и гордость, и удовлетворение, и надежда.

Тем временем Бодрикур подошел к уже сидящей в седле девушке. Его взгляд не был привычно хмурым, но печальным и будто удивленным. Он с полминуты смотрел на девушку, потом негромко произнес:

- Жаннетта... Жанна... Тебя ожидает трудный и опасный путь.

- Мы будем осторожны.

- Я не про дорогу в Шинон, до него мои парни тебя довезут. Я в них уверен, и ты тоже можешь не сомневаться... Но что будет дальше? Никто знать не может... А ты всего лишь простая девочка, которая не видела жизни... Ты не боишься?

- Я не имею права бояться, Робер де Бодрикур, ведь меня ведет Бог.

- Я бы боялся... Возьми этот меч, пусть он принесет тебе удачу.

Капитан Вокулёра сам привязал ножны к поясу девушки и отошел на два шага, чтобы осмотреть ее.

- Ты выглядишь, как воин, - сделал попытку улыбнуться Бодрикур, но улыбка мгновенно слетела с его лица, в глазах осталась только тоска.

Девушка вдруг странно, словно удивленно посмотрела прямо в глаза капитана и произнесла:

- Не бойся за меня, Робер де Бодрикур, И не думай, что обрекаешь меня на что-то ужасное. Пусть твое сердце будет спокойно: не ты отправляешь меня в этот путь, ты всего лишь исполняешь Божью волю.

Бодрикур долго и тяжело глядел на девушку, потом взял ее лошадь под уздцы и вывел через ворота.

- Иди, девочка... - неуклюже и непривычно перекрестил ее капитан. - Иди, и пусть случится то, что должно случиться.

Февраль 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

Карл VII снова сомневался. Это письмо от Бодрикура зацепило его, вызвало интерес, какую-то слабую надежду. Он даже отправил гонца в Вокулёр с приказом привезти эту странную крестьянку. Но по прошествии двух дней всякое воодушевление покинуло его. Сколько всяческих чудес ему обещали, сколько предсказывали побед, и где эти чудеса? Где победы? Поражения, измены, ложь – они его окружали, и он сам стал их частью.

Карл Устал сомневаться. Он отдавал себе отчет, что его вечно гложущие сомнения мешают ему, не дают по-настоящему сосредоточиться на делах. Он хотел бы научиться избавляться от своих страхов, колебаний и подозрений, но сам характер его не позволял ему этого. Письмо от Бодрикура Карл решил показать Иоланде. Теща – женщина умная, пусть она развеет его сомнения, пусть решит, стоит ли вообще с этим связываться. Но оказалось, что она и сама не имела на этот счет определенного мнения.

- Что ты ответил Бодрикуру? – спросила герцогиня Анжуйская.

- Я разрешил ему отправить эту девушку ко мне, - смущенно ответил Карл.

- Пусть так... Но встречаться с ней ты не должен. Пользы от нее никакой не будет, разумеется, а слухи о том, что ты привечаешь всяких колдуний и предсказателей, нам вовсе не нужны.

- Я понимаю, матушка... Мне хотелось оказать любезность Бодрикуру, не более.

- Это правильно. Он нам нужен, а ему будет приятно твое внимание... Тем более, что тебя это ни к чему не обязывает. Девчонка пусть приезжает, мы на нее посмотрим со стороны, может, и сгодится на что... Знаешь, сын мой, давай-ка решим этот вопрос на Совете. Чтобы никаких слухов и пересудов, все сделаем официально. Важности в этом деле никакой, так что пусть как решат, так и будет.

Но Совет на то и Совет, чтобы ничего не решать. Спорить – это сколько угодно, советовать – каждый свое; хоть бы раз все дружно высказались за что-нибудь... Ле Масон только посмеялся, предложил «отправить эту новоявленную сивиллу на ярмарку потешать людей». Ла Тремуй, всегда имеющий свое мнение, в этот раз, можно сказать, промолчал. Реньо де Шартр, архиепископ Реймский, сказал, что нужно обследовать эту девицу: не послана ли она врагом рода человеческого...

Резко высказался Жан д'Олон, опытный и всегда верный королю воин, уважаемый и друзьями, и врагами:

- Ваше величество, какую пользу может принести очередная предсказательница, блаженная или кто она там? В лучшем случае – деревенская дурочка, свихнувшаяся, наслушавшись месс. В худшем – мошенница, одна из многих. В любом случае, если вы примете ее, то и враги, и друзья будут иметь основания думать, что вы делаете это из-за отчаянности своего положения. Так что помощи от нее не будет никакой, а вред – вполне ощутимый.

Многие, впрочем, высказывали осторожный интерес и соглашались с архиепископом, что нужно сначала убедиться, безопасно ли для репутации короля иметь с этой пророчицей дело, а потом решать, сможет ли она принести какую пользу.

Ла Тремуи ждал, надеялся и наконец дождался: Людовик де Бурбон, граф де Вандом, очень к месту вспомнил о пророчестве про деву из Лотарингии, которая спасет королевство:

- И не суть важно, ваше величество, про нее ли это пророчество или не про нее. Важно, что пророчество есть, а эта девушка - из Лотарингии. И это при определенных условиях вполне можно будет обернуть в нашу пользу. По крайней мере, стоит на нее посмотреть.

Так как никто, очевидно, не считал этот вопрос значимым, то на этом, в общем, все и сошлись в тот день, перейдя к делам более важным.

Март 1429 года, Фьербуа, герцогство Турень

За девять дней пути у них не получилось ничего. Как не пытались они «провести разговор» с девушкой, ничего не выходило. В первый день она со своим сопровождением ночевала в аббатстве Сент-Урбен-ле-Жуэнвиль. Оставалась на какое-то время одна, молилась, но сделать так, чтобы девушка выпила их «микстуры» возможности не было. А ведь такую работу проделали... Даже изготовили походную флягу точь-в-точь, как у нее, чтобы менять можно было.

В другие остановки шансов на «видение» вообще не было и мыслей, как это сделать в будущем - тоже. Обри не пришел в отчаяние, разумеется, но ясно стал понимать, что контроль над операцией теряется. Да, того, что им удалось ей сообщить на последнем сеансе, вполне могло хватить для успешной беседы с королем. Ей четко были проговорены основные тезисы: законнорождение Карла, уверенность в его победе, необходимость действовать активно и письмо королю перед въездом в Шинон. Это то, чего хотел Ла Тремуи. Обри же начал свою игру и вопреки желанию господина внушил девушке, что она послана Богом, чтобы атаковать англичан под Орлеаном. Как это сделать? Обри даже и не представлял пока. Но перспектива его операции несомненно должна быть именно такой.

Так что непоправимой трагедии, если до приезда в Шинон они не смогут больше поговорить с девушкой, не будет. Но беседа нужна была, чтобы серьезно повысить шансы на успех. Во-первых, повторить старое, во-вторых, сообщить новое. От Ла Тремуи он получил интересные сведения, с таким оружием у девушки будут все шансы убедить короля...

И вот последняя остановка перед Шиноном – Фьербуа. По всем раскладам она должна была остановиться там. Большой странноприимный дом, известная церковь, посвященная Святой Катерине... У Обри и его команды были сутки, чтобы подготовиться.

Март 1429 года, Фьербуа, герцогство Турень

Богадельня, в которой принимали путников, была почти пустой. Ожидалось много паломников ближе к Пасхе, но до нее еще было две недели, так что шесть мужчин и одна девушка разместились с удобством.

Слуги занялись лошадьми и ужином, хозяева осматривались и отдыхали с дороги. Настроение у всех было радостно-тревожное. Позади - дорога, полная опасностей, которую они преодолели без всяких приключений. Ни одного бургундского или английского разезда, ни одного коварного вопроса, просто романтические зимние прогулки по ночам... А ведь она с самого начала говорила, что так и будет, что никто не воспрепятствует им... И так уверенно говорила.

Все время девушка хотела посетить мессу, но де Мец не позволял ей. И Пуланжи его поддерживал – это было слишком опасно. Один раз только они поддались на ее уговоры. В Осере, в этом полностью пробургундском городе... Бог миловал, их никто не узнал и никаких вопросов не задал.

А тревогу вызывало будущее. Что ждет их в Шиноне? Их-то с Пуланжи ничего не ждет, они свое дело сделали, а Жанна? Как ее примут, удастся ли ей увидеться с королем, получится ли убедить его? Де Мец и не заметил, как постепенно именно эти вопросы стали волновать его

больше всего, как будто это он ехал на встречу с королем. Дошло до того, что он уже места себе не находил, и чем ближе было к Шинону, тем сильнее его охватывало это волнение.

А она? Она будто и не переживала вовсе. Казалась уверенной... Но он-то видел, что переживала. И сомневалась наверняка. Их подбадривала, шутила, улыбалась, не хотела показывать свой страх и сомнения, но когда десять дней близко проведешь с человеком, то хочешь-не хочешь, а начинаешь чувствовать его. Они ведь даже ночью спали рядом. Во сне она была еще прекраснее, но де Мец даже и не смел думать о том, чтобы прикоснуться к ней. И не потому, что тут же рядом спали все остальные. Почему тогда?..

- Жан, у тебя хвост вырастет! – весело сказала девушка. – И копыта.

- Это еще почему? – оторвался от своих размышлений де Мец.

- Потому что ты ел мясо во время поста.

- Одна куриная ножка, какое же это мясо?

- Еще вы с Бертраном сквернословили.

- А ты подслушивала? – невесело улыбнулся де Мец.

- Я уж и хотела заткнуть уши. Вы же обещали не ругаться, хотя бы во время поста!

- Больше не будем, клянусь Богом!

- Жан! – все веселье девушки враз пропало. – Не смей больше!

- Прости... – смутился де Мец. – Прости, случайно вырвалось... Пойдем, поупражняемся с мечом, пока делать нечего.

Пуланжи тоже подошел к ним, и они втроем вышли на пустырь. Сначала ей, как и в прошлые разы, показывали основные движения; де Мец и Пуланжи поставили целое представление в замедленном темпе. Потом девушка пыталась повторить все это. Получалось у нее для новичка неплохо, но большого желания осваивать бой на мечах у нее не было. И стрельба из лука ее не сильно увлекла, хотя она пару раз и не промахнулась мимо толстого дерева.

- Лучше бы вы научили меня читать и писать, – сказала Жанна и пошла в сторону дома.

- Не захотел оставить нас одних? – едко спросил де Мец, когда девушка была уже далеко.

- Я же тебя знаю, Жан, ни одной юбки не пропустишь, – со злой насмешкой ответил Пуланжи.

- В отношении тебя я могу сказать то же. Не корчи из себя святого, Бертран.

- Нет, я не святой. Но ты правильно сделал, что держал себя в руках.

- А то бы что? – с вызовом спросил де Мец.

- А то бы то, Жан.

- Понятно... Поднял бы руку на своего товарища... Ладно, я не в обиде. Я, если честно, в отношении тебя тоже так решил. Вообще, если бы кто полез к ней, я бы убил его, не задумываясь.

- Она бы не хотела, чтобы из-за нее убивали. Ты видишь, какая она... Странная.

- Это уж точно... Как думаешь, Бертран, у нее получится?

- Она же говорит, что ее послал Бог. Чему те не веришь, ей или всесилью Господа?

- Перестань, Бертран! Теперь ты корчишь из себя кюре на проповеди! Я тебя серьезно спрашиваю.

- А я тебе серьезно отвечаю.

Март 1429 года, Фьербуа, герцогство Турень

Вся надежда была на соленую рыбу. Время великого поста все-таки. Но это, если она будет ее есть, а то ведь макнет пару кусочков хлеба в вино – вот и весь ее ужин. Но Юбер доложил: ела рыбу вместе со всеми. Так, теперь все рассчитать по времени... В церковь она пойдет, не упустит такой возможности, но Рене там уже все подготовил. Вопрос: когда подменить ей фляжку? Главное, не ошибиться...

Удача наконец-то им благоволила. Да и Юбер оказался на высоте – в церковь она пошла уже с нужной флягой. То, что ей захочется пить, Обри не сомневался. Когда только, до церкви или после? Она выпила из своей фляги перед самым входом, открыла дверь и вошла. Обри увидел, как вслед за ней вошел Юбер, он должен будет сторожить дверь. А Рене и Маргарита ждали ее уже внутри...

- Получилось? – спросил Обри после того, как девушка с потерянным видом и неуверенной походкой ушла.

- Идеально, - довольно ответил Рене.

- Спрашивал?

- Невзначай пару вопросов. Все прекрасно помнит. Все, чему учили до этого.

- Отлично! Теперь можно ехать в Шинон...

Тем временем девушка вернулась к себе. Вид у нее был странным, совсем не таким, каким она уходила в церковь.

- Что с тобой? – спросил девушку Пуланжи.

- Все в порядке... Голова немного кружится... Жан, нужно написать еще одно письмо.

- Кому? Опять домой?

- Королю.

- Зачем? – удивился де Мец. – Мы завтра уже будем в Шиноне.

- Это нужно... Так нужно, Жан. И отправим с ним Коле.

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

Долгий грустный взгляд короля не смутил Жоржа де Ла Тремуя. Его смутил стоящий за спиной Карла Ле Масон. Он мог поломать всю игру, учитывая его высказывания на Совете. А речь, безусловно, сейчас пойдет именно о том, чего и ожидал Ла Тремуй.

Ле Масон молча передал ему бумагу, которая оказалась письмом. Значит, все, игра началась...

- Что скажешь, Ла Тремуй? – спросил король, когда великий камергер закончил читать.

- Ваше величество, по этому письму трудно сделать определенные выводы...

- Что ты мне посоветуешь? – в голосе короля появилось раздражение. – Принять ее?

- У вашего величества, несомненно, есть, кому советовать, - бросил холодный взгляд на Ле Масона Ла Тремуй. – Но если вы хотите знать мое мнение...

- Хочу, Ла Тремуй.

- Для начала нужно послать к этой девице доверенных людей. Пусть поговорят с ней и составят первое впечатление. Если ничего страшного не обнаружат, можно и принять ее, это непозорно. Если все это окажется смешным – прогнать. А что касается дальнейшего... если она заинтересует ваше величество... посоветоваться с богословами, разузнать о ней все на ее родине и так далее.

Король вопросительно обернулся на Ле Масона, и тот, тяжело вздохнув, произнес:

- Я уже говорил вашему величеству, что это лишь напрасная трата времени. Не говоря уже о репутационных издержках. Но если вы желаете...

- Думаю, все же Ла Тремуй прав, нужно лучше разузнать про нее. А прогнать всегда успеем. Она остановилась в постоялом дворе, пусть пока там и живет. Сегодня же пошлите к ней нескольких человек, а как вернутся – я хочу их видеть.

Когда посланцы рассказали о своей беседе с девушкой, мнения советников короля разделились. Одни посчитали приехавшую из Лотарингии девушку сумасшедшей и требовали отправить домой от греха подальше - таких было большинство на радость Ле Масону. Но некоторые посчитали возможным, чтобы король принял ее. Ла Тремуй почувствовал реальную угрозу того, что Карл откажется принять девушку.

- Ваше величество, - принялся спасать ситуацию Ла Тремуй, - я согласен, история эта и правда сомнительная. Лично я склоняюсь к тому, что это девица очередная в веренице проходивших и мошенников. Но если есть сомнения, то их нужно либо развеять, либо подтвердить. Нужно устроить ей проверку! Она утверждает, что послана Богом. Так пусть докажет, что это так.

- И как же она будет это доказывать? – усмехнулся Ле Масон. – Превратит посох в змею? Или воду в вино?

- А это ее трудности, - не теряя самообладания, любезно ответил Ла Тремуй. – Я мог бы даже посоветовать кое-что вашему величеству... наедине... если вы захотите выслушать меня.

Повинуясь жесту короля, все придворные покинули зал. Хотел уйти и Ле Масон, но Ла Тремуй остановил его:

- Я хотел бы, чтобы и вы, господин Ле Масон, знали, как мы выведем эту девицу на чистую воду. Вот смотрите: встретим ее в главном зале, торжественно, при факелах. Кого-нибудь пороскошнее посадим на трон, а вы, ваше величество, встанете скромно в стороне. И пусть на вас будет самый простой наряд, да вот хоть бы и этот. Только шаперон одеть какой-нибудь попроще: серый или синий... Она же крестьянка, ее смутит уже сама торжественная церемония. Она подойдет к трону, обратится к тому, кто на нем сидит... Раскроем ей ее ошибку, и, уверен, мы там же и уличим эту девицу во лжи.

- Неплохо задумано, - произнес король и легкая, бывающая у него так нечасто улыбка коснулась его лица. – Немного жестоко только...

- Ваше величество, мы же не собираемся ее наказывать! Посмеемся да и отпустим на все четыре стороны.

- Эта детская проверка не докажет ни ее искренность, ни ее лживость, - брезгливо сказал Ле Масон. - На ее месте любой гарантированно ошибется.

- Пусть ошибется, - уверенно, что-то решив для себя, произнес король. – Не в этом дело. Дело в ее реакции на эту ошибку. И в письме Бодрикура. Он не стал бы посылать ко мне совсем уж никчемного человека... Завтра я приму ее.

Март 1429 года, Шинон, герцогство Турень

- Мы проводим тебя... - смущенно произнес де Мец. – До замка.

- Да не волнуйся ты так, - ласково улыбнулась девушка. – Все будет хорошо.

- И что? Сказали тебе чего-нибудь твои голоса? – хмуро спросил Пуланжи. - Что будет сегодня?

- Я не знаю, как все будет, Бертран... - опустила голову девушка. – Я знаю только то, что должна сделать. Придворные захотят запутать меня, чтобы посмеяться...

- Эти могут... - сжав кулаки и играя желваками, произнес Пуланжи.

- Но мне будет знак...

- Какой знак? – спросил де Мец.

- Не важно... Я должна убедить короля, только я могу ему помочь.

- Я пойду с тобой к королю, - еще более мрачно сказал Пуланжи. – Я смогу ему подтвердить все про тебя.

- Нет, Бертран, лучше жди меня здесь. И ты, Жан, тоже.

- Да ты хоть представляешь эту свору? – возмутился Пуланжи. – Ты же видела их вчера! Как эти высокомерные павлины разговаривали с тобой! Я не отпущу тебя одну!

- Все это не нужно сейчас, Бертран.

Девушка как-то светло и тихо улыбнулась и взяла мощную грубую ладонь Пуланжи в свои:

- Не волнуйся, Бертран.

Потом она также взяла в свои ладони и руку де Меца:

- Ждите меня здесь, Жан, я еще вернусь сегодня.

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

- Как тебя называть? – спросил серьезный пятидесятилетний человек в богатой одежде, с интересом глядя на вошедшую девушку.

- Дома меня звали Жаннеттой Роме. В Вокулёре прозвали Жанной-Девой.

- А я граф де Вандом. Зачем ты пришла, Жанна?

- Мне, конечно, не трудно повторить еще раз, граф де Вандом, но неужели тебе мало письма Робера де Бодрикура, моего письма и рассказов тех, кто разговаривал вчера со мной?

- Ты остра на язык, Жанна, - усмехнулся граф де Вандом. – Хорошо. За этой дверью тебя ждет король. Но чтобы пустить тебя к нему, я должен знать, что ты ему скажешь.

- Если бы ты был королем, я бы тебе сказала, но ты же не король.

Улыбка де Вандома медленно таяла по мере того, как он, не отрываясь, смотрел в глаза девушки. Его взгляд становился все серьезней, пока не стал даже угрожающим:

- Ты дерзка, девочка. Не боишься так разговаривать со мной?

- Почему я должна тебя бояться? Потому что ты граф де Вандом?

- И ты не скажешь мне то, о чем хочешь говорить с королем? – теперь уже без сомнения грозно и недовольно спросил де Вандом.

- Не больше того, что написала и сказала вчера. Остальное я скажу либо королю, либо никому.

- За твою дерзость я могу наказать тебя. Прямо сейчас. Тебя когда-нибудь били плетьюми?

- Кто бы мог меня бить? Мои родители были добры... Но я знаю, что это очень больно.

- И все-равно грубишь и дерзишь мне? Почему ты все-таки не боишься?

- Потому что я выполняю свой долг, граф де Вандом. На этом пути я не должна думать о страхе и о боли. И я вовсе не хотела обидеть тебя. Просто я так долго убеждала Робера де Бодрикура, потом одиннадцать дней ехала сюда через английские и бургундские земли и здесь я уже два дня, а мой долг еще не исполнен.

Граф де Вандом изучающее смотрел на девушку. На его лице больше не было деланной угрозы и недовольства, оно, казалось, даже просветлело.

- Что ж... - медленно и почти по-доброму произнес де Вандом и вздохнул, - пойдём...

Он указал девушке на дверь и сам пошел вперед, но вдруг остановился:

- Постой, девочка... Там в зале ты увидишь много людей в ярких одеждах, много факелов, много слуг... Не смущайся их... Они будут стоять и смотреть на тебя... словно оценивая. Не бойся этого. Представь, что ты на деревенском гулянии или на ярмарке, что все эти люди – такие же как ты... Думай о том, ради чего проделала свой путь и не обращай внимание ни на кого... А король... послушай... его не трудно узнать, но это не...

- Спасибо, граф де Вандом, - неловко, тревожно улыбнулась девушка. - Я узнаю короля.

Вандом ничего на это не ответил, еще раз вздохнул и открыл дверь:

- Иди за мной...

Весенний день еще не совсем кончился, но темный зал и в самом деле был освещен множеством факелов. Их было так много, что свет от них был ровным и не мерцающим. В конце зала находился большой камин, перед ним стояло кресло, в котором сидел человек. Вдоль стен и окон от самой двери, образуя подобие коридора, выстроились с сотни полторы придворных. Граф де Вандом не обманул: они были роскошно одеты, и вся обстановка в зале была торжественной.

- Иди, - сказал девушке Вандом, сам оставшись в начале зала у двери.

И девушка пошла. В абсолютной тишине, медленно, меж двух рядов разодетых мужчин и женщин, всматриваясь в лица, но ни на ком подолгу не задерживая взгляд. Она вдруг остановилась рядом с худощавым молодым человеком в скромной одежде и в темно-сером шапероне.

Он выглядел совсем невзрачным и маленьким на фоне стоявшего за его спиной высокого и полного придворного, и, как и все в зале, неотрывно смотрел на девушку.

Она поклонилась молодому человеку в темно-сером шапероне и произнесла:

- Пусть Господь продлит ваши годы, благородный дофин.

- Что ты, Жанна, - негромко, заговорщицки, словно стремясь незаметно исправить ее ошибку, ответил молодой человек, - да разве я дофин? Вот он сидит, иди к нему.

- Я узнала вас, ваше величество - бестрепетно ответила девушка. – Это вы и никто другой.

- Почему ты так думаешь?

- Потому что я послана к вам Царем Небесным, и он указал на вас.

- Вот как? – осторожно спросил молодой человек. - И зачем же он послал тебя?

- Чтобы спасти вас и ваше королевство, мой дофин.

Молодой человек долго, не отрываясь, смотрел в глаза девушке, потом махнул ей рукой, требуя идти за ним, и сам отошел в сторону от всех, встав у камина.

- Расскажи, Жанна, чем ты можешь помочь мне? – негромко, чтобы никто не расслышал, спросил Карл у девушки.

- Не от меня будет помощь, а от Бога, добрый дофин. Он хочет, чтобы ты знал: ты истинный наследник французского престола, ты сын короля, эта страна принадлежит тебе по праву, и у тебя не должно быть в этом сомнений.

- Вот как? – озадаченно спросил Карл. – И как же ты это узнала?

- Мне сказали это мои голоса. Я слышу голоса святых.

- И что они тебе еще сказали? – настороженно и недоверчиво спросил Карл.

- Они мне дали ответ на твою молитву, добрый дофин.

- Что?

- Ты просил Господа освободить тебя от долга правителя и дать покинуть Францию, если не имеешь права на ее престол. Ты готов был уехать в Шотландию или в Кастилию, потому что не жаждешь власти и не хочешь несправедливой борьбой приносить несчастья своей стране. Но если ты истинный наследник, то ты хотел получить сил и возможностей для победы над врагами.

- Я... никто не слышал этих моих слов... - потрясенно произнес Карл.

- Ты доверил их Богу, а он доверил их мне, чтобы убедить тебя в моей искренности.

- И какой же ответ твои голоса дали на мою молитву? – явно волнуясь, спросил Карл.

- Они сказали, что ты победишь. Что ты снимешь осаду с Орлеана, и после будешь коронован в Реймсе.

- Да? И когда же это произойдет? И как?

- Я не знаю, когда и как, добрый дофин. Но я призвана помочь тебе и в том и в другом.

- Сколько же времени пройдет, пока мы доберемся до Реймса? – пробормотал Карл. – Сколько лет пройдет...

- Долго ждать не придется. Все произойдет не позже, чем через год.

- Ты уверена? Почему?

- Я не могу ответить, - опустила голову девушка. – Я сама не знаю, но мне так кажется.

- Не скрою, твои слова удивили меня... Ты останешься здесь, я позабочусь о тебе... - произнес все еще не пришедший до конца в себя Карл и, обратясь к кому-то в зал, громко позвал: - Гийом Белъе, подойди!

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

Ла Тремуи ожидал у себя Тень и привычно скрашивал это ожидание вином. Вернее, топил в вине свой гнев и свое раздражение. Он собирался задать много вопросов и получить много ответов от своего слуги... Не совсем слуги, конечно...

Ла Тремуй понимал, что Тень служит у него, но служит не за деньги, не за защиту, не за привилегии. За что тогда? Выплачивает долг? За спасенную когда-то жизнь? Так долг тот, как не смотри, выплачен давно. Тень и сам спасал Ла Тремую если не жизнь, то свободу и уже не раз. Подспудно, нехотя Ла Тремуй признавал, что не держит прочно за горло Тень, как держал всегда всех своих слуг и подчиненных. Тень, несмотря на свои подчеркнутые почтительность и послушание, был себе на уме. И вроде бы верность его не подлежала сомнению, но что стояло за этой верностью?

Что же произошло с этой девкой? Почему она говорила про Орлеан, про Реймс? Это Тень его ослушался, или само так вышло? Нетерпение и гнев, уже с трудом сдерживаемые, грозили выплеснуться в любой момент и по любому поводу, как вдруг понимающий состояние хозяина, а потому осторожный и просто-таки запредельно почтительнейший слуга объявил о визите герцогини Анжуйской. Черт! Что еще нужно этой стерве?

Иоланда вошла и молча уставилась на расплывшегося в счастливой улыбке Ла Тремую. Он ненавидел этот ее проникающий насквозь взгляд. Ему всегда казалось, что когда она вот так вот смотрит, то читает его мысли, словно перелистывает книгу у него в голове.

- Герцогиня! – воскликнул сияющий Ла Тремуй. – Мое счастье тем больше, чем неожиданней ваш визит! Вы совсем забыли своего верного слугу! Прошу вас, садитесь же! Я сейчас распоряжусь принести...

- Не суетись, Жорж... - прервала Иоланда Ла Тремую. Вроде бы и негромко, и спокойно, но вынудив того оборваться на полуслове. – Сам садись.

И удивленный Ла Тремуй с застывшей кривой улыбкой, ставшей похожей больше на гримасу, не отрывая взгляда от глаз женщины, действительно медленно сел на стул.

- Твоя девка? – просто и буднично спросила Иоланда.

- Какая девка?

- Не дури, - холодно как лед сказала герцогиня. - Ты прекрасно понял, что я имею в виду.

- Нет, Иоланда! Клянусь, я не понимаю...

- Жорж, не притворяйся идиотом, - снова прервала Ла Тремую Иоланда, теперь уже раздраженно. – И меня не принимай за кретинку. Эта крестьяночка, которая приехала из Лотарингии. Она ведь твоя работа!

- Да нет же, Иоланда! – вдохновенно играл возмущение Ла Тремуй. - Я сам был удивлен... Ты же знаешь, я был против, чтобы король принимал ее!.. С чего ты решила вообще?

- С того, что хорошо тебя знаю. Ты ведь не случайно встал рядом с Карлом? Это чтобы она узнала его? Красиво задумано. И произвело впечатление на короля. И на меня тоже. Признаю, твоя идея очень неплоха. Но что дальше? Чего ты хочешь добиться с помощью этой пастушки?

- Послушай, Иоланда... - с благородного возмущения перешел на смиренную покорность Ла Тремуй, - зачем нам быть врагами? Я действую в интересах короля, в конце концов... Ты же и сама видела, как он воспрял духом. А нам нужно что-то, чтобы изменить ситуацию. Ты же понимаешь, что будет, если падет Орлеан...

- Я знаю, что ты действуешь только в своих интересах.

- Пусть так. Но они совпадают с интересами короля. И с твоими интересами, ты не можешь этого не признать.

- Твоя игра, Жорж, прекрасно читается, если знать, кто подставил королю эту девчонку. Ты хочешь влиять на короля через нее. Ты хочешь еще больше власти, не слишком ли тебе?

- Да послушай, Иоланда! Какая власть! Ты же видишь – скоро от этой власти ничего не останется, если не предпринять что-то прямо сейчас! С помощью этой девочки я хочу спасти Карла! Спаси его королевство, спаси тебя, наконец! Всех спасти!

- И себя в первую очередь, - усмехнулась герцогиня.

- Да! И себя! Почему нет? Имею полное право спасти себя!

- Не поспоришь... Как ты ее нашел? И как договорился? Она хорошая актриса, играет безупречно.

- Актриса хороша, когда верит в то, что играет...

- Что? – удивилась Иоланда. – Ты ее используешь втемную?

- А иначе бы твой зять и не поверил. И другие тоже. Это только ты со своим дьявольским умом догадалась...

- Изысканный комплимент, - холодно улыбнулась Иоланда. – Я жду твоего рассказа, Жорж.

- Нечего особо рассказывать. Ей что-то приснилось, привиделось... Она решила, что должна спасти короля. А я только подсказал акkuratно, что нужно для этого сделать...

- Что она ему сказала наедине?

- Что сказала... Что послана Богом, что он сын своего отца и настоящий наследник, что предвещает ему победу в конце концов.

- И все? Карл не легковверный и не дурачок. Чем-то она его еще должна была убедить... А про Орлеан и коронацию? Ты в самом деле считаешь это разумным? Чтобы подпитывать уверенность короля и двора, не нужно давать никакой конкретики. Чтобы надежда не умерла, ее слова не должны быть опровергнуты реальными событиями. Шансов деблокировать Орлеан, по словам военных, почти нет. Ни о какой коронации и мечтать не приходится. Очень скоро все поймут, что ее предсказания - всего лишь благие пожелания. И эффект от них сойдет на нет. Вернее, станет еще хуже.

- Я все прекрасно понимаю, Иоланда. А Орлеан и коронация – это ее личная импровизация... Я не просил ее говорить про такое. Но она, видно, уж больно воодушевлена... всем этим.

Герцогиня молчала, опустив взгляд, размышляя, очевидно, над услышанным. А Ла Тремуй тревожно и внимательно смотрел на тещу короля, стараясь не выдать взглядом того, что чувствовал сейчас, и той ненависти, какую испытывал в данный момент к этой женщине и к ее проницательности. Была бы возможность, он бы задушил ее прямо сейчас, собственными руками, смотря, как она хрипит, как глаза ее наливаются ужасом... Нет, гнать нужно эти мысли, гнать... А то ведь эта ведьма все прочитает в его глазах...

- Что ты решила? – не выдержав, спросил Ла Тремуй. Спросил, старательно изображая подавленность и робкую надежду.

- Все зависит от тебя, Жорж. Я не буду портить тебе игру... если твоя девчонка будет давать королю правильные советы. И если я буду знать, что именно ты собираешься донести через нее Карлу. И без моего согласия...

- Будешь держать меня за горло.

- А ты веди себя правильно, и никто ничего не узнает.

- Если не догадается, как ты...

- Я не догадалась, Жорж, - улыбнулась Иоланда. – Ты все сделал чисто, я лишь заподозрила и то не сразу. Пришла вот к тебе наудачу... А ты так быстро все признал.

- Так что же мы решили? – медленно и угрюмо спросил Ла Тремуй.

Он теперь смотрел на женщину не в силах скрывать злость и разочарование в своем взгляде. Но казалось, что Иоланде были безразличны и злость, и ненависть Ла Тремуя, как безразличен и он сам. Женщина, уже развернувшаяся, чтобы уйти, ответила тоном презрительным и ледяным:

- Она будет говорить и делать только то, что я захочу, и лишь тогда, Жорж, твоя пастушка останется при дворе. Ты понял меня?

Когда дверь за ней закрылась, Жорж де Ла Тремуй без сил упал на стул.

- Сатанинское отродье... - прошептал он сквозь зубы, налил полную кружку вина и залпом выпил ее.

Мысли вихрем кружились в его голове. Или это вино запустило карусель, от которой голова стала тяжелой и гудящей. Вот же редкая стерва... Как она почувствовала... Ла Тремуя на короткое время охватила просто обида. Обида от того, что его ловко организованное дело, можно сказать, сорвалось...

Ну уж нет, он так легко не сдастся! Ничего еще не потеряно. Эта гарпия в облике женщины не сможет ему помешать. Ведь он на самом деле действовал в интересах короля! Короля, которого она - он, как и все, знал это - любила, как сына. Вот на этом и можно будет сыграть. И даже получить ее помощь при случае...

Ла Тремуй вдруг почувствовал, что он не один в комнате, и оторвался от своих мыслей. Подняв голову, он увидел стоящего в дальнем углу человека в сером.

- Входишь как призрак... - проворчал Ла Тремуй, наливая себе еще вина.

- Я же тень, мой господин, - поклонившись, улыбнулся Обри.

Ла Тремуй не спешил начинать разговор. Тем более начинать его с упреков и обвинений. Он хотел, чтобы его недовольство хоть немного улеглось, и хотел привести голову в порядок после визита Иоланды. И Обри тоже молчал, желая, чтобы Ла Тремуй пришел в себя. Он хоть и не слышал его разговора с герцогиней, но, по виду Ла Тремуя, понял, что разговор тот был не из приятных.

- Что там с твоей девчонкой? – посчитав, что достаточно успокоился, спросил Ла Тремуй.

- С ней все хорошо, - почтительно ответил Обри. – Ее поселили в Кудрэ, в башне.

- Встреча тоже нормально прошла...

- Я знаю, мой господин.

- Откуда?

- Я был там и все видел.

- Да? – недоверчиво спросил Ла Тремуй. – И как же ты попал в замок?

- Я могу попасть в любой замок, мой господин.

- Ну, ну... Я, честно говоря, удивился, что она так сходу узнала короля. Но это сразу впечатлило его.

- Она знала, что на троне будет не король. Ей подробно описали его величество. Даже одежду. И то, что за ним будет стоять большой, высокий человек... У меня сомнений не было, мой господин. Были сомнения в другом: верны ли сведения о молитве короля? Это был ключевой момент, чтобы его величество поверил. Но все, по-видимому, прошло гладко.

- Вот тут-то как раз я не сомневался. Король сам рассказал об этом на исповеди... Послушай, Тень... почему она говорит про Орлеан и коронацию? Весь двор уже болтает, что она просится сама идти на англичан. Твоих рук дело?

- Вам не понравилась моя идея использовать ее таким образом, мой господин, - хладнокровно произнес Обри, - и я ей ничего про Орлеан не говорил. И про коронацию, разумеется.

- Хочешь сказать, она сама это придумала? – недовольство и раздражение уже прорвались и не сдерживались больше Ла Тремуйем. – А я вот уверен, что это ты! Не понимаю только, зачем тебе это?

- Она могла это придумать сама, мой господин, - так же спокойно ответил Обри. – Ей могли подсказать другие, это могло ей присниться, наконец. Мы не владем ее разумом полностью. Она видит, слышит, говорит, думает... Если бы я напрямую запретил ей говорить об Орлеане и коронации, она не стала бы говорить об этом. И то я не убежден...

- Теперь уж поздно... Она вначале должна была только вселить уверенность в короля. Встряхнуть его! Он сам должен вести людей, а не девчонка! Она слишком много берет на себя... Ты понимаешь, что эти призывы и утверждения, а тем более собственное в них участие скомпрометируют ее в будущем в случае неудачи?

- Взгляните на дело шире, мой господин. Ее влияние на короля все-равно не будет должным. И будет, так или иначе, зависеть от того, что произойдет дальше. Поражения или даже

отсутствие побед неминуемо охладят интерес к ней короля, и вы... потеряете свой источник влияния. Тогда как сейчас, когда она заявляет подобные громкие вещи, весь двор думает и говорит о ней. Вы можете использовать это, пока есть время.

- Это если она не будет своевольничать снова.

- Она не кукла, она человек – исходить нужно из этого. Остальное – дело техники, мой господин. Но пока нужно укрепить доверие к ней короля. Что решил Совет?

- Совет решил натравить на нее богословов. Всех, кого найдут в округе. Чтобы они вытащили из нее душу и тщательно ее рассмотрели. Отправят людей к ней на родину, чтобы разузнать все про нее, перетряхнут ее родственников...

- Там все идеально чисто, комар носа не подточит.

- Она также будет обследована на предмет девственности. Тут тоже все в порядке?

- Я не проверял, мой господин.

- Надо же, ты умеешь шутить. Меж тем тут нет ничего смешного, дело такое... Если окажется, что твоя Дева – не дева, то все на этом и окончится. Ты уверен, что она не успела поваляться с кем-нибудь на сеновале в своей деревне? Нелепая случайность – и все насмарку.

- Можно ли избежать этого обследования? – задумчиво произнес Обри.

- Нет. Ее противники делают ставку на это... Чертов Ле Масон... Но у меня появились мысли... Я возьму это на себя, Тень, а ты – занимайся остальным.

Обри с легким удивлением взглянул на хозяина, а тот, видя его изумление, усмехнулся:

- Что, Тень? Много умеешь, много знаешь, а возвращать невинность не научился?

Обри молчал, и веселость быстро исчезла с лица Ла Тремуя. Он стал серьезным и, тяжело взглянув на Обри, произнес:

- Когда закончат все это с ней... когда король будет уверен, что с ней все в порядке и снова примет ее... В общем, она должна будет убедить его, что коннетабля нельзя возвращать ко двору. Ты понимаешь меня? Есть тут советчики, что поют на уши королю простить Ришмона, так вот – этого не должно случиться! Детали обсудим позже, но ты уже сейчас думай, что и как она должна будет сказать. И это будет главная твоя задача, Тень! Не Орлеан и прочие фантазии, а Ришмон! Ты хорошо понял меня?

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

Месса в часовне замка уже подходила к концу. Сегодня на ней было особенно многолюдно – всем хотелось еще раз посмотреть на эту странную крестьянку, о которой говорил без преувеличения весь Шинон, да и не только он. Весть о деве из Лотарингии распространялась во владениях короля стремительно, достигая самых удаленных уголков, заставляя тех сеньоров, что полюбопытнее, приезжать в Шинон.

Жанна скромно стояла в стороне от короля, привлекая, наверное, большее внимание, чем сам Карл VII. И если в первых рядах придворные из приличия еще уделяли какое-то внимание мессе, только поглядывая на девушку, то чем дальше от алтаря, тем оживленнее велись перешептывания.

У самого выхода, где было посвободнее, к Роберу Ле Масону подошел двадцатилетний молодой человек, красивый на вид и крепкого телосложения. Он был в великолепном богатом одеянии, подчеркнутым шегольской золотой цепью на шее поверх дублета. Увидев подошедшего, Ле Масон сделал легкий учтивый поклон и тихо произнес:

- Рад видеть вас, ваша светлость. Как ваше здоровье?

- Для человека, последние пять лет проведенного в английской тюрьме, я чувствую себя изумительно. А у вас и спрашивать про здоровье не буду – вы вообще не изменились за эти годы.

- Увы... Это только видимость, годы не щадят никого...

- Где она, Ле Масон? – в нетерпении прервал королевского советника молодой человек, пришедший, по всему, в часовню явно не для того, чтобы говорить о здоровье.

- Вон там, впереди, - пренебрежительно махнул рукой Ле Масон. - С прической, как у мальчика.

- Я вижу... Ее ведь Жанной зовут?.. И что, она правда предсказывает будущее?

- Жан, вы же не ребенок уже, чтобы верить в сказки, - раздраженно ответил королевский советник. - Все предсказатели и волшебники, которых я видел в жизни, были либо больными на голову, либо, что чаще, проходимцами.

- И кто она, по-вашему? – усмехнулся молодой человек.

- Я еще не решил определенно...

- Тогда пойду поближе. Разбираться!

Подойти поближе он не успел – месса окончилась, начались суeta и причастие. Но молодой человек не оставил своих планов подойти поближе к этой необычной девушке с короткими волосами, не доходящими ей даже до плеч. Ему пришлось расступиться вместе со всеми, когда король, сопровождаемый, видимо по его приказу, девушкой и Ла Тремуем, проследовал из часовни. Молодой человек пошел вслед за ними, у самых королевских покоев он догнал их и поклонился королю:

- Желаю здравствовать, ваше величество!

- Ох, Жан! – сдержано полуобнял его король и расплылся в самой радушной из своих скупых улыбок – едва заметной со стороны: – Наконец-то ты приехал! Неужели осмелился оставить жену? После такой-то разлуки?

- Говорят, ваше величество, у вас появилась гостя... Я хотел увидеть ее...

- Что ж, смотри, Жан! Она пред тобою.

Жан и так уже смотрел не на короля, а на девушку. И хотел уже было что-то сказать ей, но она его опередила.

- Кто ты? – без робости, просто спросила девушка.

- Я?.. – даже растерялся немного от такой простоты молодой человек. - Я - герцог Алансонский.

- Это замечательно, добрый герцог. Чем больше людей королевской крови будет рядом с королем, тем лучше.

- Герцог Алансонский только что вернулся из плена, - пояснил для девушки король.

- Заплатив такой выкуп, - грустно улыбнулся герцог, - что теперь я самый бедный человек во Франции.

Король тоже улыбнулся шутке, показал ладонью на дверь, и все четверо прошли в его покои.

- Что же ты хочешь сказать мне, Жанна? – спросил Карл, привычно сложив руки на животе и спрятав ладони в отороченных мехом рукавах.

- Я прошу вас, добрый дофин, дайте мне солдат и отпустите исполнить мое предназначение.

- Ты опять про Орлеан? Но Жанна, подобает ли девушке воевать? Разве это не дело исключительно мужчин?

- У мужчин, ваше величество, пока не очень получается.

- Ох, - усмехнулся король, переглянувшись с улыбающимися Ла Тремуем и герцогом Алансонским, - слышали бы тебя наши стратеги!

- Я не говорю, что они не умеют воевать или что они трусы, ваше величество. Им не хватает веры для победы.

- И ты считаешь, что способна дать им эту веру? – снова стал серьезным король.

- Да, - просто ответила девушка. – Только это буду не я - Господь. А я буду всего лишь знаменем его.

- Бог на моей стороне? – пытаюсь за улыбкой скрыть сомнения и волнение, спросил Карл.
- Да, мой дофин, потому что ваше дело правое. Ваше право и долг вернуть себе королевство и выгнать из него англичан.

- И что я должен сделать для этого? Кроме того, чтобы отправить тебя воевать?

- Просто подарите свое королевство Царю Небесному. Получив этот дар, Господь все сделает, чтобы восстановить справедливость и вернуть вашему королевству величие.

Карл снова молча переглянулся с Ла Тремуем и герцогом Алансонским и после некоторого раздумья сказал:

- Я подумаю над твоими словами, Жанна. А пока приглашаю тебя на конную прогулку после обеда. И у меня к тебе просьба. С тобой хотят поговорить наши служители церкви, ученые богословы...

- О чем же мне с ними говорить? Я нигде не училась и ничего не понимаю в науке.

- И все же прошу тебя, не откажи. Буду рад видеть тебя снова...

Когда Жанна ушла, Карл поочередно взглянул на Ла Тремуя и герцога Алансонского и спросил:

- Как вам? Что скажете?

- Говорит как по писанному! – воодушевленно ответил молодой герцог. – И так уверенно! Я бы отправился с ней бить англичан под Орлеаном!

- Тебе же нельзя. Пока выкуп до конца не выплатишь...

- Скоро выплачу! Нужно использовать такой шанс!

- Ты веришь, что она говорит правду?

- Я вижу, что она верит в то, что говорит. Не это ли главное?

- А ты, Ла Тремуи?

- Ваше величество, - осторожно начал Ла Тремуи, - вы знаете, я человек практичный и осторожный. Поначалу я отнесся к этой крестьянке скептически, но нужно признать – в ней что-то есть. Она располагает и воодушевляет людей... Сумела убедить Бодрикура, ее провожатые, похоже, преданы ей, они говорят про нее с восхищением. Если богословы не выявят ничего такого... если дамы подтвердят ее девственность, если на родине о ней не обнаружат ничего порочащего, то почему не верить ей? И почему не принять ее помощь?

- В первую нашу встречу она сказала мне то, что я поведал только Богу... - задумчиво произнес Карл. – Дождемся подтверждения от всех и подумаем, что делать дальше.

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

Робер Ле Масон замер и неподвижно смотрел на стоящую на коленях девушку с короткими волосами. Он не скрывался особо, но и не хотел, чтобы она преждевременно увидела его. Во-первых, сам желал получше рассмотреть ее, а во-вторых, девушка молилась. Ее молитва, как ни странно, вызвала у Ле Масона раздражение. Как вызывало неприязнь и раздражение само упорство этой девушки. И тем сильнее, чем больше он понимал, что ничего показного в ее набожности нет.

Ле Масон пришел посмотреть на ту, про которую столько говорили и которую он видел лишь со стороны. После разговора с молодым герцогом Алансонским, столь восхищенно отзывавшемся о девушке, Ле Масон говорил с людьми Бодрикура, которые привезли ее в Шинон. Их рассказ удивил его. Вернее, куда больше удивило не то, что они о ней рассказали, а как. Два матерых, прожженных солдата с мозолями от мечей, выдавших все на свете, не умеющих наверняка удивляться уже ни чему, говорили о ней с какой-то детской непосредственностью, с наивным восторгом, почти религиозным умилением... Тогда Ле Масон решил, что девушка, возможно, стоит того, чтобы рассмотреть ее вблизи.

Оглядев эту комнату в башне Кудре, Ле Масон подумал, что она вполне уютна. Настолько, насколько может быть уютна комната, которая раньше была тюрьмой. Интересно,

знает ли она, так горячо сейчас молящаяся, что в этой башне когда-то содержались ере-тики-тамплиеры?

- Почему ты не пошла в часовню? – спросил Ле Масон, когда девушка окончила молитву, перекрестилась и встала с колен.

- На меня туда ходят смотреть, как на медведя на ярмарке.

- Тебе это не нравится? Такое внимание.

- Я же сюда не за этим приехала. Кто ты?

- Меня зовут Робер Ле Масон, сеньор де Трев. Я советник короля... Которого ты называешь дофином. Почему, кстати?

- Я стану называть его королем, когда он коронуется в Реймсе. Тебя прислал он?

- Нет. Я сам пришел. Посмотреть на тебя... Как на медведя.

- Ты хотел о чем-то спросить меня?

- Зачем ты остригла волосы? Я вижу, они были красивыми и густыми.

- Да, гуще твоих, - улыбнулась девушка. - Особенно на макушке.

Ле Масон усмехнулся беззвучно, одними губами и непроизвольно провел рукой по начинающей готовиться к окончательному облысению голове.

- Я видел, с его величеством ты ведешь себя, как положено воспитанной даме. Но ты ведь простая крестьянка. Почему с другими придворными ты разговариваешь, как с равными?

- Кому ты служишь, Робер Ле Масон?

- Я служу королю.

- А я служу Богу. Мой господин могущественней твоего.

- И на этом основании ты дерзишь? Я советовал королю не принимать тебя, а отправить домой. Похоже, я был прав. Жаль, что король не послушал меня.

- О чем ты жалеешь, Робер Ле Масон? О том, что не смог лишить короля помощи?

- В твоём лице? Но ты не доказала, что можешь помочь.

- Так тебе нужны доказательства или помощь?

Ле Масон не ответил девушке. Он смотрел на нее, и в его взгляде и слегка поднятых бровях были видны растерянность и удивление. Отчего-то в его душе мелькнула даже искорка симпатии к этой девочке. Оттого ли, что она так просто держится и даже шутит, а может, от того, что он вопреки ожиданиям не смог ее смутить, а растерялся сам.

Он так и стоял, молча глядя на девушку, а потому продолжила она:

- Разве Господь посылает тебе доказательства, Робер Ле Масон? Или ты не веришь и в него?

- В Бога я, допустим, верю, - медленно ответил Ле Масон. - Но почему я должен верить, что тебя послал он?

- Потому что я никогда не лгала. Я посещала мессы и молилась. Я исповедовалась, причащалась. И я знаю, что Господь возложил на меня мою задачу. А в тебе, Робер Ле Масон, просто осталось мало веры. Как волос на твоей голове.

Ее слова почему-то совсем не обидели его. Ле Масон снова в легкой задумчивости и с интересом смотрел на девушку. Но теперь к этому его любопытному изумлению примешивалось что-то непонятное, доброе или нежное, что, без сомнения, жило и в нем когда-то, но давно уснуло и было забыто. Он вдруг понял, почему не задела его ее дерзкие слова. Потому что в них на самом деле не было ни капли дерзости. Одна лишь вера в свое предназначение и желание исполнить его.

И еще Ле Масон увидел в ней чистоту. Ему было много лет, он без труда, как ему казалось, видел в людях их пороки, страсти, слабости, грехи, но редко замечал добродетели. Быть может, ему не везло с людьми, а быть может, это было свойство его души, ее собственной слабостью или пороком. Но теперь он понял, почему эта девочка вдруг перестала вызывать у него неприязнь и почему его старое сердце согрелось забытым теплом.

- Ты хотела бы вернуться домой? – спросил Ле Масон.

- Да. Как никогда еще, – ответила девушка и опустила голову: - Но я не знаю, случится ли это.

Март 1429 года, Шинон, герцогство Турень

Дом в Шиноне, где Обри устроил себе штаб-квартиру, был небольшим и неказистым. Большой и казистый стоил бы вообще сумасшедших денег, учитывая сколько людей переезжало за королем. А вообще так было даже лучше – Обри оценил скромность и незаметность своей штаб-квартиры.

Рене делал очередной вечерний доклад с хорошим настроением, и настроение Обри тоже становилось лучше. Похоже, все устроилось и шло вполне прогнозируемо и в нужном ключе.

- Король велел собрать для нее нечто вроде дома. Командовать им назначил д`Олона.

- Почему д`Олона? – спросил Обри, скорее не у Рене, а у себя. - Он же ее противник. На Совете выступал резко против нее.

- Не знаю, господин Этьен. Может, именно поэтому.

- Возможно... Что еще?

- У нее теперь два пажа. Один – Луи де Конт по прозвищу «Мюго», его отдал ей де Гокур, второй – некий Раймон, не знаю пока, откуда он.

- Слушай, Рене, неплохо бы одного из них обработать... А? Тогда проблем бы не было со всей этой суетой с флягами и прочим.

- Господин Этьен, - явно смутился Рене, - Мюго – мальчишка четырнадцати лет... Раймон постарше, но все-равно... Если их привлечь... Их же придется потом... вы же понимаете...

- Жалко? – вцепился взглядом в Рене Обри.

- Господин Этьен... - опустил голову Рене.

- Если согласятся, чего тогда их жалеть? Ладно, сам думай, что и как. Все-равно это твои трудности. Рассказывай дальше.

- Герцог Алансонский подарил ей коня. Дорогого.

- С чего бы?

- Ему понравилась, как она перед королем скакала с копьем.

- Клинья к ней подбивает?

- Почему нет, спрашивается? Они проводят некоторое время вместе. Два обеда, одна прогулка...

- Еще?

- Несколько церковников устроили ей настоящий допрос. Результатов я, естественно, не знаю.

- Ла Тремуй сказал, что все хорошо. Но король хочет, чтобы она поехала с ним в Пуатье, а там на нее накинута серьезные люди, не чета нашим благостным епископам.

- Тут ведь мы ничего сделать не сможем, господин Этьен...

- Почему? Сможем. Нужно снова организовать ей встречу со святыми. Пусть они расскажут, как вести себя на допросе у этих университетских богословов.

- Так-то да, да только не очень-то мы с Маргаритой... в таких делах... религиозных...

- Я очень. Столько лет изучать это мракобесие и чертовщину – до смерти не забудешь. Так что помогу немного Святой Маргарите и Архангелу Михаилу...

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

Жану д`Олону было тридцать восемь. Возраст достаточный, чтобы понять что-то в жизни, понять, кем он хочет стать и даже уже стать им. Да и ничего сложного в этом не было. Кем

бы он мог стать, как не солдатом? Все его предки со времен Карла Мартелла⁷ были воинами. Охраняли границу от мусульман, после ходили в крестовые походы в Святую землю, и всегда были верны королям. Было среди его предков много рыцарей Храма⁸, но то ведь не они предали короля, а король предал их... Так что упрекнуть Жану д'Олону своих предков было не в чем. Как не в чем, он надеялся, и предкам упрекнуть своего потомка.

Он стал служить, как и полагается, с молодых лет. Древность ли и известность семьи ему помогли (а вероятнее всего, герцогиня Анжуйская, его сюзерен, у которой он командовал отрядом оруженосцев), но он попал в свиту совсем юного сына Карла VI, когда тот еще не был дофином. С тех пор началась их дружба, если таковое слово применимо по отношению к королевской особе.

В двадцать пять д'Олон женился. На дочери председателя парижского парламента. Не ради денег и карьеры, просто ему очень понравилась Мишелетта. Но тесть расстарался и устроил зятя королевским оруженосцем. Под командованием д'Олона было несколько храбрых и известных впоследствии рыцарей, в том числе и знаменитый де Виньоля, которого все теперь называли Гневным...

Мишелетта родила ему троих сыновей, прежде чем умереть. Он был не рядом с ней тогда, он вообще мало бывал дома: служба, война, переезды... Так буднично во время скитаний с дофином получил известия, что он теперь вдовец. Может, сердце его уже огрубело к тому времени, может, служба не отпускала, но он даже не приехал на ее похороны. Полгода назад он женился снова, теперь уж без всяких сомнений - ради приданого. Все эти нежные чувства, дамы сердца и прочие молодые глупости он давно уже перерос и оставил позади, как и все нормальные люди. Но жена его была молода и вполне себе хороша собой, так что жаловаться было не на что.

Он давно уже входил в Королевский совет и, как считал сам д'Олон, не зря. Советы он давал неплохие, то признавали все. Королю был верен всегда, верен из принципа, в интриги не погружался. Не только потому, что не считал это дело достойным воина, но просто из отсутствия в его иссушенной душе к ним интереса. Куда как с большим удовольствием он погружался в свои записи, короткие зарисовки о людях и происходящих вокруг событиях. Только тогда он оживал, чувствуя, что занимается наконец-то своим делом. И вообще д'Олон считал, что словом владел не хуже, чем копьем.

Но за копье и меч приходилось браться регулярно. Воевал с англичанами, был наместником короля в Тулузе, под командой Орлеанского бастарда участвовал в единственной за последнее время победной для французов битве при Монтаржи. Чуть не погиб тогда: английскими стрелами под ним убило четыре лошади... В общем, свое место при короле и свое положение при дворе он заслужил честно.

И вдруг эта девочка. Он и забыл о ней после Совета и письма Бодрикура, не придавал значения очередной ищущей расположения короля предсказательнице. Сколько этих проницательных и ненормальных было и сколько еще будет... И после не думал уже, что вообще увидит ее, что король ее примет и уделит столько внимания. Да и черт бы с ней, но неожиданно, как гром среди ясного неба, король назначил именно его управлять ее делами. И не в том было дело, что человек благородного имени будет управляющим и телохранителем простой крестьянки, а в том, что он вообще не представлял себя в роли няньки при этой остриженной девице.

⁷ Карл Мартелл (688 – 741) – франкский государственный деятель, фактический правитель франкского государства, остановивший арабское вторжение в Европу в битве при Пуатье в 732 году. Отец первого франкского короля из династии Каролингов.

⁸ Тамплиеры, храмовники – духовно-рыцарский орден, появившийся во времена крестовых походов. Официально назывался «Бедные рыцари Христа и храма Соломона в Иерусалиме». Приобретший большую политическую и финансовую власть орден с согласия папы римского был разгромлен французским королем Филиппом IV.

Но с королем он спорить не стал. Тем более, что Карл его просил. Наговорил кучу пустых любезностей, что мудрее и храбрее его не найти, что это дело почетное и важное, что кроме него некому... Пускай... Долго это все-равно не продлится. Д`Олон был уверен, что уж ему-то она мозги не запудрит, что он быстро разберется в той лотарингской девице, и король освободит его от этой непонятной службы. Пройдет неделя, две, и все с ней станет ясно.

Первый разговор их был не очень хорош. Она-то была довольна, что король воспринял ее всерьез, и не скрывала свою радость. Но д`Олон, как мог вежливо подбирая слова, объяснил улыбающейся девице, что он будет при ней не по своей воле, а только по приказу короля. Что будет выполнять приказ на совесть, но сам не считает пребывание ее здесь нужным. И вообще он уверен...

Она не дала ему завершить. Улыбка быстро покинула ее, и радость в глазах поблекла, осталась только грусть на почти детском лице и какая-то недетская надежда в голосе:

- Жан д`Олон, король тебе доверяет?
- Доверяет... - не без растерянности ответил д`Олон.
- Я тоже буду тебе верить. Исполняй свой долг, я буду исполнять свой.

Она снова улыбнулась, но теперь неуверенно, будто сомневаясь, подходит ли ее улыбка к месту и как воспримет ее улыбку этот человек.

Человек воспринял с определенным замешательством. Д`Олон ожидал споров, попыток убедить его или очаровать, ожидал хитрых речей или ложной скромности. Он готов был увидеть и иступленную одержимость наигранную или настоящую, но увидел всего лишь надежду и наивную веру.

Впрочем, и не такую уж наивную. Д`Олону вдруг пришла в голову мысль, что девушка эта просто поняла, что он за человек, прочитала в нем, что он на самом деле будет честно исполнять приказ короля. Его это понимание задело, уязвило самолюбие, вероятно, а еще д`Олон подумал, что неделей-двумя он не отделается, что все это, похоже, надолго.

С двумя ее спутниками, теми, что привезли ее из Вокулёра, общий язык он нашел быстро. Неудивительно – обычные солдаты, что с ними сложного? Странной была только их привязанность к этой девочке. Какая-то ревнивая что ли? Во всяком случае, д`Олон их ревность или что там ощутил на себе. Ему даже смешно стало, они будто оберегали свою подопечную от него. Быть может, в расчете на будущую выгоду? Из нежелания делить ее с новым человеком? В любом случае д`Олон не собирался с ними церемониться: он теперь главный, дорожные расходы их оплачены из королевской казны, так что извольте подчиняться и делать, что скажут. Надо отдать им должное – правила игры они приняли и с д`Олоном не спорили. Вероятно, чтобы иметь возможность остаться при девушке.

Ну а двух мальчишек-пажей д`Олон сразу взял в оборот. Эти не то, что де Мец и Пуланжи – люди взрослые и понимающие. Молодежи нужно прежде всего показать их место и загрузить обязанностями, чтобы не распускались. Он и загрузил.

Поразмыслив еще над приказом короля, д`Олон понял, почему тот приставил к этой девушке именно его. Король сомневался. То было естественным: ему и хотелось верить этой крестьяночке, но как все будет выглядеть, если окажется, что она лжет? Для этого он направил к ней этих университетских крыс, и церковных, отправил людей к ней в деревню, а еще вроде как приказал проверить, девственница она или врет. Кого приставить следить и охранять ее? Того, разумеется, кто резче всех был против нее. Очень по-королевски...

Только д`Олон теперь уже был почти уверен без всяких богословов и прочих, что она не лжет. Может, у нее с головой что-то, но она, скорее всего, не притворяется. Д`Олон это понял, и ему стало от этого тоскливо. Тем не менее, хоть и с неохотой, но в свои новые обязанности Жан д`Олон втянулся и выполнял их, как и все в жизни, честно, на совесть.

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

Ла Тремуй готовился встретить герцогиню Анжуйскую со всем радушием и вежливостью, какие только были возможны, чтобы не показаться фальшивыми. Вернее, он не сомневался, что уж Иоланду-то с ее дьявольской хитростью и проницательностью он не обманет ни при каких обстоятельствах, но приличия все же соблюдать нужно...

- Оставь, Жорж, - прервала его на полуслове герцогиня. – Давай к делу. Не думаю, что тебе приятно видеть меня. Как и мне тебя.

- Вот... - деланно разочаровано произнес Ла Тремуй. - А я-то собирался наговорить кучу комплиментов, чтобы расположить ваше сердце...

- Считай, расположил.

- Ну, дело так дело. Его величество поручил вам обследовать эту девицу на предмет... девица ли она. Вы уже выбрали дам, кто будет...

- Король сам назначил их, - снова прервала Ла Тремуй герцогиня. – Выбрал самых благочестивых и с безупречной репутацией.

- Что, такие еще есть при дворе? – изобразил серьезность и удивление Ла Тремуй, но герцогиня на шутку не ответила и насмешливо спросила:

- Волнуешься за свою подопечную?

- Иоланда, вы же понимаете...

- Понимаю. Первая – Жанна де Преи, жена Гокура.

- Это прекрасно.

- Вторая – Жанна де Мортеме, жена Ле Масона.

- А вот это плохо... Иоланда, с Гокуром я договарюсь, мы всегда находили с ним общий язык. Он, сделает так, чтобы его жена дала правильное заключение, а вот Ле Масон... Я здесь бессилен. Король, по всему, и назначил его жену, потому что тот был против ее приезда. И вообще он не друг мне, ты же знаешь. Ты можешь помочь?

- Почему ты считаешь, что помощь вообще нужна? – презрительно улыбнулась герцогиня.

- Иоланда... я не привык полагаться на случай. Чтобы остаться при дворе она ведь должна быть святее папы римского. И для меня и для тебя важно, чтобы эта девчонка продолжила играть свою роль, не так ли? Во всяком случае, пока.

- Допустим.

- А Ле Масон твой друг. Так что?

- Только ради тебя, Жорж, - не скрывая фальши своей улыбки и неприязни в глазах, произнесла Иоланда. – Надеюсь, когда-нибудь ты отдашь долг.

- Уж не премину, не сомневайся... - собственную неприязнь пряча за поклоном, ответил Ла Тремуй.

Лишь только Иоланда ушла, Ла Тремуй устал и упал на стул. Так всегда бывало после разговоров с ней. Эта женщина будто выпивала из него жизненные силы, не иначе – ведьма, чтоб ей на костре сгореть...

От Реньо де Шартра, архиепископа Реймса, пришедшего вскоре после герцогини, можно было не таиться. Ла Тремуй и не таился, высказав тому все, что чувствует после разговора «с этой дьяволицей» и все пожелания в ее адрес, каковые даже архиепископ посчитал чрезмерными.

- Ты слишком суров к ней, Жорж, - усмехнулся Реньо де Шартр. - То, что она умна – счастье для короля, да и для всех нас в конечном итоге. А что до ее железной хватки... Она не отдала Карла его матери, она создала все его союзы, какие еще не разрушены. То, что он пока жив и даже пытается быть королем – целиком ее заслуга.

- Возможно. Но я эту стерву ненавижу. Как и она меня.

- Вражда с ней, Жорж, не принесет тебе пользы. Она ведь всегда останется любимой тещей короля, а ты...

- А я? – возмутился Ла Тремуй. - Я делаю для короля не меньше, чем она! И посмотрим еще, кто окажется прав! Я ограждаю короля от проходимцев и предателей, вроде Жиака и Ришмона! Я...

- Не кипятись, Жорж, - досадливо махнул рукой архиепископ. – Говори, что хотел.

Чтобы успокоиться Ла Тремую понадобилось с полминуты помолчать. Потом он совершенно невозмутимо спросил:

- Что по Пуатье?

- Состав комиссии известен. Я все сделал, чтобы подобрать туда людей адекватных, но все эти университетские богословы себе на уме, сам понимаешь. И не все зависело от меня. Наибольшие опасения вызывают двое... К сожалению, не удалось избавиться от них.

- Кто же эти упыри?

- Не смей так оскорблять служителей церкви, Жорж! – недовольно сказал архиепископ.

- Хорошо. Кто эти добродетельные святые отцы?

- Двое монахов-доминиканцев. Очень авторитетные богословы, но несколько... ортодоксальны в своих воззрениях. Первый – брат Эмери, один из самых уважаемых наших профессоров. Второй – брат Сеген.

- Погоди-ка, тот Сеген, что я думаю? Я слышал о нем! Он же фанатик! Помешан на своем мракобесии! Вечно всем недовольный, брюзгливый, с безумными глазами – это он?

- Ты преувеличиваешь. Нормальные у него глаза, и он всеми... многими признается умным человеком.

- Черт, Реньо! Как можно допускать к молодой девке такое чудовище? Да он любую объявит ведьмой, кто не в рясе и не в монастыре!

- Не горячись так, Жорж, раньше времени. Я буду возглавлять комиссию в Пуатье, постараюсь сделать, что смогу.

- Слава Богу! Хоть одна хорошая весть. Если ты возглавишь этот сатанинский синклит – у нас есть шансы.

- Полагаю, мне удастся склонить большинство на ее сторону, но... тут ведь важно единое мнение, понимаешь? Если будут мнения против, особенно резкие, то общие выводы комиссии, даже благоприятные, могут быть скомпрометированы.

- Черт бы побрал всех этих ваших церковных крыс... Реньо, я выполнил свое обещание? Ты стал канцлером.

- Я благодарю тебя, Жорж.

- Не благодари. И делай, что хочешь, Реньо, хоть отлучением грози, хоть трави их, хоть на кострах жги, но обеспечь положительное заключение!

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

- Вы хотели меня видеть, герцогиня? – учтиво поклонился Ле Масон.

- Я всего лишь послала узнать, когда вы сможете меня принять, барон де Трев, - очаровательно приветствовала вошедшего герцогиня Анжуйская.

- Не полагается госпоже просить своего слугу о приеме. Я пришел сразу, лишь узнал, что нужен вам.

- Ох, Робер, вы заставляете меня чувствовать неловкость, - очень правдоподобно изобразила смущение женщина. – Тем более, что я хотела просить вас об услуге...

- Я целиком в вашем распоряжении, моя госпожа, - снова поклонился Ле Масон.

- Зачем так, Робер? Мы же друзья, называйте меня Иоландой. А моя просьба... она может показаться вам несколько странной...

- Я сделаю все, что от меня зависит, Иоланда.

- В том-то и дело, что не совсем от вас, Робер. А от вашей жены.

- Моей жены? – с удивленной улыбкой переспросил Ле Масон.

- Да, Робер. Не буду ходить вокруг да около, с вами я могу позволить себе говорить начистоту... Я знаю, вам не понравилась эта девочка, что приехала к Карлу...

- Почему не понравилась? Она очень симпатичная. Только вот прическа...

- Я не про ее внешность, я про нее саму, про то, что она говорит... Как не относиться к ней, но она дала многим надежду, вы не будете это отрицать, Робер?

- Не буду.

- И Карл воспрял духом, я говорила с ним. Да и все это видят. Эта девочка может быть полезна нам. Вы человек умный и опытный, Робер, вы это все лучше меня понимаете. Как бы там ни было... даже если она не совсем искренна или... не знаю, как лучше сказать... Пусть она и не совсем та, за кого себя выдает, так ли это принципиально? Словом, важно, чтобы хотя бы какое-то время она продолжала воодушевлять короля и дарить надежду его подданным. Я считаю, это будет на пользу королю и государству, вы согласны, Робер?

- Пожалуй. Вы хотите, чтобы моя жена засвидетельствовала ее девственность?

- Вы правильно понимаете, Робер: глупая случайность не должна все испортить. С женой Гокура проблем не будет, я договорюсь с ним. Она и ваша супруга подтвердят невинность девушки, я с ними соглашусь и объявлю об этом королю. Так что, Робер, вы поговорите с женой?

- Нет, моя госпожа, - поклонился Ле Масон.

- Вам так сильно пришлось не по сердцу эта девочка? – холодно и разочарованно спросила герцогиня. – Так хотите избавиться от нее?

- Иоланда, вы ее видели? Говорили с ней?

- Видела, но не говорила, - ледяными глазами смотрела на Ле Масона герцогиня.

- А я рассмотрел ее поближе... Если бы вы лучше узнали эту девочку, то поняли бы все сразу. И не стали бы просить ни меня, ни мою жену... Это дитя невинно. И душой, и телом.

Март 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

Теперь и он, и Бертран видели девушку, в основном только когда она выходила из своей башни. Тогда с ней всегда находился рядом один из ее пажей-мальчишек, а часто и сам д'Олон. Де Мец понимал, что тот просто исполняет свою работу, и неприязни к нему особой не испытывал, но осознавал прекрасно, что этот холодный и черствый человек стал препятствием к тому, чтобы видеть ее чаще. Впрочем, на многое де Мец и не рассчитывал. Они с Бертраном свою задачу выполнили, девушку привезли, удивительным было то, что им вообще разрешили остаться при ней.

Они только теперь поняли, как привыкли к этой своей странной крестьянке. По крайней мере, де Мец чувствовал, что ему не хватает ее наивной веры, ее убежденности, даже ее упрямых и поучений, которые еще недавно ему казались детскими и смешными. Может, они и были смешными, но вот ведь он как обещал ей в шутку бросить играть в кости, так до сих пор и не смел их взять в руки. И чертыхаться и богохульствовать они с Бертраном к концу их дороги почти перестали, уж в ее присутствии, так точно. Сейчас-то, правда, снова начали, так ведь и видели ее реже.

Де Мец еще в дороге, когда она их упросила разрешить ей посетить мессу в Осере, неожиданно осознал, что это была его первая месса за много-много лет. Он уж и не помнил, когда посещал службу и церковь вообще. Нет, он считал себя добрым католиком, знал, что нужно исповедоваться и причащаться, но служба, образ жизни, друзья, попойки... Сначала обходился молитвой, потом и молиться перестал. Теперь же он ходил в церковь регулярно, входя в свиту девушки, но сам не скрывал от себя, что ходит туда только из-за нее.

Сама же девушка вроде бы и не отдалилась от них. Да, они виделись меньше, говорили еще реже, но всегда она встречала их с Бертраном улыбкой, даже шутила, так что никакой дистанции между ними из-за ее нового положения будто и не появилось. Во всяком случае,

со стороны девушки, они-то с Бертраном люди взрослые, прекрасно понимали, что все теперь изменилось и как раньше не будет.

Интересно, конечно, что будет дальше. К ней теперь приходили важные люди, беседовали... Она виделась с самим королем. Но никакой ревности, зависти и тому подобного де Мец не испытывал. Ему самому было чудно, но он был только рад за нее, и больше всего желал, чтобы у нее получилось все, о чем она говорила, чего хотела...

- Жан! – увидев де Меца, крикнул д'Олон. – Собирайся в дорогу. И Бертрану скажи.

- Куда? – настороженно спросил де Мец.

- Не все ли тебе равно, - без капли тепла в голосе ответил д'Олон. – Король едет в Пуатье.

Она тоже. Все едут...

Де Мец слышал уже, что в Пуатье ее ждут сбежавшие из английского Парижа профессора и богословы. Его сердце наполнилось тревогой – от этих ученых чернильниц всего можно ожидать, кому хочешь мозги заплетут. А она простая деревенская девочка...

Март 1429 года, Шинон, герцогство Турень

Хорошо было хозяину приказывать: обеспечить неучастие в процессе в Пуатье двух доминиканцев. А исполнять-то это ему, Тени. А как? Вернее, что может быть проще, Ла Тремуй так и сказал, что если нужно, можно их и на тот свет отправить. Так-то да, но есть одно «но». Даже много этих «но».

Ну, во-первых, убивать, тем более монахов, Обри не хотел. Как не крути – грех, а ему уже лет не мало, пора и о душе думать. А во-вторых, это только казалось простым решением. Люди же не идиоты в большинстве своем, сложат два и два. Перед допросом священнослужителями этой явившейся к королю непонятной девицы убивают двух авторитетных монахов, которые должны были участвовать в процессе. И притом, по мнению близких к этой теме людей, монахов, наиболее критично настроенных по отношению к девушке. Тут не только слухи пойдут, тут и следствие начнут, и девчонку злые языки обвинят, тогда все сорвется, однозначно.

Все бы ничего, если бы умер один из этих доминиканцев – ну чего не бывает? Но ведь нужно, чтобы двое. И простое исчезновение сразу двух монахов немногим лучше. Можно было бы отравить их, чтобы выглядело естественно, это самый лучший вариант, но все-равно далеко не идеальный.

Обри уже с полчаса обдумывал разные варианты. Задача требовала решения. И даже не потому, что Ла Тремуй приказал, а потому, что Обри и сам прекрасно понимал – вся его операция стоит на кону. Эти университетские мозгоправы без труда запутают его девочку, и так повернут все дело...

Его девочка... Обри улыбнулся внутри себя, так подумав про нее. Даже теплее стало. Может быть оттого, что в его жизни было мало любви? Может, поэтому он и выбрал такую?

Нет, не он ее выбрал, ее выбрал Рене, а вот он отвлекся. Итак, направление решения задачи в целом было понятно. Раз нужно вывести из игры двоих, значит, обоих сразу, в одном месте, по одной причине. Только при этом можно будет соблюсти видимость естественности произошедшего. И одним допросом дело не ограничится, девушку явно будут терзать какое-то более или менее продолжительное время. Значит, все это время те доминиканцы должны быть лишены возможности участвовать в процессе.

Эти двое доминиканцев – брат Эмери и брат Сеген – не друзья, но знакомые. Тогда просто - нужно приглашение для них обоих к какому-нибудь священнослужителю... Архиепископ Реймский грозился помочь – пускай помогает... По дороге на них нападают грабители, обоих ранят... Не сильно, но в постели им придется полежать. Вот как-то так. Примитивно, конечно, просто, без изысков, но к чему плодить сущности сверх необходимого?

Март 1429 года, Пуатье

В большом фахверковом доме Жана Рабато, адвоката Парижского парламента, а теперь прокурора Счетной палаты, покинувшего столицу после английской оккупации, места было много. А домочадцев мало, поэтому в его доме поселилась не только Жанна со своей свитой, но и еще пара придворных. Король же поселился во дворце герцогов Аквитанских.

Жан Рабато, несмотря на свою должность и статус, был человеком простым и даже каким-то застенчивым. Впрочем, возможно, он был хитрым, но уж радушным точно. К девушке он сам и его супруга проявили внимание и заботу, да и всем гостям было комфортно в их доме.

Вечером Жан д'Олон вернулся в дом Жана Рабато с вестями. Вид у него был то ли усталый, то ли задумчивый, то ли и то, и другое, и что-то еще.

- Жанна, тебя ждут послезавтра в Аула Магна, - тихо и будто отстраненно сообщил д'Олон.

- Что это?

- Большой зал во дворце. Тебя там будут спрашивать, зачем ты приехала, чего хочешь...

- Я уже столько раз отвечала на это, что все могли наизусть выучить. Как молитву.

- Там все будет по-другому, - покачивая головой, взглянул девушке прямо в глаза д'Олон.

- Жанна... спрашивать тебя будут другие люди, не те, что были при дворе.

- Пусть спрашивают, - без всякого волнения ответила девушка. - Я все им расскажу.

- Это да... Им нужно рассказать...

Д'Олон пытался облечь свои сомнения в правильные и понятные слова, но снова засомневался, стоит ли вообще об этом говорить. Пусть бы уж шло, как шло. Да, девушка, вроде бы, хорошая, правильная, он это уже давно признал и смирился. Никогда не сидела без дела, даже здесь во всем помогала жене хозяина дома. Много молилась, не пропускала мессы. И ни капли показного в ней не было, уж это бы он увидел.

Герцогиня Анжуйская вместе с женами Ле Масона и де Гокура объявила, что «она» девица, именуемая Жанной, без сомнения девственница». Осмотр девушки этими высокородными дамами подтверждал ее правдивость, в которой д'Олон, собственно, уже давно ничуть не сомневался. И к самой процедуре осмотра Жанна отнеслась на удивление спокойно, не смущаясь, не робея, не возмущаясь недоверию... Д'Олон тогда провожал ее и хотел как-то подбодрить, но оказалось, что ей это вообще не требовалось. Как, казалось, во всем. Потрясающая самоуверенность, или что-то еще.

Впрочем, мало ли таких? С потухшим или горящим взором, ищущих забвения или спасения в церкви, из страха или рвения бездумно следующих придуманным кем-то ритуалам. Пусть бы эти в рясах разнесли ее в пух и прах, вот и кончилась бы его служба. А ее ведь не съедят же. Те же де Мец и Пуланжи отвезут к папе с мамой... Пусть снова овец пасет...

Только честно ли так? Честно ли желать ей поражения? Д'Олон исподлобья смотрел на ее лицо и ее глаза, глядящие сейчас на него так бестрепетно, и представил, что будет с ними, когда ей прикажут возвращаться домой. Нет, не должен он играть против нее, как бы не хотел закончить побыстрее это дело. И пришел к этому выводу Жан д'Олон не сейчас. Наверное, еще в Шиноне...

- Жанна... - медленно, будто с трудом произнес д'Олон, - не все будут расположены к тебе... Не все поверят, понимаешь?

- Почему они не поверят? - то ли с удивлением, то ли с возмущением спросила девушка. - Разве я дала им повод? Я не обманула никого ни в чем... Мне сам король поверил, почему не поверят они?

- Просто твоя история так необычна... В том, что ты слышишь голоса трудно убедить людей, которые их не слышат. Тебе нужно быть осторожной в своих словах. И сначала думать, прежде чем сказать. Может быть, что-то и не говорить совсем. То, что может показаться... выдумкой, понимаешь?

- Жан д'Олон, ты хочешь, чтобы я обманывала? - возмущенно спросила девушка.

- Пойми же, люди, которые будут тебя спрашивать, никогда раньше не видели такого. Может, они думают, что такого и не бывает. А тебе нужно, чтобы они подтвердили королю твою честность...

- Чтобы подтвердить свою честность я должна лгать? Нет, Жан д'Олон, я буду говорить то, что есть. Господь повелел мне помочь королю и Франции. Маловерие этих людей не разрушит его замысел.

- Ну... как знаешь... - то ли с грустью, то ли с облегчением произнес д'Олон.

Март 1429 года, Пуатье

Бывает, как пойдет все не по задуманному, так ничего с этим и не сделаешь. До первого заседания духовной комиссии было три дня - значит, у Обри было три попытки. Архиепископ Реймский, как и договаривались, прислал приглашения двум доминиканцам. Но Гийом Эмери плохо себя чувствовал в тот день и прийти не смог.

Было досадно, но не страшно, потому что недомогание его ушло на следующий день. Но, видимо, вместе с братом Сегеном, который уехал в августинский монастырь. Вот так из-за какой-то ерунды у Обри осталась только одна попытка.

На третий день оба – и брат Сеген, и брат Эмери – соизволили-таки прийти к архиепископу. Все шло, как надо. Стемнело, его ребята во главе с Рене поджидали монахов на выходе – им в любом случае какое-то время нужно было идти одной дорогой. После душевспасительных бесед у архиепископа доминиканцы покинули его гостеприимный дом и... Ну вот надо же так было совпасть, что тут же они встретили главу городского магистрата, человека религиозного, знавшего обоих доминиканцев и с радостью воспользовавшегося случаем, чтобы поболтать с ними и духовно себя обогатить. И черт бы с ним, как говорить, сам по себе он препятствием был небольшим, хоть и носил оружие, но вот его дурацкая привычка ходить по темноте с двумя вооруженными слугами... Рене посчитал (и, разумеется, был прав), что устраивать сражение нецелесообразно. Такую битву при Пуатье никак не спишешь на нападение обычных грабителей. Вот, собственно, и все. Завтра с утра первое заседание, чтобы оба монаха на него не пришли оставалось только прикончить их в собственных постелях.

Обри уже предметно раздумывал, чтобы избавиться хотя бы от одного из них. Но, подумав, решил этого пока не делать. К такому они не готовились, придется импровизировать, а учитывая их везение в этом деле... Да и вообще, хочешь-не хочешь, а задумаешься: может, где-то там наверху не хотят этого? Уж больно упорным было сопротивление рока или проведения, такое вообще-то нужно иногда и учитывать в своей работе.

Обри решил, что хоть и не идеально, но выведение из строя их противников не до, а в течение процесса тоже решает проблему. Ну и была надежда на архиепископа Реймского. Должен же он использовать свой авторитет и свое влияние на этих твердолобых догматиков...

Март 1429 года, Пуатье

Новость Жан де Мец воспринял не с удивлением даже, а с потрясением: Бертран де Пуланжи собрался в паломничество. Это нужно было осознать и переварить. Де Мец удивился бы больше, только если бы его товарищ постригся в монахи. Впрочем, было видно, что в последнее время Бертран порядком изменился. Стал ходить в церковь. Сначала де Мец подумал, чтобы побыть рядом с девушкой, но он иногда ходил и без нее. Хотя, чего тут удивляться, он ведь и сам, наверное, стал другим. Нужно было признать: с тех пор, как они встретили ее, их жизнь, привычки, разговоры, даже мысли, вероятно, изменились и заметно. А вот у Бертрана вообще, похоже, что-то с головой случилось.

- Это тебе она присоветовала?

- Почему присоветовала? – почти оправдываясь, ответил Пуланжи. – Она не советовала, просто рассказала, что ее мать совершала паломничество в Пюи. И в этом году хотела туда идти на Благовещение...

- А ты туда зачем? Решил посвататься что ли? – вроде бы насмешливо, но на самом деле ревниво спросил де Мец.

- Ты - идиот, Жан...

- А ты? Собрался черт знает куда, черт знает зачем! Ты уже рассказал ей?

- Почему я должен был скрывать? Она сказала, что если того хочет мое сердце, то это хорошо...

- Ну, ну... Сердце... - хмуро произнес де Мец. - Смотри не останься там в монастыре.

- Я же не надолго, Жан. Неделя туда, неделя обратно... Хотя, может, и дольше, я ведь не один поеду.

- И кого ты берешь с собой?

- Одного монаха... Жана Паскералья. Просил составить ему компанию, да и безопаснее ему со мной. Он из монастыря в Туре.

- Дожил, Бертран... - проворчал де Мец, прекрасно понимавший с самого начала, что не переубедит своего друга. - Развозишь монахов по святым местам... Сам так монахом станешь...

Март 1429 года, Пуатье

Аула Магна был огромен и величественен. Во всяком случае, эта настырная крестьянка уж точно не видела в своей жизни ничего подобного. Зал этот, поэтично называемый залом потерянных шагов, нельзя было и сравнивать с залом замка в Шиноне. Одно это огромное пространство и гулко тающие в нем звуки уже должны были привести испытующую в должный трепет перед собранием ученых мужей. И, похоже, привели: девушка удивленно задрала свою стриженую головку, с изумлением глядела по сторонам, осторожно ступая по каменному полу. Нужный эффект явно был достигнут, да и куда бы она, собственно, делась, тут и бывалому человеку становилось не по себе.

- Садись, Жанна, - мягко, по-доброму, словно желая смягчить строгость этого большого и непривычного пространства, произнес председатель комиссии, восседавший в епископском наряде посреди полутора десятков человек.

Девушка молча села на стул, одиноко стоящий перед шеренгой заполненных резных кресел.

- Пусть тебя не смущает этот зал, - снова обратился к девушке архиепископ Реймский и даже ободряюще улыбнулся. - Мы не сделаем тебе ничего плохого, Жанна.

- Служители церкви не могут мне сделать ничего плохого, - без всякой робости и волнения ответила девушка, и своим спокойствием кого-то удивила, а кого-то, возможно, и разочаровала.

- Эти ученые мужи, собравшиеся здесь, хотят поговорить с тобой, - продолжил архиепископ.

- Я поняла. Только чем я могу порадовать ученых мужей? Я на бумаге «а» от «б» не отличу...

- Просто ответь нам на наши вопросы, - не удержался от улыбки архиепископ. – Расскажи о себе и о своей семье, о своей жизни.

Кое-кто из собравшихся с сомнением посмотрел на архиепископа. И так-то задумавшегося некоторыми эффектом, судя по ее спокойствию, не получилось, так еще и вопросы о ней и о семье позволят ей быстро освоиться. Не с того нужно было начинать...

А девушка отвечала на вопрос. Говорила об отце, который был, по ее словам, добр, о набожной матери, научившей ее еще в детстве молитвам, о старшем брате, который уже завел

свою семью и жил в бывшем доме матери. Рассказывала о других братьях и сестре, о родственниках из округи, о своей жизни в деревне.

Очень быстро все поняли, что ничего из ее рассказа о семье они не извлекут. Если ее слова подтвердятся теми, кто был отправлен к ней на родину, то здесь искать было нечего, и вопросов к девушке по поводу ее происхождения и жизни быть не могло. Королевских посланцев из Лотарингии ожидали со дня на день, поэтому по предложению председателя комиссии до их возвращения других вопросов девушке решили не задавать.

- Думаю, можно найти место и попроще, - окинув взглядом огромный зал, произнес архиепископ Реймский, когда девушка ушла. – Торжественное открытие слушаний состоялось, зал нашей подопечной понравился, и незачем дальше так помпезно...

Реньо де Шартр с едва заметной иронией смотрел на двух доминиканцев и еще одного парижского богослова, как раз и состоявшего на заседании в Аула Магна. Но теперь у того не нашлось возражений, и остальные тоже согласились с архиепископом.

Март 1429 года, Пуатье

С девушкой они уже давно не работали. Здесь, в Пуатье, к ней почти не было доступа, но Обри полагал, что пока можно обойтись и без очередного ее видения. А вообще, на будущее, нужно что-то срочно придумать. Нужен человек в ее окружении, который будет обеспечивать организацию ей этих сеансов «божественных откровений» на постоянной основе. Кое-какие наметки для этого у Обри были, он даже уже начал одну операцию и надеялся вскоре получить такого человека, а пока было не до этого. Пока не была решена проблема двух доминиканцев.

Архиепископ Реймский сделал, что мог - оттянул во времени вопросы по существу. Но сегодня назначенная королем комиссия собралась, чтобы заслушать вернувшихся из Лотарингии посланцев, а также свидетельства приставленных для тайного наблюдения за девушкой женщин.

За все это Обри не переживал. Из Домреми они получают только нужные сведения, других там об этой девушке просто нет. А здесь она вела себя – вообще не придерешься. Обри даже пару дней лично осторожно наблюдал за ней и восхитился сам собой: ведь выбрал же такую! Спала в комнате с хозяйкой, помогала ей по хозяйству, никаких подозрительных или просто сомнительных контактов, ежедневно церковь, и не по одному, бывало, разу, молитва, причастие, раздача милостыни нищим... Откуда-то у нее появлялись деньги. Гроши, конечно, но и их все она раздавала.

В Пуатье, как и в Шиноне, как до этого и в Вокулёре, она стала пользоваться популярностью. Ее узнавали на улицах, о ней говорили. Говорили, разумеется, всякое, Обри поражался, до каких небылиц может дойти народное воображение... Но все это не приближало к решению его локальной насущной проблемы – выведению из игры двух монахов-доминиканцев.

Обри понял, что нужно признать поражение – он не успел решить задачу. Тогда нужно хотя бы минимизировать ущерб. Времени собирать вместе обоих строптивых доминиканцев уже не было, а значит, придется устранить только одного. Это тоже поможет архиепископу, и решить эту задачу будет много проще. На всякий случай Обри решил даже лично участвовать в операции.

Выбрать из двух монахов было нетрудно. Брат Сеген представлялся личностью совсем уж одиозной и был наибольшей угрозой для девушки. Следить за ним стали еще с раннего утра, но кроме как на заседание комиссии он никуда не выходил. Потом пошел в Нотр-Дам-Ла-Гранд на вечернюю службу, где к наблюдающим за монахом и присоединился Обри.

Пока было светло никто, конечно, не собирался ничего предпринимать. А вечером брат Сеген должен был отправиться в гости к одному своему коллеге, об этом Обри позаботился. На обратном пути все и должно было произойти.

Все шло нормально, но вдруг возник нюанс. В Нотр-Дам-Ла-Гранд Обри увидел свою подопечную. Вернее, сначала увидел д'Олона, а потом быстро отыскал и девушку. Брат Сеген тоже ее увидел – по вечернему времени церковь была немногочисленна. Девушка явно заинтересовала монаха, во время службы он часто бросал на нее взгляды и после вышел сразу за ней.

А перед церковью ее уже ждали. Какая-то женщина, еще не старая, но уже и не молодая протянула небольшой молитвенник Жанне:

- Дева, прошу тебя, возложи руку...
- Что? – удивленно остановилась девушка.
- Коснись этого молитвенника, прошу, - склонила голову женщина.
- Зачем?
- Чтобы на него сошла благодать...

Лицо девушки растянулось в улыбке, и она даже не удержалась от смешка:

- Прикоснись к нему сама. Твое прикосновение принесет ему столько же пользы, как и мое.

Девушка раздала нищим несколько монеток и, сопровождаемая хмурым д'Олоном, пошла в сторону дома. Обри так и остался стоять, провожая ее взглядом. Он вдруг поймал себя на мысли, что улыбается, и только потом вспомнил, что вообще-то он здесь за другим. Но брат Сеген никуда не ушел, он, оказывается, тоже стоял и смотрел на удаляющуюся девушку. В отличие от Обри он не улыбался, и понять, что означал его суровый взгляд, было невозможно.

Но дальше произошло вообще непонятное. Монах вместо того, чтобы идти в гости, пошел в другую сторону. Обри не сразу понял, что этот чертов доминиканец, похоже, идет за девушкой. Все сомнения исчезли, когда он постучал в ту же дверь, в которую минуту назад вошла она с д'Олоном. Это было неожиданно и непонятно.

Обри дал команду ждать. К кому брат Сеген зашел в дом Жана Рабата? К хозяину? К кому-то из его гостей? Ну не к девушке же! А если к ней? Зачем, спрашивается? Но к кому бы он не зашел, это вносило в план Обри существенные коррективы. Уже стемнело, и если после дома Жана Рабата брат Сеген пойдет в гости, как и предполагалось, то план оставался в силе – нападение лихих людей и серьезное, но желательно неопасное ранение. А если монах пойдет к себе... Тогда все, отмена. Неважно, кого именно навещал брат Сеген у Жана Рабата, если он пострадает сразу после визита в дом, где проживает девушка, это будет выглядеть, возможно, и не прямо подозрительно, но слухи могут пойти, сопоставления, а это решительно не годилось.

Брат Сеген вышел от Жана Рабата через почти три четверти часа и не отправился ни в какие гости, а пошел напрямик к себе. Обри, разумеется, дал отбой и с философским смирением принялся рассуждать о силе ангела-хранителя этого дьявольского монаха, который вот уже несколько раз умудряется выскальзывать из устроенной ему ловушки. В пору и правда было признать, что это не угодно высшим силам. Ну или безропотно принять собственное невезение или неумение.

Март 1429 года, Пуатье

Жан д'Олон знал, что богословы с самой суровой репутацией еще не задали своих вопросов. Обстановка вообще пока была вполне доброжелательной. Во-первых, сам процесс перенесли из гулко и холодно Аула Магна в дом госпожи Ла Массе, где было тепло и уютно. Во-вторых, архиепископ Реймский был ласков с девушкой и разрешил остаться самому д'Олону и еще нескольким людям, не участвующим в допросе. Это должно было придать ей уверенности.

Сначала спросили про ее голоса. Девушка снова рассказала, как посла овец и вдруг услышала голоса и увидела Святую Маргариту и Архангела Михаила. Они сообщили ей, что Господь сжалился над народом Франции и что ей самой нужно ехать к королю. Девушка рассказала, что даже заплакала, что ей было страшно, но голоса сказали, чтобы она не боялась, чтобы шла в город Вокулёр и нашла капитана Робера де Бодрикура. Он должен будет доставить ее к

королю. Голоса сказали также, что она должна будет помочь разбить англичан и снять осаду с Орлеана...

- Все так и вышло, - продолжала свой рассказ девушка, - Робер де Бодрикур дал мне сопровождающих, и я приехала в Шинон...

- Подожди, Жанна, - прервал ее Пьер де Версай, один из богословов, - давай поговорим про тех, кто тебе являлся. Почему ты решила, что это были Святая Маргарита и Архангел Михаил? Они что, представились тебе?

- Я не знаю... Я только поняла, что это были они.

- И что может свидетельствовать о том, что это были именно они?

«А что они, по-твоему, - мрачно глядя на враз ставшего неприятным священнослужителем, возмущенно подумал д'Олон, - должны были грамоту с печатью предоставить?»

Но допрос продолжался. Спрашивали, по мнению д'Олона, всякую ерунду: как Святая Маргарита и Архангел Михаил выглядели, в чем были одеты, кто присутствовал рядом, в какое время дня они являлись, какие еще голоса она слышала и прочую чушь. Д'Олон даже не слушал уже, только удивлялся, как это всем этим в рясах было непонятно, что она говорит правду, что спрашивать все эти подробности бессмысленно?

- Жанна, - меж тем вступил в разговор Гийом Эмери, - ты утверждаешь, что твой голос сказал тебе, будто Бог хочет избавить народ Франции от бедствий, которые тот переживает. Но раз сам Господь желает этого, то разве есть необходимость в армиях, оружии и солдатах? Почему Господь просто не сделает так, чтобы страдания Франции прекратились?

«Ну, началось!.. – мгновенно очнулся от своей понурой задумчивости д'Олон. – Ты сам-то, святоша, как бы на такое ответил?»

Но девушка ответила быстро и не задумываясь:

- Во имя Божье и за правое дело солдаты будут сражаться, и Господь дарует им победу.

В звенящей тишине все смотрели на Гийома Эмери, и тот удовлетворенно и даже как-то уважительно кивнул головой.

«Молодец, девочка... уделала святошу...» – произнес про себя д'Олон и сам удивился своей радости.

Вопросы продолжились, но все уже явно собрались заканчивать на сегодня, как в дело вступил молчавший до сих пор брат Сеген:

- Жанна, ты слышала голос. Даже несколько голосов, как ты утверждаешь.

«Вот же черт в рясе! – возмутился д'Олон. – Доктор богословия, а говорит, как крестьянин из самой глухой деревни в Лимузене, половина слов непонятна!»

- Жанна, - спросил брат Сеген о том, о чем как раз подумал д'Олон, - а на каком языке говорили с тобой твои голоса?

- На более понятном, чем твой, - с улыбкой ответила девушка.

Д'Олон увидел, как многие в зале прячут свои усмешки, включая и архиепископа Реймского. И почти все украдкой посматривали на брата Сегена, с опаской ожидая его реакции. Доминиканец лишь на мгновение замер, а потом тоже едва заметно улыбнулся. Но искренне или затаив обиду, д'Олону было непонятно.

- Хорошо, Жанна, - вроде бы все-таки без обиды произнес брат Сеген, - я постараюсь говорить понятнее. Я уже спрашивал тебя вчера, но хочу спросить еще раз, веришь ли ты в Бога?

- Верю не меньше, чем ты. И больше, чем себе.

Какое-то время, несколько секунд, все молчали. Потом брат Сеген осторожно, без вызова и упрека спросил:

- Жанна... разве угодно Богу, чтобы мы верили тебе на слово? Если Господь не пошлет никаких знамений, имеем ли мы право только на основании твоих утверждений советовать королю доверить тебе солдат? Подвергая их опасности?

- Какие знамения вам нужны! – то ли усталый, то ли рассерженный голос девушки заставил всех одновременно с удивлением на нее посмотреть. – Я здесь не для того, чтобы давать вам знамения! Отправьте меня в Орлеан! Дайте мне столько солдат, сколько нужно! Или сколько сами посчитаете нужным! И я покажу вам знамение!

Д'Олон, как и все, с удивлением смотрел на девушку, в словах которой было столько страстной мольбы, усталого возмущения и совсем уже не осталось почтительного трепета, которого многие все еще ожидали от простой молоденькой крестьянки. С полминуты все молчали, и наконец девушка снова спокойно произнесла:

- Поверьте мне... Поверьте Господу, от имени которого я говорю. И вы увидите четыре вещи. Англичане будут разбиты, и осада с Орлеана снята. Это будет первым, но сначала я призову англичан добровольно уйти от Орлеана...

- И они добровольно уйдут? – без тени иронии серьезно спросил Эмери.

- Не знаю, но я должна дать им выбор. Потом дофин будет коронован в Реймсе. А после Париж вновь окажется под властью короля и во Францию из плена вернется герцог Орлеанский. Если вы поверите мне, то сами увидите это. И решите, знамение это или нет...

Март 1429 года, Пюи-ан-Веле, Овернь

В этот год Страстная пятница совпала с Благовещеньем, а потому в Пюи паломников было особенно много. Найти среди них Изабель Роме представлялось если и не невозможным, то крайне сложным. Зачем Бертрану де Пуланжи, такому бравому солдату, какая-то крестьянка из Лотарингии брат Жан Паскераль вразумительного ответа так и не получил, зато за пару буквально часов нашел ее и сообщил своему спутнику, где она проживает.

- Просто чудо какое-то, святой отец, - поблагодарил монаха Пуланжи.

- Никакого чуда, сын мой, - по-доброму улыбаясь, ответил Паскераль – худощавый человек лет сорока, с худощавым же выбритым лицом и тонзурой на голове. – Нужно было всего лишь найти лотарингцев, а они уж своих всех знают, кто где.

- Действительно просто...

Несмотря на непогоду Паскераль сам предложил отвести Пуланжи к дому, где жили лотарингские паломники. Так было быстрее, чем объяснять человеку, незнакомому с городом.

- Но зачем же все-таки тебе та женщина? – спросил монах в серой рясе, кутаясь от мартовского ветра еще и в шерстяную накидку. – Неужто жениться на ней хочешь?

- Да нет, она же замужем... Просто я знаком с ее дочерью... Мы привезли ее к королю в Шинон.

- Погоди-ка! – удивился Паскераль. – К королю? Ты не о Деве говоришь? Которую зовут Жанной?

- О ней.

- Я слышал о ней. Так это ты ее привез?

- Не я один вообще-то...

- И молчал! – с укоризной произнес монах. - Так эта паломница - ее мать?.. Расскажи мне о ней!

- О ее матери?

- Да нет! О той девушке...

Пуланжи рассказал скупое. В двух слова, можно сказать. Он не знал, что говорить о девушке. Сказать, что она хорошая, добрая, искренняя и веселая – на то ведь много слов не надо. Не говорить же, в самом деле, что она самая удивительная, самая необыкновенная и самая лучшая из всех, что он встречал в своей жизни... Монах такого и не поймет, поди...

А Изабель Роме узнала Пуланжи и обрадовалась сначала, но тут же, словно испугавшись, быстро спросила про дочь. Откуда-то, видно, прознала, что Бодрикур отправил с ней их с де Мецом. Тут рассказать было несложно – все хорошо с ней, сам король ее принимал.

Собственно, именно за этим, возможно, он и искал мать Жанны. Увереннее он и самому себе бы не ответил. Искал, чтобы рассказать про дочь, хоть отчасти избавить от переживаний... А потом передать Жанне привет от матери. Может, ради этого он вообще и поехал в Пюи?

Вместе с Изабель Роме были и два ее сына – Жан и Пьер, братья Жанны. Они, в отличие от матери, заинтересовались больше рассказами о дворе, о короле и прочих удивительных для них вещах. В их представлении, вероятно, сестра попала в другой мир: недоступный, сказочный, блестящий. А Изабель Роме этот волшебный мир не волновал ничуть, но волновала дочь, и тут вдруг монах неожиданно предложил:

- Сами и убедитесь, что с ней все в порядке, чего же проще? Крюк, правда, не малый...

- Мне тоже ехать к королю? – удивилась Изабель.

- Уж не выгонит король ее мать. Просто повидаетесь, обнимитесь. И ей будет приятно, уверен.

- Что скажете, господин Бертран? – с надеждой посмотрела на Пуланжи мать Жанны.

А что тут сказать? Монах, надо признать, придумал хорошо. А еще Пуланжи представил, как он привезет к девушке ее мать, как та обрадуется...

- Не вижу препятствий, госпожа Роме. Жанне очень нужна поддержка близких, для нее это была бы радость... Если вы готовы осилить дорогу, конечно...

- Я столько прошла за свою жизнь, - улыбнулась женщина, - что никакая дорога уже не испугает меня. Расскажите мне еще о Жанне...

Теперь Пуланжи было совсем легко говорить о девушке. Ведь он рассказывал матери о дочери - даже монах поймет, что кроме как восторженных слов в таком случае говорить неуместно. А сам Жан Паскераль, по всему, был человеком неглупым и ученым. Он рассказывал много интересного и произвел впечатление не только на Пуланжи, но и на мать и братьев Жанны. А еще он и сам с интересом и вниманием слушал, что Пуланжи рассказывал о девушке.

Монах вообще показался Пуланжи человеком добродушным и набожным. И было в нем что-то еще, что привлекало, но что трудно было выразить словами. Быть может это сочетание ума, образованности и искренней веры? И простой человеческой доброты, которую невозможно было скрыть? А может, то, что он никогда не наставлял, тоскливо и лицемерно, как делало большинство из его братии, а говорил искренне и по-простому о самых сложных вещах. В общем, Жан Паскераль после близкого знакомства очень понравился Пуланжи, как и матери и братьям Жанны.

Апрель 1429 года, Пуатье

Попытки вывести из игры брата Сегена Обри оставил. Сколько бы вреда тот не принес и сколько бы желчи не вылил на допросах девушки, но нападение на него сейчас означало появление слухов, а это только усложняло все. Тихое отравление монаха (не до смерти, конечно, хотя тут ведь как получится...) хоть и было более приемлемым, но тоже не избавляло от слухов, так что свое поражение Обри мужественно признал. Да и, по словам архиепископа, процесс шел пока вполне неплохо, хотя выводы делать было, разумеется, еще рано.

Но девушка, похоже, не сомневалась в благоприятном для нее исходе допросов. Разве только проявляла нетерпение, не видя смысла во всех этих бесконечных и повторяющихся вопросах. Ее ведь не только вызывали для этого, но и к ней приходили. По двое, по трое, в разных сочетаниях и конфигурациях. Видимо, однажды ее терпение совсем лопнуло, и она, ответив в очередной раз (в сороковой, наверное, как она заявила) на вопрос, зачем прибыла к королю, спросила у пришедших к ней Пьера де Верса и Жана Эро:

- Вы умеете писать?

- Да, - растерялся от неожиданного вопроса Эро.

- Тогда бери перо и пиши, потому что я не умею.

И она продиктовала письмо. Адресованное ни много ни мало английскому королю, регенту, герцогу Бедфорду, и командирам англичан под Орлеаном. Обри видел копию этого письма, переданную ему архиепископом. Оно было не очень длинным, но и не совсем коротким. В нем девушка сообщала англичанам о своей божественной миссии, требовала оставить города и вообще убраться из Франции, заплатив за ущерб. В противном случае грозила изгнать их силой.

Письмо показалось Обри несколько наивным и излишне обстоятельным в смысле требований и угроз, но он признал, что послание именно в таком стиле и ожидали бы увидеть англичане от объявившей себя посланницей Бога крестьянки. Интересно было бы узнать, сколько в том письме было лично от девушки, а сколько от стилистических талантов мэтра Эро?

А вскоре Реньо де Шартр, архиепископ Реймский, канцлер Франции, передал через своего человека очередные сведения о ходе процесса и свои впечатления. Впечатления архиепископа впечатляли. По результатам опросов девушки коллегия под руководством Реньо де Шартра составила отчет для короля, в котором говорилось в частности, что «после изучения жизни и получения ответов от девицы, именуемой Жанной, она признается добропорядочной христианкой, живущей, как католичка и обладающей всеми присущими этому званию добродетелями». А также, «учитывая опасность, в которой находился город Орлеан, и неотложную необходимость действовать, король может принять помощь девицы, именуемой Жанной, как угодную Богу, и направить ее в Орлеан».

Даже ношение девушкой мужской одежды было оправдано и обосновано какими-то древними церковными постановлениями или соборами, или еще чем-то. Словом, признали, что в текущих обстоятельствах это вполне допускалось и не было грехом.

Но более интересным было другое. Архиепископ сообщал, что самыми горячими сторонниками девушки при окончательном редактировании отчета оказались доминиканцы брат Эмери и брат Сеген. Именно они без всякого намека со стороны архиепископа настояли на упоминании угодности Богу принятия помощи от девушки. А брат Сеген, к удивлению всех, наверное, потребовал записать следующее: «в ней нет зла, а только добро, смирение, девственность, благочестие, честность, простота». И с чего только этот монах так расположился к ней? Чем его-то она проняла? Но вообще-то было, о чем задуматься. И в смысле оценки и понимания людей, и в смысле жизни вообще.

А еще Обри обдумывал настойчивость девушки в ее требованиях и планах. Это было совсем интересно, потому что Обри ничего такого ей не говорил. Да, ее «голоса» кроме всего прочего советовали ей убедить короля послать ее в Орлеан. Но на этом все. А она сначала сама придумала про коронацию в Реймсе, а теперь вот начала предсказывать про Париж и герцога Орлеанского.

Обри показалась интересной эта ее фантазия, похоже, девушка начинала реально жить в мире, придуманном им для нее. Хотя почему придуманном им? Эти ее предложения-предсказания по-своему логичны. А идея с коронацией так и вообще кажется крайне удачной, только вряд ли осуществимой в обозримой перспективе.

Вообще же перспективы теперь были очень даже интересными. У короля больше нет причин не верить девушке, только вот решится ли он на самом деле отправить ее с армией? Король, вероятно, желает этого, его положение если и не безнадежное, то крайне трудное, он готов пойти на многое... Но найдутся и советчики, которые будут его отговаривать.

Военные утверждают, что достаточных сил для снятия осады нет. Многие советуют лишь работать на коммуникациях англичан, затрудняя им пребывание под Орлеаном, и пытаться проводить в город обозы с провизией. Затягивая таким образом осаду и повышая издержки осаждающих, в надежде, что рано или поздно им придется уйти. Тот же де Гокур, сторонник такой стратегии, предположил, что если город продержится до осени, то англичане сами уйдут из-под Орлеана.

Только вот шансов, что Орлеан продержится до осени все меньше. Ему бы до лета продержаться, и то чудо будет... И что теперь делать? Сейчас король возвращается в Шинон. Девушка возвращается с ним. Все будет зависеть от решения короля, но как поведет себя она сама, если король все-таки отправит ее в Орлеан? Настрой-то у нее боевой, тут вопросов нет и подгонять ее не нужно, скорее, наоборот, не наделала бы глупостей...

Плохо то, что сам Обри военным не был. Хотя и понимал в этом деле, конечно, как и все, но вот с конкретными решениями на месте могли возникнуть проблемы. При ней вообще-то д'Олон, человек мрачный, но неглупый, да и самостоятельных действий и решений ей никто не позволит. Она должна быть только символом, но все же... Придется консультироваться с кем-нибудь, если что.

Апрель 1429 года, Тур

Из Шинона вслед за королем они отправились в Тур. Здесь хозяйство и заботы д'Олона заметно выросли. Во-первых, король выделил девушке двух герольдов. И передал несколько человек ему, д'Олону, для ее охраны. Как будто де Меца с Пуланжи не хватало... Впрочем, это ведь делалось на самом деле не из опасений за ее жизнь - что могло с ней случиться здесь, в Туре, где ее только на руках не носили... Делалось это для подтверждения ее статуса. Теперь у девушки был настоящий дом, своя военная свита.

Тот же Пуланжи неожиданно привез из своего путешествия на юг ее мать и братьев. Радость радостью, но заботы обо всех них легли на него. И если мать Жанны вскоре уехала – ее ждало деревенское хозяйство, то оба ее брата остались при сестре, вооружившись и вступив в ее отряд.

Теперь у них появился и свой капеллан. Мать девушки рекомендовала ей августинца, который приехал с ними, и та, поговорив с монахом, приняла его.

Вообще-то д'Олон когда-то слышал об этом Жане Паскерале. Тот был человеком ученым и известным в Туре. Читал лекции по богословию или что-то в этом духе. Д'Олону Паскераль в целом пришелся по душе, тем более что избавлял его от необходимости самому искать какого-нибудь священника для исполнения обязанностей капеллана.

По приказу короля к девушке приставили и личного казначея. Им стал Мателен Рауль, которого д'Олон видел как-то среди казначеев короля. А еще король приказал изготовить для девушки доспехи по ее фигуре. Оружейник обещал выполнить заказ за неделю, но потребовал за них сто ливров, которые Мателен Рауль и выплатил.

Пока же д'Олон учил ее работать мечом и копьем, а в боевом седле она и так сидела как влитая. Военные упражнения не сильно ее увлекали, но она была старательной ученицей и ее физические кондиции подходили для этого великолепно. Кроме, конечно, мощи, но того и нельзя было ожидать от среднего роста стройной шестнадцатилетней девушки.

А вот что увлекло ее, так это его рассказ об артиллерии. Она потребовала показать ей бомбарды. И огромные осадные, и легкие ручные. Она сначала спрашивала, как они применяются, а через несколько дней поразила д'Олона, показав, где бы она расположила бомбарды, если бы нужно было захватить Турскую цитадель. Сначала д'Олон решил, что хорошо научил ее, что она повторяет его собственные идеи, а потом вдруг понял, что все идеи были не его. Эта неграмотная крестьянка придумала все сама, и это было просто удивительно.

Когда оружейник объявил, что заказ выполнен, доспехи готовы и можно их забрать, д'Олон взял с собой кроме Жанны и ее обоих пажей. Девушка с интересом и любопытством уже собралась примерить доспехи, принимая их, очевидно, за новое платье, но д'Олон велел не спешить:

- На что ты собралась их надевать? Здесь нужна специальная одежда, вот возьми, я приготовил.

- Это чтобы я не замерзла в железе? – озорно улыбнулась девушка.

- Это чтобы ты в один большой синяк не превратилась и кожу не содрала до мяса! – недовольно ответил д`Олон. – Иди и переоденься! А вы, бездельники, учитесь работать с железом! Будете застегивать, чтоб каждый ремешок закрытыми глазами закрепить могли!

- Я и так умею, - с обидой ответил де Конт. – Я помогал господину де Гокуру.

- Сейчас посмотрим... - с сомнением произнес д`Олон.

Но в целом и де Конт, и Раймон справились неплохо для первого раза. Оружейник еще кое-что подправил по мелочи, и девушка стала выглядеть, как настоящий рыцарь.

- Пройдись, - велел ей д`Олон. - Подвигайся.

- Я, наверное, смешно выгляжу? – с тревогой и по-детски наивно спросила девушка. – Оно гремит все...

- Что ж вы хотели, госпожа, - усмехнулся оружейник, - это же не бальное платье.

Но д`Олону вид Жанны не показался ни смешным, ни нелепым. Он подумал, что доспехи очень шли ей, делали ее какой-то необычной, непохожей ни на одну другую женщину. Она напомнила ему сказочных древних воительниц, как он их представлял, и д`Олон буквально замер от красоты ее движений, легких и женственных даже в железных пластинах.

- Как вы в них ходите? – с удивлением и недовольством пробовала сгибать руки и ноги девушка. – Я словно обвешанная побрякушками дерево.

- Надевай подшлемник... - очнувшись от своего любования, сухо произнес д`Олон – Мюго! Завязывай, бездельник!.. Теперь салат?.. Опусто забрало... Ну как?

- Жан д`Олон! – приглушенный железом голос девушки казался испуганным. – Я же не вижу ничего! Как можно в этом сражаться?

- Как не видишь? – усмехнулся д`Олон. – Я же твои глаза вижу. Привыкай...

Апрель 1429 года, Тур

Обри вместе с командой переехал вслед за девушкой в Тур. Дело это увлекло его, как он и не ожидал вначале. Оно буквально захватило его, оттеснив на второй план все другие дела, все планы на будущее, даже воспоминания о прошлом. И дело уже давно было не в поручении Ла Тремуя. Оно стало именно его делом, важным для него лично. Почему? Не то чтобы он не желал победы своей стране и своему королю. Нет, конечно желал. Да и Тремуя был благодарен за спасение когда-то. Сама борьба увлекала его, это безусловно, но Обри понемногу приходил к мысли, что и это не самое главное. А что тогда главное? Получалось, что она. Та самая девочка, с которой уже несколько месяцев он жил одной жизнью, и которая об этом совершенно не подозревала...

- Ну что, Рене, хорошо, когда есть свой человек? – спросил Обри, оторвавшись от своих размышлений, когда его помощник и Маргарита, постучавшись, вошли.

- Кто бы спорил, господин Этьен?

- Ты спорил, забыл?

- Так я же не о том...

- Да успокойся ты, я шучу, - подбодрил Рене Обри.

- Да, господин Этьен... Теперь все будет проходить гораздо легче.

- А главное – регулярно. Ладно, давайте о деле. Что сообщила нашей красавице Святая Марго?

- Нелегко быть святой, господин Этьен, - сделав жалобное лицо, произнесла Маргарита. – Но я стараюсь. Мне кажется, я уже если и не святая, то блаженная как минимум... А что до дела, то Святая Маргарита сообщила нашей курочке, что меч Карла Мартелла зарыт в землю за алтарем в Сент-Катрин-де-Фьербуа.

⁹ Разновидность шлема в конце XIV – начале XVI веков.

- И все? Должно же быть что-то особенное. Это же важнейшее доказательство ее контактов с высшими силами!

- Все нормально, господин Этьен, - успокоила Обри Маргарита. – Я сказала, что меч весь ржавый и с пятью выгравированными крестами. Ржавчина, само-собой, спадет сразу, и меч станет как новый.

- Вот это хорошо. Где ты раздобыла меч с пятью крестами?

- Обычный был меч. Но надо же что-то придумать было, вот я и придумала пять крестов.

- погоди! – резко поднял тревожный взгляд на женщину Обри. – Ты давала меч оружейнику?

- Ну да... - словно удивляясь волнению начальника, растерянно произнесла Маргарита.

- Не я же сама эти кресты выбивала.

- Этот меч будет известным, Маргарита! Для того она его и найдет! А оружейник вспомнит твой заказ и тут же пойдут слухи! А то и хуже!

- Не пойдут, - так же растерянно и отстраненно пожала плечами Маргарита, глядя на Обри. – Он умер.

- Кто умер? – успел озадаченно спросить Обри и вдруг враз догадался, что она имеет в виду.

- Ну оружейник этот, - с невинной улыбкой, терпеливо объяснила Маргарита. – Отдал мне меч, я поблагодарила, предложила вина из фляги... он же наверняка пить хотел, работал ведь, бедный... Он выпил, спасибо еще сказал... А вечером ему что-то плохо сделалось. От жары, может...

Обри пустым взглядом смотрел в холодные глаза улыбающейся Маргариты, пытаясь скрыть бушевавшие в нем чувства. Он и сам не знал, чего в нем сейчас больше, ненависти, презрения или страха. Страх точно был, не за себя, быть может, а просто от того, как легко эта женщина отнимает чужие жизни, словно играясь, не испытывая при этом, видимо, и тени сомнений.

- Хорошо, - спокойно и ровно произнес Обри. – Но впредь не работай так грубо. Если будешь устранять людей направо и налево, они быстро кончатся. А про тебя пойдут слухи, и работать нормально ты не сможешь. Так что действуй изящнее, а не как мясник с топором.

- Так я изящно, - притворно обиделась Маргарита. – Какой топор, ему даже больно не было... почти...

- Все, хватит, - не скрыв, возможно, до конца в этот раз своей неприязни, прервал женщину Обри. – Что еще ты ей сказала? Только точно.

- Да ничего больше, - подпустив разочарование на лицо, с укором ответила Маргарита. – Про меч, а потом еще раз про Орлеан, чтобы торопила всех, ну и про коронацию на перспективу. Поддержала, так сказать, ее идею.

- И все? Больше никакой отсебятины?

- Господин Этьен, когда я отсебятиной занималась? – возмутилась Маргарита. – Только то, что велели.

- Ладно... Пока – все. Рене, останься.

Апрель 1429 года, замок Шинон

- Ты уезжаешь матушка? – спросил король герцогиню Анжуйскую.

- Да, сын мой. Нельзя надолго оставлять Анжер.

- А я хотел поговорить с тобой об этой девушке... Она снова обратилась ко мне...

- И чего она хочет? – спросила герцогиня Анжуйская, тепло, даже с нежностью, глядя на своего зятя.

- Все то же, матушка. Торопит меня, просит дать ей солдат и отправить в Орлеан.

- А ты?

- Чего я хочу? Не знаю, чего я хочу... Быть может, лучше оставить ее здесь? Если бы я был уверен, что у нее все получится...

- Если не получится, сын мой, что мы теряем?

- Знаешь, матушка, я верю ей. И я боюсь, что у нее не получится, понимаешь? Ей многие верят, на нее многие надеются, и вдруг... просто очередное поражение. Тогда все закончится, и уйдет надежда.

- Ты говоришь о разочаровании? Кончится эта удивительная история? Да, неудача нам, пожалуй, повредит изрядно.

- А с другой стороны... она так уверена в себе. И эти наши монахи с ней говорили... Не знаю, правда, как это будет выглядеть – девица во главе солдат... Пойдут ли за ней?

- Пойдут. Людям нравится верить. Во что угодно, лишь бы это сулило им счастье, удачу, богатство...

- И спасение.

- Конечно, сын мой. В спасение люди верят с особой охотой. Такова человеческая природа.

- Так ты полагаешь, риск оправдан?

- Вполне приемлем. Хотя риск – это всегда риск. Ты должен решить сам, что для тебя лучше. Но помни, мой мальчик, Господь послал ее тебе, чтобы ты воспользовался ее помощью. Так пользуйся, как считаешь нужным. Если что-то с этой девочкой случится, значит, на то воля Божья. А если из этого выйдет что-то путное – тем более.

Апрель 1429 года, Тур

Д'Олон не знал, как относиться к ее голосам. Вернее, к тому, что она рассказывает про это. Рассказывает она про них очень скупое, из нее всегда все тянуть надо, и сама честно признается, что всего рассказать все-равно не может. Д'Олон, безусловно, верил ей, верил, что она говорит правду, но самому поверить в то, что Бог или ангелы говорят с этой девушкой, ему было сложно. Зачем бы Богу это понадобилось? Столько всего на этой грешной земле творится – и ничего, а тут ему вдруг надумалось спасти французское королевство?

В Бога д'Олон, разумеется, верил, даже в церковь изредка ходил. Правда, больше для порядка, за компанию с другими, как говорится. Но считал при этом, что на земле Бога нет, или, по крайней мере, что тот не вмешивается в дела людей, а пребывает где-то там, наверху, для живых неизвестно где. И все, что Жан д'Олон видел за тридцать восемь лет своей жизни лишь подтверждало, что люди на земле предоставлены сами себе.

Но не верить девушке было невозможно. С этим соглашались все, и ее доброжелатели, и те, кто наоборот. Так что д'Олон решил для себя пока оставить в стороне вопрос о голосах девушки. Она не обманывала, этого ему было достаточно.

Вот и теперь д'Олон размышлял над последними ее словами. С ней опять говорили ее голоса... Про Орлеан и коронацию в Реймсе, то понятно и не ново, но теперь добавилось еще кое-что. Утверждает, что в Сент-Катрин-де-Фьербуа в церкви за алтарем закопан меч Карла Мартелла. Требуется послать кого-нибудь за ним... И что делать? Это-то рядом, за один день можно обернуться, так что дело нехитрое, можно послать...

А что, если там ничего не найдут? Что, если никакого меча с пятью крестами там нет? Д'Олон уже собрался по-тихому отправить в Сент-Катрин-де-Фьербуа своего слугу, дабы проверить сначала... А то и самому съездить, так нет! Она этому своему августинцу рассказала, а уж Паскераль всем наивно раструбил про это. А еще и письмо написал под ее диктовку к священникам в Сент-Катрин, чтобы они нашли меч. Сегодня за ним по приказу короля целая делегация отправилась... А вдруг они его там на самом деле найдут? Чудо-не чудо, но он тогда точно пойдет в церковь и отстоит мессу...

Другое ее поручение было попроще. И, как по мнению д'Олона, нужнее. Ему бы и самому следовало об этом подумать после Пуатье. В общем, те же ее голоса велели ей сделать знамя. И объяснили какое. Местный умелец изготовил все, как она сказала - белый стяг в форме королевской орифламмы с золотыми лилиями, Спаситель с двумя архангелами и золотая надпись: «Иисус Мария». Изготовил мастер и маленький флажок на древко копья. Получилось красиво, ничего не скажешь, но запросил этот жадина аж двадцать пять ливров, каковые и получил от Эмона Рагье, королевского казначея...

Когда на следующий день Жан д'Олон увидел возвращающихся из Сент-Катрин посланцев, его сердце забилося быстро-быстро. Он отдавал себе отчет, что волнуется, а вот она, похоже, не волновалась ничуть. Д'Олон увидел в ней только нетерпение и любопытство, какое-то детское. Ну, ну, посмотрим на ее личико, когда она увидит, что те вернулись с пустыми руками.

Но те вернулись не с пустыми руками. И рассказали совсем уж удивительную историю, как нашли этот меч ровно в том месте, где и сказала девушка, грязный и ржавый, и как ржавчина сошла с него, обнажив пять крестов, и меч засверкал будто новый.

Д'Олон не знал, что и думать. Эти, что привезли меч, не были похожи на деревенских дурачков и не были пьяны. Так что? Чудо произошло? Ведь если подумать, то ничего более удивительного в своей жизни д'Олон и не видел. И чудо, не чудо, а объяснить произошедшее как-то надо. Ничем рациональным это не объяснялось. Ну, разве что король приказал изготовить меч по описанию девушки и теперь явить его в качестве подтверждения ее слов. Бред, конечно... Да и не успеть, меч же нужно еще изготовить, доставить... Или, куда как проще: она знала, что именно такой меч закопан за алтарем, а теперь вот выдала это за свои видения. Только одно «но» – она не обманывала, значит, не могла этого сделать.

Как бы то ни было д'Олон был рад за нее. Рад искренне, по-настоящему. И не в мече дело, уж больно не хотелось ему видеть ее разочарование. И тем более не хотелось, чтобы поднялись злые языки вокруг, а таких, насмешливых и не верящих ей, было не мало. Он и сам был таким еще недавно. А теперь? А теперь – нет.

Апрель 1429 года, замок Шинон, герцогство Турень

- Ты говорил с ней насчет Ришмона? – хмуро спросил Ла Тремуй.

- Говорил, мой господин, - честно глядя в глаза Ла Тремую, соврал Обри. – Вернее, не я, а мои люди.

- И что? – недовольно произнес великий камергер Франции. – Где результат, Тень? Эта чертова стерва, его теща, все уши, наверное, прожужжала королю. При дворе болтают, что он думает его простить! А я не слышал, чтобы твоя девка отсоветовала это Карлу.

- Мы же не можем знать, о чем они беседуют, мой господин. Может, отсоветовала, может, еще нет. Я продолжу работу.

- Пойми, Тень, для нас это важнее, чем если она лично выпустит кишки всем годонам по эту сторону пролива! Король воспрял духом, Орлеан держится, в Блуа собирают отряды – это замечательно! Но если эта бретонская мразь вернется ко двору – мне конец! Двум медведям не ужитья в одной берлоге, тем более с нашей-то любовью друг к другу.

«Он-то, может, и медведь, - подумал про себя Обри, - а ты больше чем на лисицу не тянешь. Только очень откормленную...»

- Простите, мой господин, - вежливо и кланаясь, произнес Обри, - не мое это дело, разумеется, но... ведь вы с коннетаблем не всегда были врагами. Почему вам не попробовать найти общий язык друг с другом! Договориться хотя бы о нейтралитете. Хотя бы на время войны.

- Ты хитер, Тень, - усмехнулся Ла Тремуй, - и много всего такого умеешь. Но ты из низкого сословия, ты никогда не был при власти, никогда не ощущал ее вкуса. Мы ведь здесь грызем и пожираем друг друга не из-за личных обид, не потому, что мы такие алчные сами по себе,

не потому, что хотим еще больше власти и могущества. Вернее, не только поэтому. Но нам страшна сама мысль, что наша власть станет хоть на каплю меньше той, что мы уже получили, не говоря уж о том, чтобы лишиться ее полностью! Кто прочувствовал ее вкус и пристрастился к этому напитку, тот и думать не может, чтоб разделить его с кем-то. Понимаешь?

- Понимаю.

- Не понимаешь... Я и Ришмон - не враги. Мы просто претендуем на одно место. Место возле трона, которое одно-единственное. Я это понимаю, он это понимает, отсюда и ненависть.

- Но мест возле трона много. Как и людей...

- Да, мест много, но каждое особенно по-своему. Мое – справа от короля, прямо рядом с ним. Остальные это понимают и занимают другие места. А вот Ришмон хочет только мое.

- Теперь я точно понял, мой господин.

- Надеюсь. В общем, Тень, говори с ней голосами или приказывай сам, как хочешь. Но она должна убедить короля не возвращать Ришмона ко двору. Потому что, если он все же вернется... тебе придется убить его.

- Это будет непросто.

- Выбирай, что проще.

Проще, сложнее... Обри и не собирался даже выбирать. Нет, он прекрасно понял своего господина и его цели. Они были очень рациональны и по-своему оправданы. И еще совсем немногим ранее он бы сделал так, как тот велел. Но теперь Обри даже думать не хотел о такой мизерной цели, как коннетабль Франции Артур де Ришмон. Какая-то придворная интрига, вражда и ненависть при королевском троне – как же это мелко... Нет, девушка была им создана не для этого. Он сам не сразу это понял, но теперь осознал раскрывающиеся перед ним возможности.

Обри приходил к этому постепенно, размах и размеры его операции росли не столько в его замыслах, сколько благодаря самой обычной с виду крестьянской девушке. Поначалу – всего лишь инструментом его игры, теперь... теперь Обри вдруг подумал, что он сам стал инструментом, что их роли переменились. Это Обри теперь вынужден следовать логике игры, решать встающие перед ним задачи, обеспечивать бесперебойное функционирование созданного им механизма. И ведь никуда не денешься...

А она... она, Обри только сейчас это понял, слушая свои «голоса», исполняя их волю, она все-равно жила своей жизнью. Не придуманной им, не подсказанной «святой Маргаритой» или «архангелом Михаилом», а по собственному разумению. Придумала про коронацию... Потом про Париж. Выдумала себе собственное знамя... Она играла в его, Обри, игру наравне с ним самим, даже переигрывая его. И такое сокровище, такую находку использовать в заурядных дворцовых интригах? Ну уж нет. Такой возможности никогда, скорее всего, у него больше не будет. И задачи нужно ставить соответствующего масштаба.

Апрель 1429 года, Тур

У короля сегодня было хорошее настроение. Обычно такой редкостью пытались воспользоваться все вокруг, но в этот раз Карл VII никому почти не дал такой возможности. Короткое заседание Совета с утра, потом сразу разбор бумаг у себя в кабинете. Вернее, под этим предлогом Карл просто остался один. Но ненадолго, вскоре к нему, как он и приказал, пришли дю Шатель, Ле Масон и де Лоре.

Ле Масона он мог и не звать. Король уже знал его мнение, высказанное на Совете. Мнение, удивившее его, потому что совсем недавно Ле Масон говорил противоположенное. И как раз по этой причине король его позвал и начал разговор именно с него:

- Почему ты поддержал ее поездку в Орлеан? Ты больше не смеешься над ней?

- Не смеюсь, ваше величество.

- Почему ты изменил свое мнение?

- Потому что увидел ее поближе... разглядел.
- И что ты в ней разглядел?
- То, что она может быть вам полезной. И что опасность, которая исходит от нее, не так уж и велика, риск вполне приемлем.
- Разве опасность может исходить от шестнадцатилетней крестьянки? – то ли разыграл удивление, то ли на самом деле удивился король.
- Опасность для вас, ваше величество, может исходить от любого человека.
- Опасность для меня? Ты все-таки не доверяешь ей?
- Ей лично доверять можно. И не в ней самое дело, ваше величество. Она будет действовать в русле ваших интересов, здесь опасности нет. Опасность скрыта в других вещах.
- Ты про ущерб моей репутации?
- Да, но не только. Хотя в Пуатье девушку и признали безопасной для вас, ваше величество, но врагов ваших это ведь не остановит. Или вот еще: чем больше ставка на что-то или на кого-то, тем больше значимость этого чего-то или кого-то для успеха дела. Или неуспеха. Принимая ее как знамя, мы уповаем на подъем боевого духа. Но если в бою знамя падает...
- Это-то я как раз прекрасно понимаю. И боюсь.
- И множество других опасностей и рисков, связанных с этой девушкой, существует для вас, ваше величество. Но, как я сказал, возможная от нее польза все перевешивает.
- А ты, Танги? Что ты думаешь?
- Я согласен с Робером, ваше величество, - ответил дю Шатель. – Время осторожности давно прошло.
- Ну а ты, Амбруаз?
- Скажу, что сейчас осторожность опаснее даже безрассудства. Нужно действовать.
- Думаете, я не хочу действовать? – тоскливо спросил король. - Думаете, я не понимаю опасностей? Понимаю... Но я не понимаю, как это все будет выглядеть. А когда я не понимаю, то сомневаюсь и опасаюсь... Как вы-то это себе представляете? Девушка в доспехах скачет с копьем впереди армии? Или лезет на стену по лестнице? Или только гарцует на скакуне со своим знаменем за спинами других? Что ей делать-то? Она сама-то понимает? Что нам ей поручить конкретно?
- А ничего не нужно, ваше величество, - спокойно ответил Ле Масон, прекрасно видевший, что несмотря на вечную тоску настроение короля было радостным, как всегда, когда ему удавалось принять окончательное решение. И в этот раз, очевидно, решение королем было принято еще до их визита, но игру с убеждением нужно было довести до конца хотя бы из приличия. Поэтому Ле Масон продолжил: – Вернее, поручите ей просто снять осаду с Орлеана.
- Ого? Так просто? Было бы это возможно, мы бы давно это сделали. Я не могу дать ей огромную армию, увидев которую, англичане сами разбегутся. Будь у меня такая армия – девушка была бы не нужна.
- Ваше величество, - обратился к королю дю Шатель, - пусть она действует, как считает нужным. Представьте только, если ей удастся завести в Орлеан обоз. Это невероятно поднимет дух солдат. О ней и так уже в Орлеане сказки складывают...
- И Иоланда тоже того же мнения, что и вы... - задумчиво и грустно произнес король. – Как мне не послушать своих лучших друзей? Решено. Ты, Амбруаз, собирай своих людей и езжай в Блуа. Приглядишь за ней. Я велел д'Олону, но если что, то ты помоги ему сделать так, чтобы капитаны ее не игнорировали. Хотя бы для виду.

Апрель 1429 года, близ Амбуаза, герцогство Турень

Архиепископ Реймский ехал верхом. Он не любил такую езду, и по положению ему, конечно, больше пристало неспешное и солидное путешествие в повозке. Но дорога из Тура в

Блуа не была длинной, и Реньо де Шартр в этот раз ехал не со двором и не один, а сопровождал эту девушку, которую нашел Ла Тремуй и которую теперь чаще называли просто Девой.

Надо было признать, Ла Тремую удался его замысел, девушка получила невероятную известность и на самом деле многое изменила при дворе. Прежде всего, как и задумывал Ла Тремуй, изменился король. Надолго ли – вопрос, это зависело от успехов или неудач девушки, но сейчас тот если и сомневался в ее Божественных голосах, то уж точно понимал перспективы и возможности, открывающиеся с ее появлением. И это его воодушевляло, но не заставило самого стать во главе войска. Что в некоторой степени разочаровало Ла Тремую, но не удивило Реньо де Шартра – король всегда был осторожен, всегда подозревал и всегда опасался.

А вот что удивило архиепископа Реймского, так это сама девушка. На слушаниях в Пуатье она вела себя и говорила, будто на самом деле ею двигала Божья воля. Разумеется, архиепископ знал всю подноготную, знал, что люди Ла Тремую работают с девушкой, что она сама верит во все свои голоса и прочее, но это лишь сильнее озадачило его. Он своим чутьем и опытом понимал, что люди Ла Тремую, сколь бы они ни были искусны и настойчивы, не могли бы внушить ей столько всего. Видимо, многое шло от самой девушки, которая вполне вжилась в отведенную ей роль.

И эта Жанна из Домреми понравилась архиепископу. Она была умна и смела, она вольно или невольно обошла все ловушки, устроенные богословами, у нее было своеобразное чувство юмора, и она не стеснялась его демонстрировать... Нет, на самом деле, подобрать кандидатуру достойнее для такого дела было бы крайне трудно, в этом им с Ла Тремую повезло. После бесед в Пуатье у Реньо де Шартра появился даже интерес к девушке. Что-то было в ней такое, что привлекало архиепископа. Не ее молодость и обыкновенная женская красота, разумеется, но что-то другое, что он никак не мог определенно выразить для себя.

Все то время, пока архиепископ размышлял, он видел впереди ее развивающееся на ветру белое знамя, что вез один из пажей. И Реньо де Шартр, сам не понимая для чего, решил догнать девушку.

- Ты хорошо сидишь в седле, - приблизившись, произнес архиепископ.
- Все так говорят, - улыбнулась девушка. – Чтобы подбодрить меня.
- Ты в этом не нуждаешься, - серьезно сказал Реньо де Шартр. – А я бы не стал тебе льстить. Где ты научилась так управляться с лошадей?
- Дома. Я ездю с детства. С боевым конем сложнее, но это ведь все-равно конь, а не корова.
- Скучаешь по дому?
- Очень.
- Разве тебе не нравится твоя новая жизнь?
- Что же в ней хорошего?
- Как что? Ее нельзя сравнить с твоей жизнью в деревне. Посмотри, сколько вокруг тебя разных достойных людей. Сам король тебя принимал и был милостив с тобой. Ты едешь на коне в доспехах, люди говорят о тебе. И вряд ли во всей Франции есть более тебя известная девушка.
- Мне кажется, я на самом деле привыкаю ко всему этому...
- Так почему же ты хочешь домой?
- Потому что там спокойствие, там простые, привычные заботы, там родители, которых я оставила.
- А здесь?
- Здесь – долг. Дома тоже был долг, но другой.
- И ты выбирала между тем долгом и этим?
- Выбор был несложный. Разве я могла спорить с волей Господа? Я смирилась со своей судьбой.

Архиепископ замолчал. Он испытывал необычное чувство. Он вообще-то уже давно мало что чувствовал и сейчас пытался понять, что именно вызывает в нем эту тревогу или досаду, или еще что-то неуютное, неприятное, словно он сам кому-то должен и не может выплатить свой долг.

- Где ты надеешься умереть, Жанна? – спросил архиепископ.

- Где будет угодно Богу, - совершенно не удивилась вопросу девушка.

- Но если бы ты могла выбирать?

- Дома. Среди родных...

- А если не дома? Если сейчас? Ты представляешь, как и когда умрешь?

- Я не знаю ни времени, ни места. Как и ты не знаешь, как и все.

- А твои голоса? Они не открыли тебе твое будущее?

Девушка ненадолго задумалась, потом ответила:

- Они говорят только то, что нужно делать. Они не говорят, что из этого получится.

- Мне кажется это немного несправедливым. Если они знают, то почему скрывают это от тебя? Почему не предупреждают, что тебя ждет?

- Почему несправедливо? Все ведь зависит от нас. Господь наделил нас правом выбора. Разве правильным будет, если тебе скажут: делай так-то и так, тогда будет то-то и то? В чем же тогда твой выбор, если ты знаешь наперед, что будет за каждым твоим шагом?

- То есть ты не хочешь быть слепым орудием Господа?

- Я хочу исполнить его волю. Но Господь хочет, чтобы его воля на земле исполнялась в мыслях и деяниях людей, которые вольны в своем выборе. Разве это не так?

- Быть может... Быть может. Кто тебе рассказал об этом?

- О чем?

- О Боге. О свободе выбора.

- Мне никто не рассказывал. Просто я так думаю.

Архиепископ холодно и сосредоточено смотрел на девушку, едущую рядом с ним. Его беспокойство и то странное чувство никуда не ушли, только теперь добавилось еще более непонятное ощущение глубокой печали. Не о девушке. О себе.

Апрель 1429 года, Орлеан

Рауля де Гокура сегодня в Бургундских воротах встречал сам Жан Орлеанский, известный всем по прозвищу Бастард. Сыну герцога предыдущего, брату нынешнего и фактическому главе обороны города не терпелось узнать последние новости из королевской ставки. Поэтому он и поджидал Гокура у единственных не до конца блокированных ворот Орлеана. Покинуть осажденный город через Бургундские ворота было несложно, еще легче было попасть в него. Если ты, конечно, не везешь с собой обоз. Вот этого англичане старались не допускать, а люди... Чем больше едоков в городе – тем он быстрее изголодается и сдастся.

Ехавший во главе двух десятков воинов де Гокур увидел молодого сына герцога, как всегда одетого не к бою, а словно тот собрался на бал, и покачал головой:

- Когда-нибудь, Жан, ты получишь свою случайную стрелу или пулю.

- Так дышится легче, Рауль, - беззаботно ответил Жан и пустил своего коня рядом с конем де Гокура. - Ну? Что там слышно?

- Про что именно?

- Ты издеваешься, что ли? Про нее, конечно! Ты ее видел?

- Видел.

- Ну и как?

- Что как, Жан? Обычная девочка лет шестнадцати-семнадцати. Смазливая вполне, хоть и стриженная, разве что тощевата на мой вкус. Или что ты хочешь про нее узнать?

- Черти бы тебя побрали! Что она говорит-то? – раздраженно и возмущенно спросил Бастард. – Что о ней говорят при дворе? Как ее король принял? Что Совет решил? Что дальше будет?

- Она сказала, что послана самим Господом, чтобы снять осаду с Орлеана, - терпеливо и устало ответил де Гокур. – И еще предсказывает коронацию короля в Реймсе. Все это ей рассказывают ее голоса... Я в эти подробности не сильно погружался.

- А король?

- Король отправил ее в Пуатье к нашим церковникам. Они порасспрашивали ее и признали в целом не ведьмой. При дворе про нее разное думают, но Совет, я уверен, все же решит отправить ее в Орлеан. Так что жди. Скоро, вероятно, увидишь ее.

- Она приедет сюда? Зачем?

- Ты меня не слушал? Чтобы снять осаду с города.

- Это не смешно, Рауль... И сколько с ней будет войска? И кто будет командовать?

- Чего уж смешного... Солдат, похоже, будет не то чтобы... но две-три тысячи наберем точно. А командовать... Она будет командовать, Жан! И не улыбайся, это желание короля.

- В смысле – она?.. – даже растерялся Бастард. – Как она? Верхов на коне? Или на корове? Или сидя в телеге?

- На коне она скачет не хуже тебя. Даже копьём владеет. Не знаю уж, как мечом... Ей доспехи сделали по фигуре... В общем...

- В общем, это чудо сюда в железе и на боевом коне приедет? – продолжил удивленный и совсем растерянный Бастард.

- Да.

- Вот это помощь так помощь... Годоны сами разбегутся, наверное... Или передохнут от смеха. Я-то думал это будет выглядеть как крестный ход. Святая, посланница Бога – такая нам нужна. А тут приедет обыкновенный закованный в железо латник...

- Какая тебе разница? Ты же хотел, чтобы она появилась – пожалуйста. А еще она должна будет привезти обоз...

- Ты что, Рауль, в своем уме?! – вскинулся Жан Орлеанский. - Сам-то веришь в то, что говоришь? Крестьянская девчонка привезет нам обоз? Поведет в атаку солдат? Вы там с ума все посходили что ли?

Де Гокур ничего не ответил. Не потому, что обиделся на горячие слова Орлеанского бастарда, а потому что задумался и вообще не знал, что ответить ему. Но и Бастард погасил свою горячность, подумав, что решения в этом вопросе принимал отнюдь не де Гокур. Через пару минут, успокоившись, он спросил:

- Сам-то ты что обо всем этом думаешь?

- Не знаю, что тебе сказать, Жан... - понуро ответил де Гокур. – Я давно перестал верить в сказки и чудеса. Я верю только в то, что вижу, знаю, что можно потрогать руками.

- Значит, ты не веришь ей?

- Ты не дослушал. Дело не в верю-не верю.

- А в чем? – так же мрачно спросил Жан.

- В том, например, что ты встретил меня в воротах и принялся расспрашивать о ней. И в том, я уверен, что ее уже наперебой обсуждают в городе. Разговоры о ней не заменяют людям еду, но позволяют сопротивляться голоду и страху. Она дает надежду, понимаешь?

- Которая быстро обернется отчаянием...

- Это зависит от того, Жан, как мы все воспользуемся ее появлением.

- От того, удастся ли проташить в город хотя бы часть обоза, вот от чего это зависит.

- Да, и от этого, если смотреть на дело узко... Что, совсем уже плохо?

- Это пока еще не настоящий голод. Но каждый мешок зерна и каждая свинья, которых удается доставить в город, теперь на вес золота. Последний раз такое удалось неделю назад.

Магистрат потихоньку опускает руки... Пока хоть какая-то провизия осталась, они с Сентраем в качестве посла отправили письмо герцогу Бургундскому с просьбой принять капитуляцию. Счастье еще, что Бедфорд решительно воспротивился этому. Он не собирается отдавать свою добычу бургундцам, а так вообще... Из хороших новостей только то, что бургундцы обиделись на англичан и ушли. Но недели через две-три можно ожидать, что многие из орлеанцев сами захотят открыть ворота, пусть и англичанам.

- Да, никакая верность не может сопротивляться голоду бесконечно... Жан... ты будь порадушнее что ли с этой девочкой. Уверен, по крайней мере в первое время, она точно поднимет дух горожан. Даже если с обозом ничего не выйдет. Не стоит ожидать от нее чуда, но даже одна небольшая и не Бог весть какая важная победа усилит наши позиции. Прими ее получше, словом.

- С дамами я всегда вежлив, был бы толк с этого.

- Но, Жан, только не нужно ей лезть под подол, ладно? Тем более она в мужской одежде...

- За кого ты меня принимаешь? – усмехнулся Жан.

- Вот за того и принимаю. Нам может пригодиться эта девочка. Вполне может. Но как все это повернется, зависеть больше будет не от нее и не от короля, а от нас. Понимаешь?

- Не понимаю.

- Все ты понимаешь... Я расскажу тебе о наших планах, а сам вернусь в Блуа. Оттуда мы выступим к Орлеану.

- Что, прямо через англичан? – с удивлением, как на сумасшедшего посмотрел на Гокура Жан.

Но и де Гокур посмотрел на Жана, словно тот был скорбен разумом:

- Ты тут недоедаешь, что ли? Или на баб весь извелся? Совсем головой усох...

- Так что? – уже с обидой спросил Жан.

- Пойдем через Солонь. С обозом. Попробуем доставить на лодках часть хотя бы, если река позволит. Если получится, то переправим в город все и сами переправимся. Вы должны подготовить переправы, лодки и должны быть готовы встретить нас...

Апрель 1429 года, замок Анжер

- Здравствуйте, Иоланда, - расплылся в улыбке молодой герцог Алансонский. – Вы все хорошеете.

- Не разучился улыбаться и делать комплименты? – доброжелательно улыбнулась в ответ герцогиня.

- Почти разучился. Но для вас готов улыбаться всегда.

- Не грусти, Жан. Все твои трудности – временные.

- Нет ничего более постоянного, чем временное, Иоланда, - печально произнес Жан Алансонский. – Очень, знаешь, неуютно чувствовать себя нищим.

- Хочешь попросить в долг? Ты знаешь, я никогда бы не отказала ни твоему отцу, ни тебе, но сейчас и у меня не простые времена... Тебе известно, на что я трачу деньги... Словом, все свободные средства мне нужны самой, Жан...

- Я знаю, Иоланда, - снова очаровательно улыбнулся герцог. – За ними и приехал.

- Ты от его величества?

- Да. Орлеанское предприятие обойдется недешево.

- Это уж точно.

Герцогиня Анжуйская задумчиво склонила свою голову, похоже вспоминая что-то или размышляя о чем-то важном. А Жан Алансонский, приняв, видимо, ее задумчивость за сомнения, бодро и решительно произнес:

- Уверен, все получится, Иоланда. Средства, что ты вложишь в это дело, окупятся сторицей. И риск минимальный...

Герцогиня Анжуйская укоризненно покачала своей еще вполне прелестной головкой, и теперь ее улыбка была грустной, зато более настоящей:

- Жан, неужели ты думаешь, мне жалко денег?

- Нет, конечно, Иоланда, - смутился герцог, - Я знаю, что...

- Я их всех до последнего денье готова отдать своим детям, если они им нужны. Был бы от этого толк.

- Почему ты сомневаешься, Иоланда? Мы уверены в победе!

- Кто мы, Жан?

- Да все почти!

- При Азенкуре нас было в три раза больше, и все были уверены в победе. И при Вернёе¹⁰ тоже. Ты помнишь Вернёй?

- Не вспоминай, - поморщился герцог.

- Тебе было пятнадцать? Твое первое настоящее большое сражение могло стать последним. И тебе повезло, что ты остался жив и всего лишь попал в плен... А сейчас что? У нас и близко нет той армии, что была при Азенкуре и Вернёе! А вся ваша уверенность – пустое мальчишечье бахвальство, я его столько раз уже слышала.

- Но сейчас как раз войско поведут не мальчики, а девочка. Теперь у нас есть она!

- Она... Ты часом не влюбился в эту девочку?

- При чем здесь это, Иоланда? Ее нам сам Бог послал, это точно! Ее же проверяли церковники и... посмотри, как люди верят ей! Они готовы идти за ней!

- И ты готов?

- Конечно! Я ее видел, говорил, она... Она, кстати, не так проста, как кажется и умна. Или это и правда ей Бог помогает.

- Или дьявол, - усмехнулась герцогиня.

- Почему ты так, Иоланда? Ты ей не веришь? Почему тогда раньше молчала?

- Да нет, верю, Жан... Я и сама Карлу советовала это. И деньги ты ему отвезешь... Вместе отвезем... Так ты думаешь, она может что-то изменить?

- Она уже изменила.

- Да, возможно, ты прав... И все же не переоценивай ее. И не ставь на нее все, что у тебя осталось, это мой совет тебе. Считай, материнский... Так что? Король все-таки решился отправить ее в Орлеан?

- Не просто отправить. Отправить во главе войска! И с обозом для города.

- Что ж... Пусть ей сопутствует удача.

Апрель 1429 года, Блуа, герцогство Орлеанское

- Ну, что тут у вас, Жан? – спросил, слезая с коня и бросая поводья слуге, Амбруаз де Лоре. – Готовы выступать?

С де Лоре у д'Олона всегда были ровные отношения. Близкие по возрасту, занимающие при короле похожие места и имеющие при дворе один, примерно, вес, они тем не менее никогда не враждовали и хоть были не близкими друзьями, но приятелями вполне.

Королевский двор всегда делился на группы влияния, фракции и изменчивые альянсы по интересам. Принадлежность к одним из них определяла и личные отношения между людьми. Д'Олон знал, как и все, что де Лоре входит в группу придворных, возглавляемую Ле Масоном и дю Шателем, и близок к герцогине Анжуйской, но так как сам он ни в какую придворную группировку или клан не входил, то и не принимал участия в их вражде, сохраняя, так сказать,

¹⁰ Битва при Вернёе между франко-шотландской и английской армией, состоявшаяся 17 августа 1424 года. Окончилась решительной победой англичан, которые называли ее вторым Азенкуром.

нейтралитет. Это избавляло его от утомительной и скучной, на его взгляд, суеты и позволяло выбирать врагов и друзей, не соотносясь с политическими раскладами.

- Не готовы, Амбруаз, - ответил д`Олон. – Ждем еще Сентрая и обещанные три десятка коров. Ну и Гокура, собственно. А еще ждем денег, разумеется.

- Сентрай уже на подходе, он прислал гонца к королю. Коров гонят, на днях будут у вас. Про Гокура не знаю, но человек ответственный, точно не опоздает. А деньги... Деньги – это беда, как всегда. Но, думаю, и это решится.

- Тогда препятствий больше нет. Кроме англичан, естественно.

- Ну а как наша девочка, Жан? – спросил де Лоре, убавив голос. - Никто ее не обижает?

- Обидь такую... - усмехнулся д`Олон. – Она сама кого хочешь обидит.

- Это хорошо. Покажешь мне ее как-нибудь... Да, а армия у нас не то чтобы очень большая...

Большая, не большая, но войск в Блуа, по оценке д`Олона, собралось прилично, никак не меньше трех тысяч человек. Это со всеми: слугами, маркитантами, проститутками, священниками...

Последних было немало, пара десятков, а то и больше. И их всех под опеку взял Жан Паскераль. Девушка попросила изготовить еще одно знамя, вернее хоругвь, со Спасителем, вручила ее Паскералю и приказала регулярно собирать всех священнослужителей под этим стягом и совершать службы.

Священники ее слушались беспрекословно, пели свои гимны, исповедовали и причащали солдат, если кто хотел. Не исповедовавшихся и не причастившихся солдат она к хоругви не допускала, чем, как показалось д`Олону, не сильно их расстраивала. А вот что вызвало их недовольство (не всех, но многих), так это изгнание из лагеря по ее приказу проституток. Эти женщины, не обремененные строгой моралью, по традиции сопровождали военные отряды, внося разнообразие в грубый солдатский отдых и скрашивая их суровый быт. Приказ девушки застал их врасплох, так что многие даже выполнили его поначалу, но человеческая природа быстро взяла свое, и странную и непонятную прихоть их главнокомандующего стали всеми правдами и неправдами не исполнять. Жанна не сдавалась, не гнушалась лично приложиться палкой или чем придется к спинам попадавших ей на глаза женщин, требовала от священников либо поженить желающих, либо пригрозить не допускать к причастию. В конце концов все пришли к выводу, что проще сделать вид, будто ее приказ выполняется, скрывая при этом особенно настойчивых или желанных женщин от сердитого взгляда девушки.

Так же и с ругательствами и богохульствами. Д`Олон-то уже давно следил за своей речью при ней, да и не был он особенным богохульником. А вот другим приходилось несладко, когда они забывались и начинали при девушке говорить своим обычным вообще-то языком. Услышав, как она выговаривала самому Гневному (а он без ругательств и богохульств вообще не умел разговаривать), остальные стали куда как осторожнее на язык в ее присутствии. Ну а сам Гневный поначалу просто молчал при ней, пытаясь понять, как ему теперь доносить свои мысли до окружающих.

Не смотря на все эти чудачества, а может, и благодаря им солдатам Жанна нравилась. Д`Олон понял это быстро, лишь пройдясь с ней несколько раз по лагерю. Возможно их удивлял сам факт, что во главе их король поставил не герцога и не известного рыцаря, а хрупкую, милую девушку. И сама она при этом не была ни принцессой, ни герцогиней, а обычной, как и они, простолюдинкой. И никаких, что интересно, попыток домогательств или даже просто намеков с их стороны. Объяснить это д`Олон мог с трудом.

Но, к удивлению д`Олона, и у командиров Жанна тоже не вызывала ни ревности, ни неприязни. Хотя он и опасался, что женщина во главе, пусть даже формально, войска, вызовет их глухое, а то и открытое недовольство. И когда она во время одного из совещаний принялась отчитывать (как раз за богохульство) Гневного, д`Олон уже ожидал взрыва с его стороны,

благо хорошо знал и самого его, и его бешенный нрав. Однако же хромоногий и безжалостный Этьен де Виньоль, заслужено получивший свое прозвище, выслушал нотацию больше удивленно, возможно возмущенно, но молча. А уж что там кипело в его хромой душе...

Д'Олон удивился еще больше, услышав однажды разговор двух женщин. Из тех, кого Жанна выгоняла, да так и не сумела окончательно выгнать. Несмотря на все это они говорили о девушке без всякой обиды с добротой, и было в их словах, пожалуй, и благоговейное уважение, и надежда, и вера, и какая-то едва заметная грусть и зависть от того, видно, что та сумела сохранить свою чистоту, которую они давно потеряли.

И сам д'Олон, услышав обрывок их разговора, испытал вдруг почему-то радость и что-то похожее на гордость. За нее? Конечно за нее, за кого же еще? И кроме того д'Олон признался сам себе, что это без сомнения были радость и гордость за человека, к которому ты неравнодушен.

Как же так получилось? И двух месяцев не прошло, как он впервые увидел ее. Девочку с остриженными волосами, которая в первый раз не вызвала в нем ничего кроме раздражения. И к которой его назначили нянькой. Это с его-то заслугами... Как он мечтал тогда, чтобы все это побыстрее кончилось. А теперь вот радуется и переживает за нее. Колдовство, не иначе. Или чудо.

Апрель 1429 года, Блуа, герцогство Орлеанское

Гокур приехал с последними новостями из Орлеана, и новости эти были таковы, что выход решили ускорить максимально. Ждать больше никого не стали: кто пришел – тот и пришел.

Пришло, кстати, немало. Когда д'Олон привел Жанну к Жану де Броссу, маршалу де Буссаку, у которого собрались командиры, то насчитал человек двенадцать. Помимо де Лоре и Гневною там были Гокур, Сентрай, адмирал де Кюлан, Жиль де Ре. Последний приехал из Бретани, но явно не с благословения герцога, а, скорее всего, по просьбе Ла Тремуа. Д'Олон знал, что молодой барон де Ре был его двоюродным братом и состоял в хороших отношениях с великим камергером.

С девушкой все вели себя подчеркнуто уважительно, но настороженно и холодно. Не из недовольства ею, а скорее, от непонимания ее роли и ее статуса. После сообщения де Гокура о состоянии дел в Орлеане ей предложили высказаться первой, и она в своей манере, к которой уже привык д'Олон, и которая все еще удивляла капитанов, попыталась узнать, чего ждут собравшиеся:

- Мы медлим с доставкой провизии в город, чтобы там осталось поменьше едоков?

- Провести в Орлеан обоз непросто, - терпеливо начал объяснять де Гокур, глядя исподлобья на девушку. – Нам, вероятно, придется разделить его, но англичане сделают все, чтобы помешать нам...

- Почему англичане могут нам мешать, а мы не можем им помешать? Почему нам самим не атаковать их, чтобы провести в город обоз?

- Потому что у нас недостаточно для этого сил, а англичане находятся в укрепленных позициях. Если мы объединим наши силы с войсками в городе, то можно будет попробовать атаковать... Но сейчас важнее всего провести обоз, а не сражаться с англичанами.

- И как же мы будем снимать осаду с Орлеана, не сражаясь с англичанами?

Спор еще какое-то время продолжался. Со стороны капитанов – осторожный и учтивый, со стороны Жанны – нетерпеливый и, по мнению д'Олона, несколько бесцеремонный. Маршал и де Гокур, как самые опытные, с выдержкой и спокойствием объясняли Жанне азы военного искусства, соотношение сил под Орлеаном, свои возможности и возможности и предполагаемые намерения противника. Про правила движения армии и прикрытия обоза, про действия

против укреплений и использование естественных препятствий Жанна слушала, но выводы ее все-равно не убедили.

Впрочем, и помимо девушки не все согласились с Гокуром, некоторые, в том числе Жиль де Ре, Сентрай и Гневный склонялись к атаке на одно из английских укреплений, блокирующее вход в город. Сам д'Олон в целом был согласен с Гокуром – атаковать англичан, для которых их приготовления в Блуа явно не являются секретом, да еще меньшими силами было бессмысленной авантюрой. А с другой стороны – мимо англичан все-равно не пройдешь, если хочешь зайти в город.

- Надеюсь, мы все-таки попадем в Орлеан, - не слишком вежливо произнесла девушка и первой покинула совещание.

Присутствующие переглянулись молча, только Гневный негромко произнес что-то длинное и гасконское. А потом все обратили взгляды на д'Олона, словно спрашивая у него за поведение девушки. Но д'Олон молчал. Прикрываться приказом короля или тем, что сам не был согласен с ней он не желал. А потому просто молча и без трепета смотрел на остальных.

Тишину нарушил де Лоре:

- Хотим мы того или нет, но ее мнение нам придется учитывать. Можно будет разьяснять ей, убеждать, делать по-своему, но король пожелал видеть ее во главе войска.

- А я вообще не считаю, что она говорила тут глупости, - увлеченно заявил Жиль де Ре. – Не нужно бояться годонов! Одно внезапное нападение, одна выигранная стычка, и...

- Не будем опять заново, - прервал готовый продолжиться спор маршал де Буссак. – Будем придерживаться плана: англичан избегаем, движемся через Солонь к Луаре выше Орлеана. Там решим, что дальше, по обстоятельствам. Тем более, наш план согласован с Бастардом, так что не вижу ни смысла, ни возможности его менять.

- Больше никого не ждем? – спросил де Гокур. – Шабанн должен вот-вот подойти.

- Кто хотел – пришел. – ответил де Буссак.

- А коннетабль? – осторожно спросил Потон де Сентрай.

- Вы все всё сами понимаете, - резко ответил де Гокур. – Его величество считает Артура де Ришмона врагом. А потом, сам-то он желает нам помочь? Вообще неизвестно, на чьей он стороне...

Д'Олон уже после совещания попытался объяснить Жанне особенности географии Орлеана. Даже карту нарисовал. Упрощенную сильно: вот Луара, вот Орлеан, вот Блуа, вот англичане... Он так и не пришел к однозначному выводу, поняла ли девушка его карту, но больше она спорить не стала.

- Почему ты так нетерпелива? – хмуро и устало спросил у нее д'Олон.

- Потому что у меня остался только год. И я не знаю, сколько осталось времени у короля. Я не могу ждать, Жан д'Олон.

- С чего ты решила, что только год? Это опять твои голоса?

- Просто поверь мне. И помоги убедить этих вояк.

- Ты должна понять их... Им никогда не приходилось выслушивать мнение женщины в этих вопросах.

- Тем более простой крестьянки, да?

- И это тоже, наверное. Хоть тебя и прислал король, но эти люди... они давно воюют, они сами по себе. Поэтому тебе лучше проявлять терпение, попробовать понять их опасения.

- Если я буду проявлять терпение и понимать их, Жан д'Олон, то Орлеан падет.

Апрель 1429 года, Линьи, герцогство Орлеанское

В деревушке Линьи, расположившейся на севере лесистой Солони, в обычном убогом сельском кабачке Обри ждал Рене. Тот должен был сообщить последние новости из Блуа. Вер-

нее, уже не из Блуа, а из французской армии, возглавляемой то ли маршалом де Буссаком, то ли девушкой, то ли не пойми кем, и 27 апреля вышедшей из Блуа через Солонь в сторону Орлеана.

После того, как в окружении девушки появился их человек, с видениями для нее проблем не было. Но не было сейчас и большой необходимости в них. Все уже ей было не один раз сказано, она действовала в целом в подсказанном направлении, а новых вводных пока не появилось.

Разумеется, Обри не стал ничего говорить ей про коннетабля Ришмона и прочие вещи, на которых настаивал Ла Тремуй. Обри уже давно определенно осознал для себя, что у него с его господином разные цели, но не спорил с ним, а просто делал, что считал нужным. Другое дело, что влиять на события теперь стало еще сложнее. В его игре поменялись правила - отныне в силу вступили законы войны. Обри четко понимал границы своих возможностей: он мог повлиять на решения и желания девушки. Отчасти, через Ла Тремуя например, мог повлиять на решения капитанов, но как повлиять на англичан? Война, сам ход боевых действий были непредсказуемы, здесь все зависело от огромного количества людей и слишком много зависело от случайности.

Из неслучайностей Обри выделил для себя несколько аспектов. Во-первых, однозначно, появление девушки в Орлеане приведет к воодушевлению во французской армии и среди горожан со всеми вытекающими из этого последствиями. Его люди в осажденном городе сообщали, что весь буквально Орлеан ждет ее прибытия, веря в нее и надеясь, рисуя в своем воображении радужные картины победного окончания осады. Вопрос здесь был в том, окажется ли она в Орлеане. Проникновение в город больших проблем не представляло ни для отрядов, ни для одиночек, но вот захочет ли она сама? Рене должен был на последнем сеансе убедить ее в необходимости в первую очередь прибыть в Орлеан, все остальное потом, но уж больно самостоятельной она стала. И еще это нетерпеливое ее желание поскорее сразиться с врагом... Она, очевидно, думает, что лишь только появится на поле боя, как вся английская армия посыплется, словно карточный домик. Но так не бывает. На одной злости от того, что их противником является женщина, англичане будут держать любой удар.

Появление девушки в Орлеане необходимо, чтобы изменить качество французских войск, усилить их готовность воевать, а из этого уже следовала вторая неслучайность. Воодушевление солдат и горожан в купе с нетерпением самой девушки заставят капитанов пойти хотя бы на одно решительное действие. Что это будет? Особо крупная вылазка, попытка захватить один из английских фортов, окружавших город, или что-то иное – этого Обри, естественно, не знал, но то, что нечто подобное произойдет в самом ближайшем времени по ее прибытию в Орлеан, в этом он был уверен.

Что из этого получится? Наверное, только Господь знает. Обри не питал особых иллюзий, но если эта первая военная акция будет успешной, то, возможно, за ней последует и вторая. Чем он мог помочь девушке при этом? В военном плане мало чем, он не был солдатом.

У Обри было двое своих людей в лагере англичан. Они время от времени поставляли ему информацию о делах у осаждающих, но ничего такого важного и существенного, что могло бы помочь ему, они вроде бы не сообщали. По их отчетам и по сведениям из других источников Обри сделал вывод, что слабейшим звеном в кольце английских укреплений вокруг Орлеана является самый удаленный и самый одинокий форт Сен-Лу. Он блокировал восточные Бургундские ворота, и именно его слабость была причиной того, что город по-прежнему имел относительно свободную связь с внешним миром. Этот форт был возведен англичанами вокруг церкви Сен-Лу, за что и получил свое название. После ухода из-под Орлеана бургундцев одиночество Сен-Лу стало для англичан еще более опасным, но то, разумеется, понимало и французское командование, и английское, а не только Обри.

Во все эти размышления о технике дела время от времени, но все настойчивей в голову Обри проникала другая мысль. Ведь она идет на войну. А на войне, случается, убивают. Ее

могут убить, могут ранить. Ее, конечно, будут беречь, не пустят в самое пекло. Во всяком случае, хочется на это надеется. Но ведь она и сама не подарок, попробуй удержи такую. Да и кроме того, война полна случайностей. Примеров тому – куча, начиная с недавнего, с Солсбери. Опытнейший человек, не новичок какой-нибудь, просто выглянул из бойницы, и теперь его нет. А тут – шестнадцатилетняя девочка, ни разу не видевшая, как масса людей в доспехах и в крови с упоением и злостью убивают друг друга.

В конце концов Обри уже перестал думать обо всем другом и думал только об этом. Молоденькая, красивая крестьяночка, которую он выдернул из ее привычного мира, внушил ей всякого, манипулировал ею... И отправил на бойню. Имел ли он право на это? Что за вопрос, конечно нет. Но это было неважным, не в этом было дело... Какую цель он поставил перед собой, кроме удовлетворения своего честолюбия, конечно? Какая цель оправдает ее возможную смерть? Оправдывает не по законам людей, не в их глазах, а в глазах его собственных. Спасти короля? Спасти Францию? Стоят ли они этого?

Обри хотел совершить чудо. То, чего не мог и не совершал еще никто и никогда. Возможно, только Христос когда-то. Изменить ход истории, ни много ни мало. Ни будучи ни королем, ни папой римским, ни Богом, в конце концов! Изменить просто силой своего разума, своей волей, своей энергией. Для чего? Чтобы потешить свое самолюбие, удовлетворить свои амбиции, испытать гордость... Гордость не только за себя, но за человека вообще. За человека, который сам способен творить чудеса, который стремится быть равным Богу, и который побеждает Бога, наконец. И ради чего еще жить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.